ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Контрольный экземпляр

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Издательство Томского университета

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.В.КУЙБЫШЕВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Издательство Томского университета

Томск - 1989

Проблемы истории дореволюционной Сибири. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. - 248 с.- 2 р.- 500 экз.- 0505010000.

Сборник статей подготовлен преподавателями и научными сотрудниками Томского университета и других вузов Сибири и Дальнего Востока.

В статьях освещаются актуальные и малоизученные вопросы истории дореволюционной Сибири ХУП - начала XX в. Одна часть статей посвящена проблемам истории феодализма, другая - проблемам капиталистического классообразования третья - проблемам классовой борьбы в Сибири.

Для специалистов-исследователей, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

Рецензент - д-р ист. наук А.А.Говорков

Редакционная коллегия:

Проф. З.Я.Боярщинова (отв. редактор), канд. ист. наук В.Н. Большаков, В.А.Бузанова, канд.ист. наук В.П.Зиновьев (зам. отв. редактора), докт. ист. наук А.Т.Топчий

П $\frac{0505010000}{177(012)-89}$ 15-86

© Издательство Томского университета, 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник продолжает публикацию материалов, полученных в результате разработки на кафедре истории СССР и в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета вопросов истории крестьянства Сибири в эпоху феодализма, классов и партий в период капитализма[1].

Вышедшие в свет первые книги по истории крестьянства и рабочих не только подвели итоги изучения истории дореволюционной Сибири с конца 60-х гг., но и выявили малоисследованные факты, нерешенные задачи[2]. Дискуссионными остаются такие проблемы, как характер феодальных отношений в Сибири, промышленный переворот, пути аграрной эволюции в регионе. Слабо изучен вопрос хозяйственного освоения и генезиса капитализма, образования основных классов капиталистического общества, роль городов в социально-экономическом развитии края, формирование капиталистических отношений во многих отраслях - в строительном деле, лесных, рыбных промыслах, речном и гужевом транспорте, торговле. Много "белых пятен" в истории классовой борьбы на территории Сибири, особенно в ХУП-XIX вв.

Материал, подготовленный преподавателями, научными сотрудниками и аспирантами Томского университета, других вузов Сибири и Дальнего Востока -, посвящен именно этим актуальным, но пока малоизученным вопросам истории дореволюционной Сибири.

Статьи распределены по историческим периодам и характеру вопросов, рассматриваемых в них, на три раздела.

Раздел "Проблемы истории периода феодализма" включает статьи, концентрирующиеся вокруг двух проблем: роли и значении в изуче-

---

1. См.: Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та,1983. - 180 с. (отв. ред. З.Я.Боярщинова).
2. См.: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.-Новосибирск: Наука,1982.-458 с. ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.-Новосибирск: Наука,1982.-504 с. ; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.-Новосибирск: Наука,1983.-400 с.

нии России и Сибири историографии ХУШ в. и характере феодальных отношений в Сибири. В центре внимания статей, открывающих сборник, - творческий портрет выдающегося российского историка, исследователя Сибири Герарда-Фридриха Миллера. Авторы объективно и доказательно высказываются против односторонней, упрощенной оценки его как адепта антирусской норманистской концепции, показывают многогранную деятельность Г.-Ф. Миллера по изучению российской истории, подчеркивают его заслуги в публикации произведений замечательного русского историка и государственного деятеля В.Н.Татищева.

Статьи, посвященные различным аспектам развития сибирской деревни в ХУШ - первой половине XIX вв.,вносят вклад в изучение характера феодальных отношений в регионе в этот период, роли Кабинета в их формировании.

Другой раздел составляют статьи, обращенные к проблеме классообразования в Сибири. Авторы рассматривают как социально-экономические особенности этого явления на примере отдельных отраслей (строительное дело, кредитная система) Томска, так и развитие классообразующего процесса в различных сферах хозяйства края -промышленности, в сельском хозяйстве, промыслах. Статьи, основанные на новом фактическом материале, дают дополнительную аргументацию историкам в их споре с буржуазными оппонентами о характере развития капиталистических отношений в Сибири. Авторы статей, вопреки утверждению буржуазных историков о классовооднородном сибирском обществе, убедительно показывают наличие капиталистических тенденций, пролетариата и буржуазии во всех отраслях хозяйства Сибири во второй половине XIX - начале XX вв., к анализу которых они обращались.

Здесь помещена и полемическая заметка Т.П.Прудниковой, в которой выдвигается оригинальная, хотя и небесспорная, точка зрения на критерии определения характера расслоения крестьянских хозяйств в Сибири в последней четверти XIX в.

В третий раздел вошли статьи, освещающие проблемы классовой борьбы в дореволюционной Сибири. Статьи объединяет стремление авторов выяснить общее и особенное в проявлениях классовой борьбы в Сибири по сравнению с общероссийским освободительным движением. В широком историческом диапазоне - от городских восстаний ХУП в. до крестьянского движения в XIX в. - начале XX в. и до учас-

тия сибиряков в буржуазно-демократических революциях - авторы находят доводы в пользу того, что основные черты освободительного движения в Сибири были те же, что и во всей России, хотя и имели существенные сдвиги во времени и интенсивности.

Редколлегия сборника выражает надежду, что статьи, помещенные в нем, своим фактическим материалом и высказанными на их основе суждениями вызовут интерес читателей и помогут в изучении затронутых в них событий истории дореволюционной Сибири.

В.П.Зиновьев

I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СИБИРИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

А.Н.КОТЛЯРОВ

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ Г.-Ф.МИЛЛЕРА ПО "ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ"

Имя первого русского историографа Г.-Ф.Миллера тесно связано прежде всего со становлением отечественного сибиреведения. Подготовленная Миллером в 30-40-е гг. XVIII в. "История Сибири" явилась первым опытом научного освещения истории региона. Вместе с тем в этой работе автор зарекомендовал себя как последовательный защитник колонизаторской политики российского самодержавия[1].

Одновременно с разработкой истории Сибири Миллер выступал по вопросу о начальной истории русского народа и государства. К началу 40-х годов его взгляды в этой области оформились в так называемую норманскую теорию происхождения Руси. Однако миллеровская теория не нашла поддержки в правящих кругах России. На длительное время за ней закрепилась негативная известность антинационального по своей подоплеке историографического явления.

В современной исторической науке интерес к творческому наследию Миллера не только не снизился, но и возрос. Становятся очевидными заслуги историка как одного из первых исследователей русского города, дворянства, государственного аппарата[2]. Существенно пересматривается в положительную сторону оценка вклада Миллера в отечественную историографию в целом[3].

Однако оправданно высокая оценка научных заслуг ученого не должна заслонять вопрос о Миллере-норманисте, а, точнее сказать, о его позиции по "варяжской проблеме". В значительной степени и по-новому этот вопрос решают новейшие работы по истории норманизма и антинорманизма. Они принадлежат перу видных специалистов в области древнейших русско-скандинавских связей и их историографии[4]. Авторы, уточняя или даже пересматривая свои прежние взгляды, дают убедительную характеристику норманизму и антинорманизму как двум течениям отечественной дореволюционной науки, подчеркивают их крайности, слабые и сильные места, принципи-

альное отличие от трактовки "варяжского вопроса" в марксистской литературе. В свете новых положений не кажется неожиданной или "объективистской" своеобразная реабилитация Г.Ф.Миллера, отказ рассматривать его как представителя "идейной бироновщины" и носителя враждебных России настроений.

Однако без специального выяснения остается пока один немаловажный аспект проблемы. Речь идет о судьбе норманистских воззрений в творчестве самого Миллера, включая вопрос об их историографических, источниковедческих и политических истоках, о верности автора своим идеям. Очевидно, что от ответа на указанные вопросы в немалой степени зависит представление о значимости норманской теории для становления Миллера как русского ученого и для развития русской историографии вообще. Дать этот ответ и является задачей настоящей статьи.

О последующем отношении Миллера к своей концепции, которую он выдвинул и отстаивал во время знаменитой дискуссии в Академии наук в 1749-1750 гг., в литературе писалось довольно часто. Но за 250 лет острых и далеко не беспристрастных споров вокруг его имени дело было основательно запутано. Мнения существуют разные, порой диаметрально противоположные. Согласно одному из них после дискуссии Миллер отказался от первоначальной трактовки проблемы и принял точку зрения своего главного оппонента - М.В.Ломоносова. Эволюция такого рода отмечалась представителями обоих дореволюционных течений - норманистами и антинорманистами. С явным неодобрением писали о ней сторонники скандинавского происхождения варягов, начиная с приемника Миллера по Академии наук, А.Л.Шлёцера. Уже в 1767 г. Шлёцер сообщил зарубежным коллегам, что в новой работе "Краткое известие о начале Новгорода" (1760 г.) Миллер неубедительно вывел Рюрика из Пруссии. Позднее Шлёцер еще раз подчеркнул появление в работах Миллера 60-70 годов версии, схожей с версией Ломоносова[5].

Спустя сто лет, один из самых авторитетных норманистов XIX в. В.Томсен усматривал перемену взглядов Миллера в том, что он превратился в сторонника готского происхождения Рюрика и его дружинников-варягов. Эту гипотезу датский ученый называл самой шаткой и нерациональной[6]. Изменение миллеровской позиции не прошло также мимо внимания видных "варягоборцев". После запрещения речи "Происхождение народа и имени российского", писал, например, Ю.Венелин, Миллер согласился с мнением Ломоносова о принадлежности

варягов к племени роксолан[7]. С удовлетворением констатировал выход Миллера из рядов норманистов М.О.Коялович. По его словам, Миллер вынужден был присоединиться к ломоносовской точке зрения[8].

Ценные наблюдения по поводу эволюции взглядов создателя норманской теории принадлежат С.М.Соловьеву. Он первый увидел главную новизну миллеровской статьи "Краткое известие о начале Новгорода..." в тезисе о мирном призвании варягов для защиты славянских земель. Он также справедливо указал на широкое распространение подобной трактовки роли варяжских пришельцев в последующей науке. Однако маститому буржуазному ученому не удалось вскрыть подлинных причин этих важных историографических явлений. Его объяснения не шли дальше вывода о личном столкновении между всесильной группой Шумахера-Ломоносова и одиноким затворником Миллером[9].

В современной исторической литературе взгляд на Миллера как на сугубо кабинетного , далекого от политики ученого был решительно отвергнут[10]. Но судьба его самой известной концепции еще не заняла достойного места при исследовании особенностей идейно-теоретического мировоззрения историка. Констатируется, хотя еще и очень редко, только факт отступления Миллера перед исторической теорией Ломоносова. Сначала немецкие исследователи, а в последние годы и отдельные советские историки стали упоминать о пересмотре Миллером концепции, выдвинутой в 1749 г.[11] При этом, как правило, говорится о позднейшем тождестве мнений Ломоносова и Миллера (Х.Г.Брекер), об учете Миллером мыслей Ломоносова (П.Гофман), о стремлении Миллера не показать своей капитуляции перед Ломоносовым (М.А.Алпатов).

Существует и точка зрения о Миллере как стойком и последовательном норманисте. Начало ей также было положено высказываниями современника в лице самого М.В.Ломоносова. Ломоносов вплоть до начала 60-х годов продолжал обвинять автора "Происхождение народа и имени российского" (на наш взгляд, совершенно необоснованно) в антипатриотических настроениях. Враждебную национальной чести России подоплеку он видел едва ли не во всех сочинениях и делах своего давнего противника. Ему представлялось, что Миллер в неизменном виде продолжал популяризировать норманскую теорию. Миллер, по словам Ломоносова, дал клятву напечатать "золотыми литерами" запрещенную речь 1749 г. и действительно использовал для этого

статью по истории Новгорода[12].

Вслед за Ломоносовым на миллеровской приверженности к норманизму заострили внимание ряд советских исследователей. Так, по мнению В.Р.Свирской, упоминаемая выше статья о Новгороде точно повторяла положения запрещенной академической речи 1749 г.[13] В одной из работ С.Л.Пештича утверждается, что кроме этой статьи Миллер перенес свою концепцию и в книгу "О народах, издревле в России обитавших" (1773 г.)[14]. К сожалению, столь ответственные заявления не подкреплены конкретной аргументацией. Представлению о верности Миллера норманистским воззрениям очень способствует также обширная историческая и историографическая литература, выводы которой строятся вообще без учета написанных им после 1749 г. работ.

Таким образом, уже противоречивые оценки взглядов Миллера на "варяжский вопрос" говорят о необходимости специального исследования этого важного момента в отечественной историографии. Однако исследование должно начинаться не с анализа неудавшегося публичного выступления историка 1749 г. Впервые Миллер обратился к теме "Варяги и Русь" еще в начале 30-х годов. В 1732 г. в своем журнале "Sammlung russische Geschichte" он опубликовал статью "Известие о древней рукописи русской истории монаха Феодосия Киевского". Эта статья содержит истоки его норманизма. Статья представляла собой подробный пересказ содержания знаменитой "Повести временных лет" с элементами исследовательского характера в виде авторских пояснений. В одном из таких пояснений-примечаний и была высказана мысль о том, что упоминаемые в "Повести" варяжские князья - это выходцы из Скандинавии, скорее всего из Норвегии[15]. Помимо определения этнической принадлежности варягов в статье прослеживаются другие элементы позднейшей концепции. У Миллера, молодого и начинающего историка, заметно внимание к скандинавской историографии, знание деятельности викингов на Западе. Из летописи прочно усвоена Миллером версия о переселении славян с Дуная под натиском валахов на берега Днепра и Ильменя, приняты к сведению рассказы о нападениях варягов, о призыве на княжение Рюрика с братьями.

Небольшие миллеровские пояснения сыграли роль первотолчка для развития в России норманистского течения. Под их влиянием[16] был создан цикл работ по "варяжскому вопросу" Г.З.Байера с классическим набором доказательств скандинавского происхождения варягов. Пришлось работать над этой темой и сам Миллер. Спустя Г.

лет, широко использовав байеровские статьи, Миллер уже в качестве придворного историографа предложил собственную трактовку исторической роли варягов на Руси.

Что же представляла собой эта теория? Такой вопрос не покажется праздным, если учесть, что после годичного разбора миллеровской "диссертации" ее текст крайне редко бывал в руках исследователей. Длительное время печатные варианты доклада считались уничтоженными[17], и все суждения о нем строились на основе "рапортов" Ломоносова.

В современном понимании смысл первоначальной концепции Миллера - это попытка нарисать картину образования монархического государства на Руси в ходе завоевания славян варягами-скандинавами. Подчеркивая особую воинственность норманнов, историограф писал тогда, что этот народ"... возводил из своего рода на престол королей в Англии и в обеих Сицилиях; завладел немалою частью Франции и, наконец, победоносным оружием покорил себе Россию..."[18]. Кроме того, норманское завоевание, как и на Западе, сопровождалось переселениями на Восток и колонизацией славянских земель[19]. В "диссертации" много говорилось о походах норманских конунгов на Гардарику, то есть на северо-западные окраины будущего Древнерусского государства, которые начались якобы еще с I в.н.э. В VI в., по Миллеру, в этих местах стали расселяться славяне. Они вытеснили коренных жителей (чудь), но сами попали под власть варягов. Важную роль в концепции Миллера играл его комментарий летописного известия о варяжской дани со славян и об изгнании заморских данщиков накануне появления на исторической арене князя Рюрика. Эту историю он даже представил в лицах. Победителем новгородских славян Миллер считал очень известного датского викинга Рагнара Ладборга. Конунг Рагнар особенно прославился походами на Англию, на империю франков и, в частности, захватом в 845 г. Парижа[20]. Он же, как утверждал автор, "завоевал Россию, Финляндию и Биармию и отдал оные земли во владение своему сыну Зитзерку"[21]. Наследник славного викинга вскоре погиб где-то в Прибалтике, и славяне сумели освободиться от власти северных пришельцев. Однако в силу уже традиционных связей, полагал Миллер, славянские старейшины снова призвали себе князя из Скандинавии в лице Рюрика.

Таким образом, основанию правящей варяжской династии в России Миллер находил полную аналогию в истории Англии, Франции, Италии.

Сейчас, когда мы хорошо знаем теоретические и фактические основы европейской историографии ХУШ в., его точка зрения выглядит как перенос на русскую почву исторической роли викингов на Западе.

С высоты современных научных представлений миллеровская версия является неверной. Сопоставление деятельности викингов в Западной Европе (прежде всего в Англии) и Восточной Европе (прежде всего на Руси) выявило отличия в характере и целях похода на Запад и Восток[22]. Однако нельзя забывать, что поиск в истории России аналогий западным явлениям был важным стимулом для развития и обогащения отечественной науки ХУШ столетия. В своих исследованиях Миллер позднее также продолжал идти этим путем. Таковы его исторические параллели между Новгородом и ганзейскими городами, между русским поместьем и феодом. Определенное время эти параллели были весьма популярны у русских дворянских и буржуазных историков[23]. Что же касается идеи о завоевании как исходном моменте государственности, то ее постигла иная участь.

Эта идея имела в ХУШ в. широкое распространение в европейской медиевистике. Во Франции, например, с завоевания германцами галлоримлян начинал историю страны и французской феодальной аристократии дворянский историк граф Анри де Буленвилье[24]. В Польше епископ Адам Нарушевич выдвигал теорию о начале польского государства и шляхетского сословья с завоеваний особого племени лехитов[25]. При этом вокруг завоевательских теорий обычно разворачивалась ожесточенная научная и идеологическая борьба. Яркий след в истории науки оставило выступление в 30-х годах ХУШ в. идеолога "третьего сословия" аббата Ж.Дюбо против концепции Буленвилье, обосновывающей господство сословия феодалов-аристократов. К этой дискуссии восходят истоки длительного спора между двумя научными течениями – германистами и романистами[26].

Столь же важное значение для русской историографии имели длительные дебаты вокруг "диссертации" Миллера. Ими открылась история борьбы норманистов и антинорманистов. Здесь следует подчеркнуть, что кроме вопроса об этнической (скандинавской) принадлежности варягов самое пристальное внимание оппоненты обратили на вопрос о реальности победоносной варяжской экспансии на Русь. В конечном итоге на этот вопрос был дан резко отрицательный ответ. Он, в свою очередь, был продиктован соображениями о внешнеполитическом престиже России.

Такой вывод со всей очевидностью вытекает не только из заявлений и контраргументации М.В.Ломоносова, которые хорошо известны. Важна позиция, занятая фактическими руководителями Академии и подлинными инициаторами дискуссии И.Д.Шумахером и Г.Н.Тепловым. Их мнения, кстати говоря, научной ценности не имеют. Зато они предельно обнажают политический смысл отрицательного отношения к теории завоевания славян варягами. Особенно выразительны замечания Г.Н.Теплова. Влиятельный асессор академической канцелярии отмечал крайнюю неосторожность Миллера, утверждающего, "что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили..."[27] По словам советника Шумахера, Миллеру можно было бы оставить даже мысль о шведском происхождении варягов. Однако следовало всячески доказывать, что "откуда бы ни производили русский народ, он был всегда народом храбрым, отличавшимся героическими подвигами, которые следует сохранить в потомстве"[28].

Беспокойство академического начальства и патриотически настроенных академиков по поводу негативного для России международного резонанса от теории Миллера, несомненно, имело под собой реальную почву. Роль внешнеполитического фактора, а точнее, русско-шведских противоречий первой половины ХУШ в., которые придавали острую злободневность норманизму, вскрывалась многими исследователями. Еще непримиримый "варягоборец" Ю.Венелин признавал, что это была главная причина гонений на Миллера, ибо "по тогдашнему неприязненному расположению со Швецией такое мнение казалось оскорбительным для чести государства"[29].

К тому времени Россия дважды вступала в открытое противоборство со шведами и выходила победительницей (Северная война, война 1741-1743 гг.). Швеция теряла значение великой европейской державы, росло давление царской дипломатии на ее внутреннюю политику. Однако правящие шведские круги продолжали вынашивать мечту о реванше и реставрации великодержавия. В 1746-1749 гг. трения между странами опять создали ситуацию, чреватую новой войной[30].

Традиционное русско-скандинавское соперничество вполне закономерно переносилось в идеологическую сферу, в том числе, в историю древнейших связей. Особая активность в этом отношении отличала шведскую историографию. В силу специфики исторического развития Швеции ее историография выделялась в Европе своим своеобразием. Так, возвышение страны в ХУП в.в великое государство вызвало бурный расцвет ультрапатриотической теории "ётского величия".

Эта теория провозглашала Швецию или Скандинавию в целом прародиной всей европейской цивилизации[31]. К середине XVII в. на почве великодержавных "ётских" традиций в шведской исторической литературе возникло норманистское течение. Значительный вклад в становление скандинавского норманизма, политически враждебного России, внес Олаф Далин (1708-1763 гг.). Его концепция, изложенная в "Истории шведского государства", заслуживает особого внимания. Имя этого ученого, с "Историей" которого Миллер познакомился до дискуссии в Академии, тесно связано с эволюцией его собственной теории.

О.Далин был крупным деятелем раннего Просвещения. Вместе с тем он разделял реваншистские настроения значительной части дворянско-бюргерских шведских политиков[32]. Работу над своей "Историей" Далин, будучи придворным поэтом, начал по заказу правительства после очередного поражения Швеции в войне 1741-1743 гг. Далинское сочинение строилось на рационалистическом основании и обладало многими ценными для того времени качествами. Однако для этой "Истории" также характерна великодержавная тенденциозность, которая наложила отпечаток на трактовку многих конкретных событий и явлений.

В числе последних оказалась, заняв важное место, и проблема древних русско-скандинавских отношений. Показательно, что О.Далином настойчиво отрицалась распространенная в русской летописной историографии версия о приходе варягов во главе с князем Рюриком из Пруссии. Русская история была откровенно изображена как составная часть истории Швеции. По мнению Далина, Русь находилась под властью шведских королей со II по XII в. Господство же норманских конунгов над славянскими длительное время расширялось и поддерживалось вооруженной рукой[33].

Большое значение Далин придавал правлению князя Рюрика. Зная о его приглашении славянской знатью по "Повести временных лет", историк с поразительной пристрастностью истолковал этот рассказ-легенду. Далин утверждал, что стать новгородским князем согласился шведский король Эрик Упсальский! (По-русски - Рюрик). Автор называл такое событие поворотным во всей истории России. Новый князь не только навел порядок в периферийном владении, но подчинил киевских славян, завел письменность и летописание[34]. С точки зрения Далина, Русь от Швеции оторвало только монгольское нашествие. Удача же сопутствовала кочевникам потому, что из-за усобиц

в самой Швеции норманны не смогли оказать русским помощи[35].

Таким образом, норманизм в историографии Скандинавии, действительно, с момента возникновения был окрашен в антирусские тона. Это требовало от Миллера, облеченного титулом российского историографа, особой политической бдительности. Нельзя было допускать, чтобы повторилась история с работами Байера, которыми воспользовался шведский норманист. Долг русского ученого требовал, по крайней мере, решительно отмежеваться от явных недоброжелателей России.

Однако в "диссертации" и в период дискуссии Миллер не продемонстрировал этих качеств. Отвечая на критику Ломоносова, он называл своим идеалом политический нейтралитет[36]. Ученый придерживался взгляда, что место исторической науки - вне политики, а задача ее - изучение конкретных фактов. Именно такими, не имеющими никакого отношения к политическим страстям, представлялись ему вопросы о происхождении народов и государств, о внутренних и внешних войнах и т.п. Ученый объявлял себя сторонником "основного исторического закона" Цицерона, то есть быть служителем истины[37]. Он находил славные примеры объективных и беспристрастных историков в античной историографии (Фукидид, Т.Ливий), среди европейских авторов разных стран и направлений XVI-XVIII вв. (А.Гуитфельд, П.Х.де Мариана, Ж.де Ту, Д.Бурнет, А.А.Муратори, И.Я.Маскоу). В числе последних фигурировал и швед О.Далин, "объективность" которого нам уже известна. Объективность других миллеровских авторитетов также была весьма относительной. Она улетучивалась под воздействием классовых, внутриклассовых и межгосударственных противоречий[38].

Для самого Миллера вера в "чистую науку" обернулась политической наивностью. Основные источники и логика его "диссертации" показывают, как сформировался первоначальный вариант теории. Опираясь прежде всего на ряд датских, норвежских и шведских "Историй", он совершенно не учитывал их тенденциозный характер. Это приводило к заимствованию преувеличенных представлений о роли скандинавов в европейской истории, присущих литературе Скандинавии со времен "великодержавия" Дании в XII-XIII вв. и его идеолога Саксона Грамматика[39].

Дискуссия 1749-1750 гг. стала для Миллера суровой школой политического воспитания. Она повернула ученого на путь новой трактовки "варяжского вопроса", которая отразилась в его сочинениях

60-70=х годов : "Кратком известии о начале Новгорода", "О народах, издревле в России обитавших", "Известии о дворянах российских". Эти сочинения появились под влиянием различных конкретных обстоятельств, в том числе и по специальному заказу. Но их автор, несомненно, уже твердо усвоил , что исследовательский труд не "партикулярное" дело, тем более для российского историографа. Он перестал игнорировать политические задачи истории, склоняясь к типичному в ХУШ в. признанию ее воспитательно-морализующей функции. В научном творчестве Миллера заметно выросла роль публицистического элемента, отчетливое стремление поставить историю на службу классовым интересам самодержавия и дворянско-буржуазных верхов России. Этим отличаются и работы о Новгороде и древнейших народах, рассчитанные на международный резонанс, и работа о дворянах, затрагивающая самые жгучие проблемы внутренней политики.

В русле изучения истории "варяжской проблемы" важно отметить, что в поздних трудах Миллер значительно изменил отношение к скандинавской исторической литературе. Последняя перестала выполнять роль основного источника, характерную для "диссертации" 1749 г., и подверглась критике за "баснословие" и "темноту". Ведущая роль перешла прежде всего к русским летописям ("Повесть временных лет", "Никоновский свод") как более достоверным памятникам, и к сочинениям греческих, западноевропейских авторов. Один из них, которого Миллер именовал географом Равенатским, или Равенским землеописателем[40], решающим образом, по словам историка, повлиял на пересмотр всей прежней его концепции. Речь шла о так называемом Равеннском географе, анонимном писателе УП в. из северо-итальянского города Равенны, чья "Кос . рафия" до сих пор ценится при исследовании истории франков, западных славян, болгар и т.д.

Однако сами сдвиги в источниковедческой основе и связанных с ней общеисторических выводах во многом определялись идейно-политическими причинами. Пером Миллера на этот раз водило стремление развенчать идеи скандинавских, в первую очередь, шведских норманистов. Поэтому новые результаты в значительной мере были предопределены поставленной задачей. Важное место в миллеровских работах 60-70-х годов заняла критика "Истории шведского государства" О.Далина. Миллер открыто отвергал концепцию и методы Далина, обвиняя его в националистической апологетике. Он выступал против

попыток изображать историю России как часть истории Швеции и особенно доказывал несостоятельность версии о политическом верховенстве древней Швеции над Русью[41]. "Сии и иные многие тому подобные далиновы положения, основывающиеся на одних только вымыслах, или, скромнее сказать, на одних только недоказанных догадках, писал русский академик, не заслуживали бы места в другой какой основательно писанной истории".

Главная же новизна более поздних работ состояла в том, что он решительно порвал со своей прежней норманистской трактовкой "варяжского вопроса". Хотя запрещенная "диссертация" к началу 70-х годов дважды публиковалась за рубежом (заметим, не по инициативе Миллера), сам историк не считал уже ее положения верными. Прежде всего Миллер отказался признавать варягов только выходцами из Скандинавии. Термин "варяги" толковался теперь как собирательное название всех северных народов, занятых мореплаванием по Балтийскому (Варяжскому) морю[42]. Вслед за Ломоносовым варяги-русы признавались им потомками древнего народа роксолан, которые вначале, по Миллеру, переселились на прибалтийское побережье, а в IX в. были прогнаны славянами. Однако в роксоланах он видел не славянское, с точки зрения Ломоносова, а готское (германское) племя[43]. Единственный свежий, но малоубедительный аргумент ученого - упоминание Равеннским космографом роксолан на реке Висле в пределах Пруссии. Он скорее говорит о том, что разрыв с бывшей позицией произошел по иным, политическим соображениям.

По той же причине бесследно исчезло наиболее эффектное звено концепции 1749 г., которое заключалось в утверждении, что славяне были завоеваны викингами. Интересно, что старая аргументация гибко приспосабливалась Миллером для обоснования нового противоположного мнения. Так, он сохранил рассказ о временном захвате власти над славянами войском датского и шведского короля-викинга Рагнара. Но теперь этот рассказ был призван доказать конечную неудачу скандинавской экспансии на славянских землях[44].

Одной же из центральных новых идей являлось подчеркивание своеобразного происхождения российской монархии. В отличие от стран Западной Европы, писал автор, начало России вообще не связано с завоеванием. Славяне могли принять имя прошлой готской руси, как приняли бритты и галлы имя завоевателей - англов и франков. "Сравнение в том токмо несходно, - указывал Миллер, - что варяги здесь

были не победители и не составили целого народа, который бы переходил из одной земли в другую"[45]. Эта мысль получала развитие при дальнейшей характеристике исторической роли варягов. Северная дружина во главе с "принцем" Рюриком рассматривалась только в качестве войска для охраны славянских земель. Поэтому варяги рассредоточились гарнизонами по пограничным крепостям на более опасных направлениях внешней угрозы - в Ладоге, Белоозере, Изборске. По мнению историка, которое разделяется и современной наукой, существовал договор с перечнем указанных условий для варягов[46].

Взгляд на такую служилую функцию пришельцев с Севера отчетливо выступает также в миллеровском "Известии о дворянах российских" (1777 г.). "Известие" особенно примечательно постановкой проблемы о русском феодализме. В отечественной историографии это было одно из первых, а скорее, первое обращение к важнейшему аспекту истории России. С представлениями о феодализме Миллер знакомился у крупнейшего французского историка Ш.Монтескье. "Феодальное учреждение" виделось ему в поместно-вассальной системе, которая существовала в России до Петра I[47]. Истоки же ее он возводил к варяжским дружинам раннего средневековья. Ссылаясь на летописное сообщение о раздаче великим князем Владимиром Святославичем русских городов некоторым из бывших варягов-наемников, Миллер подчеркивал: "Сие было начало российского дворянства, или паче сказать, российских поместий"[48].

Таким образом, можно заключить, что академик Г.Ф.Миллер не являлся последовательным норманистом. В 30-40-х гг. XVIII в. он, действительно, придерживался взгляда о скандинавском происхождении варягов и даже выдвигал идею о завоевании викингами России. Однако в период творческой и идейной зрелости (60-70-х гг.) норманистские воззрения уступили место принципиально иным взглядам на генезис русской государственности. Непосредственная причина эволюции коренилась в традиционном русско-скандинавском политическом и идеологическом соперничестве. Его значение было осознано Миллером после дискуссии в Академии наук в 1749-1750 гг., когда он стал пионером в борьбе с зарубежной (шведской) историографией норманистского толка. Важным результатом на этом пути явилось формирование первых в отечественной науке представлений об особом историческом пути России, которые в большей степени отвечали интересам правящих кругов Российской Империи. Этим определяется главное значение развития взглядов Миллера по "варяжскому вопросу" для творческой судьбы самого ученого и для русской историографии в целом.

I. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в.М.,1957 С.215-216.
2. Илизаров С.С. Русский город глазами историков ХУШ в. // Русский город (историко-методологический сборник). М.,1976.С.153-157;Котляров А.Н. Русская дворянская историография ХУШ в. о формировании привилегированного сословия России в допетровское время: Автореф. дис ...канд.историч.наук. Томск, 1981. С.14-16; Каменский А.Б. Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине ХУШ в. // Исторические записки.М., 1982. Т. 108. С.259-272.
3. Алпатов М.А. Неутомимый труженик: О научной деятельности академика Г.Ф.Миллера // Вестник АН СССР, 1982. № 3. С.117-124.
4. См. об этом: Алпатов М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории ,1982. № 3. С. 31-45; Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьба // Генезис в развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С.35-51.
5.Allgemeine Historishe Bibliothek. Bd. V. Gottinqen. 1768. S. 293. Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Ч. I. СПб., 1809. С.371.
6. Томсен В. Начало русского государства // Чтения Общества истории и древностей российских. Кн. I. М., 1891. С. 18, 84.
7. Венелин Ю. Скандинавомания и ее поклонники или Столетие изыскания о варягах. М., 1842. С.45.
8. Коялович М.О. История русского самосознания. СПб., 1884. С.143.
9. Соловьев С.М. Герард-Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Современник, 1854. № 10. С.115-150.
10. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (ХУШ в.). Кемерово, 1963. С.153; Пештич С.Л. Русская историография ХУШ в. Ч. 3. Л., 1971. С.121.
11.Braker H.-G.A.Z.v.Schlovers Russlands und Slavenbild. Gottingen, 1950 (Maschinenschrift).S.80; Hoffmahn P. Deutsch-russische Beziehungen anf dem Gebiet der Geschihtwissenschaft in 18 Jahrhundert und ihre Bedentung fur die Gegenwart // Jn.:Verbundete in der Vorschung. Berlin, 1976.S.91.
Емельянов Ю.Н. Историческая проблематика периодических изданий Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С.217; Алпатов М.А. Неутомимый труже-

ник, с.122.
12. Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С.492.
13. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.;Л., 1952. Т. 6. С.552.
14. Пештич С.Л. Русская историография о М.В.Ломоносове как историке // Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия истории, языка и литературы. Л., 1961.Вып.4.С.63.
15.Sammlung russischer Geschichte.St.-Peterburg,1732.S.4.
16. Алпатов М.А. Неутомимый труженик. С.118.
17. Гуревич М.М., Шафрановский К.Н. Об издании 1749 года речи Г.Ф.Миллера "Происхождение русского народа и имени российского"// Книга. Исследования и материалы. Сб.6. М., 1962. С.282-285.
18. Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С.23.
19. Там же. С.44-45.
20. Гуревич А.Л. Походы викингов. М., 1966. С.91.
21. Миллер Г.Ф. Происхождение народа российского. С.44.
22. Мельникова Е.А., Петрухин В.Л., Пушкина Т.А. Древнерусское влияние в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // История СССР. 1984. № 3. С.50.
23. Подвигина Н.А. Очерки социально-экономической политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1976. С.24-28; Муравьев В.А. Когда был поставлен вопрос о "русском феодализме?" // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.313-321.
24. Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. С.209-222.
25. Джервис М. О некоторых вопросах источниковедения по истории Польши // Проблемы источниковедения. Сборник первый. М.; Л., 1933. С.169.
26. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974. С.164.
27. Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т.I. С.360.
28. Там же. С. 57.
29. Венелин Ю. Указ. соч. С.44.
30. Некрасов Г.А. Проблема шведского союза во второй четверти XVIII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. 8. С.195-209; История Швеции. М., 1974. С.297.

31. Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л., 1980.С.81.
32. Кан А.С. История скандинавских стран. М., 1980. С. 90.
33. Далин О. История шведского государства. Ч.I. Кн. I. СПб., б/г. С.137, 449-450, 494.
34. Там же. Ч. I. Кн. 2. С.675-680.
35. Там же. С.686-687.
36. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С.67-69.
37. Формулировку этого "закона" см.: Марк Тулий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С.142.
38. О тенденциозности названных ученых см.: Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972. С.243-245, 256; Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С.56-79, 180-197; Косминский Е. Указ. соч. С.84-85, 110-113, 133-134.
39. Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С.131-135.
40. Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших оного города случаях // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Июнь. С.8.
41. Там же. С.9; Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1773. С.84,88,101-103.
42. Миллер Г.Ф. О народах... С.90.
43. Там же. С.124-128.
44. Там же. С.100-101.
45. Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новгорода... С.12.
46. Миллер Г.Ф. О народах... С.103-105.
47. Миллер Г.Ф. Известия о дворянах российских. СПб. 1790.С.38.
48. Там же. С.25-26.

Л.П.БЕЛКОВЕЦ

Г.-Ф. МИЛЛЕР и В.Н.ТАТИЩЕВ

В.Н.Татищев и Г.-Ф.Миллер - два крупных представителя русской историографии XVIII в., почти одновременно начавшие разработку русской истории. Имена этих ученых стоят рядом на первом издании "Истории Российской", автором которой был Татищев, а редактором - Миллер. Последний, как известно, подготовил к печати и издал в 1768 г. "Судебник Ивана Грозного" с татищевскими примечаниями. Именно благодаря огромной редакторской и издательской деятельности Миллера, основные труды Татищева по русской истории стали известны современникам и потомкам, смогли оказать влияние на русскую историографию.

Исследователи, отмечавшие большое значение редакторской деятельности Миллера, сохранившего для нас татищевские труды, проявившего в свое время в высшей степени внимательное отношение ко всем авторским примечаниям[1], не пытались, однако, объяснить этот феномен, не ставили вопросов о том, что объединяло ученых-современников, что заставило одного их них, пережившего другого, на протяжении многих лет неустанно трудиться над возведением памятника умершему. Ответы на эти вопросы дают дополнительные штрихи для характеристики развития исторической науки XVIII в., для воссоздания творческого портрета одного из видных ее представителей - Г.-Ф.Миллера.

Современные исследователи не располагают данными о том, были ли лично знакомы при жизни Татищева ученые, не сохранилось и следов их переписки (Татищев, как известно, вел переписку с Академией наук через ее официальных представителей, Миллер же стал конференц-секретарем Академии уже после смерти Татищева). Известно, однако, что они хорошо знали научные труды друг друга, обоюдно следили за результатами творческой деятельности. В 1732 г. Миллер сделал Академии наук предложение об издании научного сборника по русской истории, который содержал весьма обстоятельную программу этого издания, получившего название "Sammlung russischer Geschichte". Оно должно было, по мысли Миллера, ставшего его редактором, публиковать исследования по различным частям русской истории и подлинные ее источники - летописи, грамоты и т. д. Предложение это было опубликовано на русском[2] и немецком языках, вызвало пристальное внимание западноевропейских читателей (уже в этом же

1732 г. оно было перепечатано в ученых известиях Лейпцига и в 26 томе "Библиотеки Германии")[3], с одобрением оно было принято и членами Петербургской академии наук.

В.Н.Татищев с удовлетворением воспринял намерение Академии издавать исторический сборник, сочувственный отклик у него нашел и миллеровский "прожект к сочинению истории". "Что же оного прожекта касается, - писал он в письме к И.Д.Шумахеру - фактическому главе Академии, мне подает добрую надежду, что из того немало полезного возрасти может" и обещал "с прилежностью трудиться" на пользу новому изданию[4]. Знал В.Н.Татищев и первые выпуски издания[5]. В 1735 г., находясь под влиянием ошибки Миллера, назвавшего автором "Повести временных лет", опубликованной в первом томе собрания, игумена Печерского монастыря в Киеве Феодосия, он просил Шумахера прислать ему из Академии "старого киевского летописца, именуемого Феодосиева, если вышло новое издание его сверх прежних трех"[6] (публикация летописи была продолжена Крамером в 1734 г. в 4-6 выпусках первого тома). Обнаружив в 1738 г. в Саратове 5 частей первого тома, Татищев обратил особое внимание на материалы о калмыках, что заставило его обратиться с просьбой в Академию наук о высылке ему недостающих частей и "описания о калмыцких народах Унковского". Вместе с тем Татищев, выполняя свое обещание о помощи изданию, указал и на "немалые в калмыцкой истории недостатки и погрешности". Его не удовлетворили, к примеру, трактовка термина "контайша" и наименования калмыцких родов, приведенные в собрании. Он был намерен перевести материалы собрания о калмыках на калмыцкий язык и показать их "княгине тайшиной" с тем, чтобы она смогла высказать о них свои замечания[7].

В.Н.Татищев широко использовал "Sammlung russischer Geschichte" при написании своей "Истории Российской", в особенности приведенные в нем данные Кедрина, Зонары, Грамматика, Стурлесона и других авторов. Так, говоря о г. Юрьеве (Дерпте), Татищев замечает, что "оной бесспорно, и вся Эстляндия и Лифляндия тогда под властью русских была, о чем в главе 31 Миллер, Древности русской, стр. 115, и Кельх или Дерпт, которым русские владели прежде 1223 году, а граница русская простиралась до Мемеля"[8]. Татищев критически подходил к некоторым данным (он не принял, к примеру, дату похода князя Игоря - 941, взятую Миллером у Г.Кедрина), что не мешало ему, однако, с большим уважением относиться ко всему изданию.

В 1749 г., незадолго до смерти, собираясь посылать свой труд

в Академию наук, Татищев предполагал поручить "рассмотрение" его Г.-Ф.Миллеру, "яко человеку весьма к тому достаточному", который "как человек преученый и многим читаниям преисполнился, памятью и рассуждением преодарен"[9]. Основанием для этого мнения послужило Татищеву и знакомство с первой главой сибирской истории Миллера, которая в 1749 г. была выслана ему на отзыв. 30 марта 1749 г. он писал о ней: "Сие есть начало русских участных историй, и нельзя иного сказать, как хваления и благодарения достойная. В ней сколько труда, сколько смысла сочинителя, а наипаче образец впредь пожелаючим о других пределах сочинять, чрез что слава, честь и польза России приумножится"[10].

В спокойной и благожелательной форме, как это было уже отмечено А.И.Андреевым, выразил В.Н.Татищев и свое несогласие с основными положениями диссертации Миллера "О происхождении имени и народа Российского". В мае 1750 г. он писал в Академию: "Хотя вижу, что господин Миллер в разглагольствовании о начале народа русского иначе, нежели я, писал, но я не хотел ни его порочить, не моего более изъяснять, а отдам в его лучшее рассуждение, дабы ему дать причину лучшее изъяснение издать"[11].

Г.-Ф.Миллер познакомился с основными трудами Татищева по русской истории после возвращения из Сибири в 1748 г. В декабре 1747 г. он подал предложение в Канцелярию Академии наук о самых насущных делах создаваемого им Исторического департамента, где в числе первостепенной важности дел называл доставку в Петербург имеющихся у тайного советника "известиев, до российской истории касающихся, которыми он, за старостью и слабым здоровьем надлежащим образом сам пользоваться не может". Надо было, считал Миллер, позаботиться о том, чтобы они были взяты в Академию наук еще при его жизни, "ибо когда ему смерть приключится, то опасаться должно, чтоб многое из оных известиев не потерялось"[12]. Миллер был прав, библиотека Татищева, находившаяся в с. Грибанове, сгорела, и многое из того, чем обладал Татищев, безвозвратно погибло для науки, в том числе и рукопись ценнейшей Раскольничьей летописи"[13].

Позднее в своей статье о Несторе Миллер так писал об этой рукописи: "Господин тайный советник Татищев хвалил некоторый старинный список Нестеровой летописи, который у него самого находился. Превосходная онаго древность показывается отчасти по

письменам, кои на квадратные древние греческие и римские походят, отчасти по тому что написан на пергаменте; отчасти из многих находящихся в нем, и в нынешние времена совсем неупотребительных речей; и наконец из того, что оный не далее 1197 году простирается. По сему последнему обстоятельству не без вероятности заключается, что сей список в конце второго на десять века написан. Имя преподобного Нестора в начале оного ясно обозначено"[14].

В этой своей статье Миллер впервые публично заговорил о необходимости издания труда В.Н.Татищева, его "Истории Российской", которая оставалась в рукописи, несмотря на интенсивные попытки автора в конце жизни добиться от Академии наук ее опубликования. В упомянутой статье, начертав своего рода план издания "Нестеровой летописи купно с продолжением оной", Миллер писал: "Сколь нужна летопись печатная, столько же не можно почесть за излишнее, если повелено будет и труды покойного господина тайного советника Татищева такими же образом напечатать. Кто историю читает только для своего увеселения, тот подлинно сими трудами будет доволен, и еще предпочтет оные чтению разных летописей; а кто далее желает поступить, тот может справляться с самим Нестором и его продолжателями"[15].

Миллер, во многом следовавший в этой статье за Татищевым, популяризируя и развивая некоторые его идеи, шел, однако, самостоятельным путем в изучении русского летописания. Этот путь начался в 30-е годы с публикации в "Sammlung russischer Geschichte" на немецком языке в переводе И.В.Пауза Радзивилловского списка летописи по копии, снятой по указанию Петра I в Кенигсберге и хранившейся в Библиотеке Академии наук. Необходимость прокомментировать текст "Повести временных лет", многие понятия и терминология которой были непонятны современному немецкому читателю, вызвала настолько подробные примечания редактора, что они превратились в самостоятельные статьи-очерки. Таковы "Известия о древнейших войнах русского народа с греками, взятые из греческих хроник"[16] "Военные и мирные отношения великих князей Олега и Игоря с греческой империей, извлеченные в сокращенном виде из одной безымянной древней русской летописи"[17], "Войны и прочие события из жизни великого князя Святослава. Из греческих хроник"[18] и др. В этих первых своих статьях по древней русской истории Миллер продемонст-

рировал умение объективно оценить показания иностранных авторов, соотнести их данные с данными русской летописи. Зерно найденный метод сравнения, сопоставления разных источников создал ту основу, на которой появился затем его труд "О первом летописце Российском, преподобном Несторе, о его летописи и продолжателях оныя". В ней, опираясь на разыскания Татищева и свои "собственные исследования", он создает историю жизни Нестора-летописца, истории создания им летописи.

Проведя сравнительный анализ летописи, Киево-Печорского патерика, "Жития преподобного Нестора", Миллер устанавливает дату его рождения - 1056 г. и получает в руки материал для рассуждения о времени его смерти. Здесь его мнение расходится с татищевским, который считал временем окончания нестеровой летописи 1093 г. Миллер полагал, что "сколько проницателен" не был Татищев, он не учел нескольких важных обстоятельств: во-первых, замечание Нестора "о 40 летах своего пребывания в Печерском монастыре", во-вторых, слова патерика о том, что Нестор "поживе лета довольно", в-третьих, известный рассказ летописи под 1096 г. о нападении на Киев половецкого князя Боняка, опустошившего Печерский монастырь, в котором автор говорит о себе, как об очевидце события - "нам сущим по келиям почивающим" и т.д. Произведя нехитрые вычисления, Миллер получает 1113 г. и останавливается окончательно на 1115 г., полагая, что после 1113 г. Нестор "мог еще 2 года жить".

Миллер приводит в статье и характеристику известных ему основных списков Нестеровой летописи и составляет своего рода план их публикации. Помимо Новгородской летописи он называет уже упомянутую копию Радзивилловской летописи и считает необходимым, прежде чем отдать ее в печать, сличить с подлинником. Миллер понимает важность палеографического изучения рукописи, только рассмотрение подлинника "в рассуждении письмен и бумаги", "раскрашенных фигур", считает он, даст возможность составить полное научное представление о летописи. Радзивилловская летопись вместе со "старинным списком" Татищева (имеется в виду Раскольничья летопись) должны быть по его мнению, первыми. За ними должны быть обнародованы и другие известные списки, из которых всегда следовало "выбирать вернейшие и обстоятельнейшие".

Миллер высказал здесь новый для своего времени взгляд и на метод публикации летописей. Метод Татищева - сведение воедино всех

летописных известий разных списков - он считал неприемлемым. Татищев, по его словам, "употребляя свободные часы на описание Российской истории", имел в руках "восемь списков Нестеровой летописи с продолжениями, кои сличал один с другим и изо всех выбирал, что казалось ему обстоятельнейшее и справедливейшее. Из сего сделалась новая летопись, которую он с примечаниями хотел напечатать". "В самом деле, - продолжал он,- не было бы лучшего способу, как сей, если бы читатели иногда не желали сами рассматривать, с довольною ли осторожностию сложены разные речения списков и всегда ли справедливейшие и точнейшие из них выбраны, чего сделать невозможно, если тот список, который за самый лучший и за обстоятельнейший почитается, от слова до слова верно не напечатается, а из прочих разные речения, которые в самой вещи разность делают, присовокуплены не будут"[19].

Этот метод не мог быть принят в то время Академией наук. Когда Миллер, готовивший к печати очередные главы "Истории Сибири", попросил у Канцелярии Академии наук разрешения опубликовать в качестве приложения "летопись сибирскую и тобольскую", ему ответили, что "по прочтении же самим господином президентом сия книги, усмотрено, что хотя по рассуждению господина Миллера потребны доказательства к его сибирской истории, однако находятся при достопамятных вещах немалое число в оной же летописи лжей, басней, чудес и церковных вещей, которые никакого имоверства не достойны, но и противны регламенту академическому...". Поэтому было велено "показанную летопись для объявленных и основательных здесь резонов печатанием оставить до того времени, когда оная и другие ей подобные особливо осмотрены будут и очищены от помянутых непристойных сказок, происходящих от излишнего суеверства"[20].

Миллер сумел провести в жизнь этот метод только в 1775 г. при издании Степенной книги, в предисловии к которой он писал: "Поставил я себе за правило ничего не пропускать, ничего не выкидывать, ни переменять, ни прибавлять; но точно последовать древнему Архиерейскому списку, дабы печатная наша книга могла приобрести совершенную достоверность. Соблюдал я старинный слог, старинное правописание, старинные, ныне уже неупотребительные речи... словом: старался по возможности, чтобы печатная книга ни в чем от подлинника не разнилась"[21].

Если учесть, что на рубеже XIX в. А.Л.Шлёцер все еще пытался создать "очищенного Нестора", т.е. подборку "критически проверенных" текстов различных списков, то можно смело говорить о том,

что Миллер, сформулировавший свой метод в середине XVIII в., значительно обогнал свое время. Именно этот метод утвердился потом в русском источниковедении, на его научность и жизненность указывали позднее историки С.М.Соловьев и П.Н.Милюков[22].

Отмечая это обстоятельство, следует все же иметь в виду, что Миллер в целом очень высоко ценил труд Татищева как свод интереснейших материалов по русской истории. Ценил потому, очевидно, что доверял Татищеву как исследователю. Это проявилось у него и в отношении к рукописям ученого, которые он готовил к печати. В первом издании "Истории Российской", как это было установлено еще И.Сениговым, сличавшим его с рукописями Татищева, Миллер "не допускал... никаких произвольных пропусков, не позволял себе распространить ее никакими фактическими прибавлениями, которые бы отсутствовали в пользуемых рукописях", и, таким образом, выступил как "добросовестный и в высшей степени внимательный издатель исторических трудов В.Н.Татищева"[23]. Тщательность проделанной им работы по сличению текста Татищева с летописями с целью правки описок в тексте, свидетельствуют, по мнению Сенигова, о "добросовестном и сознательном его отношении к тем рукописям, которыми он пользовался при издании". Как отмечал советский исследователь А.И.Юхт, благодаря этому первому изданию, труд Татищева получил широкую известность, исследователи смогли пользоваться им почти 200 лет. Это издание легло и в основу нового, академического издания "Истории Российской", как сохранившее все татищевские примечания ко II части его труда в их окончательной авторской редакции[24]. Такой же характер носила, по признанию другого советского исследователя[25], правка татищевского текста примечаний к "Судебнику Ивана Грозного", проделанная Миллером. Эта правка "касалась лишь тех мест рукописи, где, по мнению издателя, имелись явные противоречия и ошибки и можно смело говорить, что текст,... известный лишь по публикации Миллера, воспроизводит рукопись Татищева практически без изменений".

Отношение Г.-Ф. Миллера к трудам В.Н.Татищева, своего современника, чьи принципы научной работы он хорошо знал, точно так же как знал и многие летописные списки, бывшие в его распоряжении, доверие Миллера к Татищеву-исследователю, проявившееся в целом ряде работ ученого-академика, может служить еще одним свидетельством добротности татищевских известий. Сам Миллер, как известно,

относился к источнику в высшей степени внимательно и чутко. Фальсификации его, если бы таковая имела место в труде Татищева, как это утверждал, к примеру, С.Л.Пештич[26], Миллер бы не принял.

В своих работах по русской истории Миллер нередко отталкивался от материалов Татищева, каждый раз неукоснительно оговаривая это обстоятельство. Примером служит не только статья о Несторе, которая вообще может рассматриваться не только как полный для своего времени свод данных о летописи Нестора, но и как дань научным заслугам предшественника Миллера в ее изучении - Татищева, как своеобразная популяризация его научных идей. В другой своей работе, "Опыте новейшей истории о России", Миллер объяснял свое обращение ко времени правления Бориса Годунова "желанием наследовать сочинение" Татищева, которое он "прекратил кончиною Федора Ивановича, яко последнего из варяжского колена"[27]. И в этой работе, увидевшей свет в 1761 г. на немецком и русском языках, Миллер не уставал говорить о необходимости издания трудов ученого, чье "тридцатилетнее прилежание не может признано быть сего недостойным". "Я, - писал он,- почел за справедливое, зачать с того времени, где он свой труд окончил, для приведения в некоторое совершенство всей Российской истории".

Отношение к трудам Татищева, к нему самому как историку России в высшей степени уважительное было воспринято через статьи Миллера в "Sammlung russischer Geschichte" и "Ежемесячных сочинениях" уже в конце 50 - начале 60-х гг. и западноевропейской критикой. Лейпцигские и Геттинские научные известия в своих рецензиях на 5-й том "Собрания российской истории", где был опубликован "Опыт новейшей истории", подчеркивали, что он является как бы продолжением труда В.Н.Татищева, в течение 30 лет неутомимо занимавшегося русской историей. Геттинская газета с воодушевлением поддержала мысль Миллера о необходимости публикации этого труда, справедливо сетуя на то, что "еще нет ничего верного по древней и средневековой истории русского государства"[28].

Доверие к татищевским известиям, к Татищеву-источниковеду, которое питал Миллер, передалось и его другу и соратнику, известному географу, историку, издателю, одному из лучших знатоков России в Германии в XVIII в.[29] А.Ф.Бюшингу. В своем еженедельнике, выходившем в Берлине в 70-80-е гг., он приветствовал выход в России двух томов "Истории Российской" и подчеркивал, что "труд этот - не столько сама русская история, сколько собрание хороших

и не очень хороших материалов к ней". Он полагал, что на основе этих материалов умелый писатель-историк мог бы написать отличное сочинение по русской истории[30].

Убедительным свидетельством доверия Миллера, которое он питал к татищевским известиям "Истории Российской", может служить еще один его труд "О народах, издревле в России обитавших", вышедшей в Петербурге в 1773 г. В ней он подверг резкой критике точку зрения Татищева о финском происхождении "рюриковых варяг". Здесь также, пожалуй, впервые в русской литературе Миллер высказал сомнение в подлинности известной Иоакимовой летописи, данные которой Татищев использовал для подкрепления своей концепции. Однако для нас сейчас интересен не сам этот научный спор, но заключение, к которому в конечном счете приходит Миллер. "Осторожный Татищев, - пишет он,- сделал весьма разумно, что содержания оного отрывка (из Иоакимовой летописи.- Л.Б.) не внес в самую историю собранную им только из Нестора и разных продолжателями его сочиненных и во многих провинциях найденных рукописей, из коих одна другую объясняет и пополняет, каковой труд учинит славу и заслуги его в Российской истории бессмертными"[31]. Думается, что в этом и заключается ответ на вопросы, поставленные в начале статьи.

---

1. Сенигов И. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В.Н.Татищева // ЧОИДР. 1887. Кн.4. С. 250-262; Андреев А.И. Труды В.Н.Татищева по истории Российской // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л. Т. I. 1962. С. 35; Залк С.Н. О рукописях первой части "Истории Российской" Татищева // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 207; Каменский А.Б. О первом издании Судебника Ивана Грозного с примечаниями В.Н.Татищева // Советские архивы, 1983, № 5. С.84-88.

2. Объявление предложения, до исправления Российской истории касающегося, которое может учиниться частным изданием собрания всяких известий, истории Российского государства принадлежащих в Санкт-Петербурге, при Имп. Акад. наук, 1732 года.

3. Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller. Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten fur den Russlandbild des 18 Jahrhunderts. Berlin, 1958.

4. Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 180.

5. До отъезда в сибирскую экспедицию в 1733 г. Миллер подготовил 6 выпусков I тома и успел издать 3 из них, 3 оставшихся были изданы адъюнктом А.Б.Крамером. В 1736-37 гг. в издании сборника принимал участие Байер, опубликовавший 3 части второго тома. Миллер вернулся к своему детищу только в 1758 г. и до 1764 г. издал еще 7 томов.
6. Андреев А.И. Труды В.Н.Татищева по истории России. С. 16.
7. Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб. Т. 3. 1886. С. 682-683.
8. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2 Гл. 17. С. 25.
9. Андреев А.И. Переписка В.Н.Татищева за 1746-1759 гг.// Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 297-298, 295.
10. Там же. С. 285.
11. Там же. С. 295.
12. Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1895. Т. 8. С. 659.
13. Рыбаков Б.А. В.Н.Татищев и летописи XII в.// История СССР, 1971, № 1, С. 96.
14. Ежемесячные сочинения,к пользе и увеселению служащие. 1755. апрель. С. 321.
15. Там же. С. 302.
16. Nachrichten von denen altesten Kriegen der russischen Nation gegen die Griechenaus denen griechischen Geschichtschreibern// Sammlung russischen Geschichte. Bd.1.1732 S.27-33.
17. Krieges und Friedens Geschafte derer Grossfursten Oleg und Igo mit dem griechischen Kejserthum aus einem alten russischen Chronico Anonymo in die Kurze gebracht// Sammlung...Bd.1.S.407-419.
18. Der grossfursten Suetoslaw Kriege und Begebenheiten. Aus denen griechischen Geschichtschreibern// Sammlung ...Bd.1.S.438-454.
19. Ежемесячные сочинения,к пользе и увеселению служащие. 1755. апрель. С. 301.
20. Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1900. Т. 10. С. 9.
21. Книга степенная царского родословия... Ч. I. М., 1775. Предисловие.
22. Соловьев С.М. Герард Фридрих Миллер // Современник. 1854. № 9. С. 130; Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1. С. 112.

23. Сенигов И. Указ. соч. С. 260-262,
24. Кхт А.И. Указ. соч. С. 207.
25. Каменский А.Б. Указ. соч. С. 64-66.
26. Пештич С.Л. Русская историография ХУШ века. Л., 1961. Ч. I. С. 249-250.
27. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. январь. С. 4-5.
28. Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Leipzig, 1761. S. 811-813; Gottingische Anzeigen von geehrten Sachen. Bd. 1, 1761. S. 177.
29. Hoffmann P. "Anton Friedrich Buschings Woshentliche Nachrichten" als Bibliographie der Russlandliteratur der seibziger und achtziger Jahre des 18. Jahrhundert. // In: Ost und West in der geschichte des Denkens und der kulturellen Beruhungen. Akademieverlag. Berlin, 1966. S 312-320.
30. Doktor Anton Friedrich Buschings Wochentliche Nachrichten von neuen Landkarten, statistischenund historischen Buchern und Schriften. Berlin, 1774. S. 236.
31. О народах, издревле в России обитавших. С нем. на российский язык переведено Иваном Долинским. В Санкт-Петербурге 1773 года. С. 131.

А.Н.ЖЕРАВИНА

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ ВНУТРИ ЗАВОДСКОГО ВЕДОМСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Еще дореволюционным исследователем Д.Н.Беликовым были подмечены факты переселений приписных крестьян Западной Сибири в пределах заводского ведомства[1]. Однако предметом специального изучения миграции приписного крестьянства стали лишь в 60-е гг.нашего столетия. Они заняли важное место в решении вопроса о степени феодальной зависимости приписных крестьян. Положившая начало исследованию крестьянских переселений М.М.Громыко, исходя из их масштабов, пришла к выводу, что приписные крестьяне считались беглыми лишь в том случае, если уходили за пределы заводского ведомства, внутри же него они обладали правом свободного перемещения[2].

Не занимаясь специально изучением вопросов крестьянских миграций, некоторые исследователи повторили и далее развили выводы М.М.Громыко для обоснования положения о том, что степень зависимости приписных крестьян Западной Сибири была меньшей, чем у помещичьих крестьян (М.Е. Сорокин), что приписные крестьяне были свободны в выборе видов хозяйственной деятельности при полном безразличии заводской администрации к тому, чем, как и где занимался крестьянин (Г.П.Жидков)[3]. Таким образом, оказалось, что проблема крестьянских миграций находится в очень тесной связи с проблемой социальной сущности приписного крестьянства. В этом ключе она решена и в фундаментальных коллективных исследованиях, какими явились "История Сибири" и "Крестьянство Сибири в эпоху феодализма"[4].

Между тем уже в конце 60 - 70-х -начале 80-х гг. ряд авторов (З.Я.Боярщинова, Ю.С.Булыгин, К.В.Русаков) высказали свое отрицательное отношение к возможности усматривать свободу крестьянских переселений внутри заводского ведомства, что свидетельствует о наличии диаметрально противоположных точек зрения в оценке условий крестьянских переселений в заводском ведомстве[5].

Заявленные в фонде Кабинета (ЦГИА СССР, ф. 468), в фондах канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства и горной экспедиции (ГАКК, ф.I, I69), Бердской и Бийской судных и земских изб (ЦГАДА, ф.I40I, I402), Чаусской судной конторы, Чарышской земской избы, Тутальского, Кайлинского, Белоярского волостных правлений

(ГАТО и ГАНО, ф.140,321,521,68,103,109,110) материалы дают возможность и вызывают необходимость вновь поставить вопрос об условиях и характере крестьянских миграций в заводском ведомстве на довольно большом отрезке времени, включающем почти весь период существования кабинетского хозяйства в Сибири. К ним относятся списки самовольно переселившихся крестьян, рапорты о переехавших крестьянах, поступавшие в судные земские избы, волостные правления от крестьянских выборных (десятников, сотников, старост) запросы судных и земских изб, волостных правлений, управителей в канцелярию горного начальства и горную экспедицию о том, как поступать по отношению к ним, указы горного начальства, нижних земских судов по конкретным фактам самовольных переселений, рапорты об исполнении этих указов. Отношение горного начальства к самовольным переселениям крестьян нашло отражение и в его переписке с Кабинетом.

По ним удается установить, что уже в первый год перехода Колывано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета горное начальство пыталось пресечь переселения крестьян в пределах заводского ведомства. Но вскоре первый начальник заводов А.Безр вынужден был сообщить Кабинету, что "крестьяне многие по здешним степным и лесным местам в широком расстоянии собою переселивалися, где кто хотел и например написан в Берском остроге, а живет под Бийскою крепостью, а бийский живет под Берскою... иные написаны под Чаусскою сотнею, а живут в Берском и живут однодворками и малыми деревнями"[6].

Отмеченный А.Безром факт многочисленных переселений крестьян стал объектом пристального внимания горного начальства на многие десятилетия. По отношению к тем, кто осмеливался переселяться без его ведома и разрешения, принимались самые крутые меры, о чем красноречиво свидетельствуют факты жестокой расправы с самовольно переехавшими крестьянами.

В 1752 г. в 7 верстах от д.Бехтемирской был обнаружен вахмистром Нелюбовым М.Черданцов, построивший на новом месте избу, переехавший сюда из Бехтемирской деревни с семьей, скотом, частью имущества. На вопрос вахмистра, "с какого позволения поселился", Черданцов ответил, что "позволения ему к поселению ни отколь не дано только подал прошение на оную землю в Бийскую судную избу". Канцелярия горного начальства в ответ на запрос судной избы, что

делать с заселившимся однодворкой Черданцовым, приказал "на прежнее жилище... перевести немедленно... и его за то самовольство наказать плетьми нещадно"[7].

По распоряжению канцелярии горного начальства весной 1758 г. Бердская судная изба разыскала самовольно переселившихся крестьян Т.Заковряшина, Е.Плотникова, М.Чуватова, Т.Хромцова, которые на новых местах жили "своими домами". Их в "крепких смыках" привели сначала в судную избу, затем в канцелярию, по предписанию которой всех их наказали плетьми, построенные ими дома разломали, а "за необъявление о их выезде" при собрании крестьян били батогами и прежних десятников тех деревень, из которых выехали крестьяне[8].

Наказанные за самовольный переезд плетьми или батогами С.Чупин (1759), И.Некрасов, К.Саламатов, Л.Пичугин, Е.Остольцев (1760)[9] возвращены на прежние места жительства.

Узнав в 1755 г. о вновь заведенной д.Кулундинской на территории Бердской судной избы, начальник заводов С.Христиани срочно направил запрос, откуда и на каком основании переехали туда крестьяне. Оказалось, что на Кулунде к 1747 г. поселились 8 семей из д.Жарковой, в 1749 г. - 5 семей из д. Ересной (обе ведения Бердской судной избы), 8 семей из деревень Чингинской и Дреставнской Малышевской слободы. В 1750 г., продав свой дом в д. Самсоновой, Бердского острога, переехал на Кулунду Г.Белозеров (за что он в 1752 г. уже был наказан плетьми). В 1753 г. сюда переехали из Томска "ясашные" Н.Попов, М.Булатов, М.Рощектаев. Самовольно переселившиеся крестьяне жили в пяти населенных пунктах, в которых оказалось 38 дворов. Глубокой осенью 1755 г. в кулундинские деревни на кошт живших там крестьян был направлен шихтмейстер В.Беэр с отрядом казаков для высылки всех их на прежние места жительства. Только четырех жителей (С.Жаркова, И.Андронова, И.Бахарева и В.Литвинова) оставили в Черемшанской и Андроновой, так как их лошадей взяли для сопровождения казаками всех остальных крестьян. "Дворы 34 крестьян... все до единого разломал", - доложил В.Беэр. И.Белозеров в момент выселения с Кулунды был в Колыванском заводе "за продажею скота своего". Его жену "со всем скотом и животом" казаки перевезли в д. Белкову, Малышевской слободы, и передали десятнику. В связи с тем, что выдворенные крестьяне не смогли сразу вывезти хлеб, 10 человекам было раз-

решено жить до весны следующего года в еще не разломанных домах, а летом 1756 г. Христиани разрешил их хозяевам остаться здесь жить[10].

В конце 1757 г. после долгих проволочек горное начальство разрешило остаться на Кулунде жителю д. Кучутской, Малышевской слободы, П.Куликову, который переехал сюда еще в 1752 г., вместе с сыном, отцом, братьями построил избу, овин, 2 амбара. Кроме Куликовых разрешено было переехать на Кулунду еще 7 семьям " на распаханные ими земли между Кулундинскими и Малышевскими деревнями на речке Прослоухе". Все они остались записанными по Бердскому острогу, вместе с бердскими крестьянами должы были выполнять все повинности[11].

В январе 1760 г. Бердская судная изба направила "под караулом" сотника крестьян Алексея и Ивана Кузнецовых в канцелярию горного начальства к следствию за самовольный их переезд из д. Мильтюшской к "вновь построенной мельнице". Им приказали жить по-прежнему в д. Мильтюшской, а на новом месте все строения, кроме мельницы, разломать "до почвы"[12].

Одновременно с зачислением земель по Кулунде крестьяне осваивали берега других рек Алтая. В конце 50-х гг. XVIII в. на речке Солоновке поселилось 7 семей из Бердского острога и Малышевской слободы[13].

Горное начальство оказалось вынужденным части самовольно переселившихся крестьян разрешать проживание на новых местах поселения. После долгого разбирательства обстоятельств переезда из д. Бехтемирской А.Мальцева и из д. Новиковой Матвея и Петра Кайгородовых в 1753 г. Бийская судная изба с позволения канцелярии горного начальства оставила их в покое. А.Мальцев рядом с построенной им еще в 1749 г. мельницей соорудил "небольшую избу", амбар, баню, "для содержания мелкого скота...овчарник", распахал и засеял 25 дес. земли. Как и Кайгородовы, имевшие на новом месте избу, хозяйственные постройки, посевы, А.Мальцев переехал "без позволения", объяснив это тем, что еще не успел обратиться в канцелярию за разрешением на переезд и постройку двора при мельнице. Крестьян приказано было на старое место не переводить, чтобы не причинить им "немалые убытки". За самовольное же переселение старосте Бийской судной избы было приказано Мальцева и Кайгородовых "при собрании крестьян дабы впредь на них смотря другим так чинить было неповадно", наказать их "нещадно

плетьми", что и было исполнено[14].

Далеко не всех самовольно переехавших крестьян удавалось быстро найти[15]. Когда их все же обнаруживали, как правило, за самовольный переезд наказывали, а затем либо возвращали на прежнее место жительства, либо, что было чаще, "в рассуждении производимого ими хлебопашества", оставляли жить там, куда они переселились.

Масштабы крестьянских переселений, как уже отмечалось, были значительными. Между Ш и IУ ревизиями только из деревень ведения Бийской земской избы в другие деревни этой же избы переехало 228 семей. В Томском, Кузнецком уездах переехавшими крестьянами было основано 239 новых населенных пунктов, в 13 деревнях Чумышской, Тальменской, Боровлянской, Белоярской слобод поселилось в 1793-1795гг. 228 душ м.п. На новых местах крестьяне имели "дома и хлебопашество"[16]. Между IУ и У ревизиями, а также в конце ХУШ в. в Тарсминской слободе переехала 91 семья, в пределах Барнаульской, Чарышской, Касмалинской земских изб - 82 семьи. 31 крестьянская семья из деревень Касмалинской избы в новых местах поселения имела 24 избы, 30 амбаров, 26 скотных дворов, 7 бань, мельницу, 172 дес. посевов[17].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разрешенные переселения были не что иное, как переселения, фактически начатые без ведома властей. Самый типичный пример: в 1775 г. горное начальство разрешило А.Батеневу переехать из д. Таскаевой за 25 верст на "порожее место", где он 6 лет назад завел заимку, на которой имел уже 20 дес. посевов, распахал еще 20 дес. земли под посев ржи "к будущему лету". Один из братьев А.Батенева до окончательного его переезда на заимку постоянно жил на ней[18].

В конце ХУШ в. неоднократно издавались указы канцелярии горного начальства о запрещении крестьянских переселений. В 1797 г. земских управителей вновь обязали объявить всем крестьянам, чтобы никто и них не переселялся и ничем не обзаводился на новом месте. Уже в бесчетный раз десятникам приказали никого из деревень не отпускать. Особо подчеркивалась ответственность тех, кто из своего селения отпустит, так же, как и тех, кто позволит самовольно переселившемуся крестьянину жить в деревне[19]. Однако это не могло остановить крестьянских миграций. Горное начальство не смогло пресечь заселение крестьянами Кулундинской степи, хотя и

приложило к этому немало усилий. В результате массовых переселений сюда крестьян возникла Кулундинская слобода, в ведении которой в 80-е гг. XVIII в. находилось 29 населенных пунктов с числом жителей в них в 1.882 души м.п. В конце XVIII в. из Кулундинской волости пришлось выделить Бурлинскую, в них насчитывалось более 60 деревень. 3.871 душа м.п. В 1802 г. при обследовании крестьянских селений в Кулундинской степи унтер-шихтмейстером Баженовым было обнаружено еще 16 новых деревень, основанных самовольно переселившимися крестьянами[20].

Таким образом, остановить крестьянские переселения оказалось не под силу ни крестьянским выборным, ни земским управителем, ни канцелярии горного начальства. Кабинет считал такое положение недопустимым. В 1805 г. он потребовал от горного начальства, чтобы никто из крестьян без ведома канцелярии самовольно не переселялся[21]. Но вскоре обнаружилось "переселение крестьян в большей степени" в отдаленные от трактовых дорог и заводов места. В 1817 г. последовал новый указ Кабинета. Во исполнение его по требованию канцелярии горного начальства управители объявили в каждом селении, "чтоб всякой крестьянин, где кто по сказкам 7 ревизии состоит непременно тут бы жительством и оставался и впредь никому ни под каким видом никакого позволения без особого на то разрешения канцелярии не чинить". Крестьян предупредили, что если они и после этого будут переселяться самовольно, то "не только будут на старые жилища возвращены, но сверх того и оштрафованы". Со всех крестьян взяли подписку в том, что они "без особого позволения никого на жительство из других селениев по самовольному переселению принимать не согласны"[22]. Самовольно переселявшиеся крестьяне стремились узаконить свое проживание на новом месте. Как и во второй половине XVIII в., довольно распространенным явлением было обращение крестьян за разрешением на уже состоявшийся переезд. В декабре 1816 г. жители д. Сорочьего лога Белоярской волости дали согласие на переезд В.Шибких с сыновьями и внуками в д.Гилеву, Касмалинской волости, где он жил уже 4 года, обзавелся домом, "имел хлебопашество". Тогда же они сообщили волостному правлению, что в их деревне тоже четвертый год живут крестьяне д. Бородавкиной, Бердской волости, братья Веснины с семьями, "обзавелись домами, скотоводством, производят хлебопашество и желают оне переселиться в наше селение"[23].

Что же касается исполнения указа Кабинета 1817 г. о запрещении крестьянских переселений, горное начальство вынуждено было признать, что ничего не изменилось к лучшему. В конце 1819 г. в связи с тем, что крестьяне продолжали подавать прошения, причем уже после переезда на новое место "с объявлением, что они там уже имеют жительство или производят одно хлебопашество с некоторым до мообзаводством , канцелярия горного начальства потребовала от волостных правлений всех крестьян, которые переселились в этом году, "несмотря ни на что выслать каждого туда, где ныне по ревизским сказкам наличными состоят"[24].

Телесные наказания крестьян за самовольные переезды уже не упоминаются в указах Кабинета и канцелярии горного начальства. Управители должны были руководствоваться тем, что "всякое своевольное заведение продаваемо будет с аукциона", а жители селения, откуда крестьяне осмелятся переезжать на новые места, будут штрафоваться "чувствительною пенью", С "лучших людей" вновь взяли подписку в том, что жители каждой деревни будут строго следить друг за другом, старшины и десятники - наблюдать, чтобы никто "в их селениях самовольно не поселялся" и никто никуда не переселялся[25]. Однако переселения крестьян пресечь не удавалось. Продолжалось интенсивное заселение Кулундинской степи. К началу 20-х гг. XIX в. там вдвое увеличилось число населенных пунктов, а число жителей в них выросло в 2,5 раза. Из двух волостей (Кулундинской и Бурлинской), существовавших с конца XVIII в., выделились еще две (Нижне-Кулундинская и Карасукская). К концу первой четверти XIX в. в Кулундинской степи насчитывалось уже 120 населенных пунктов с числом жителей в 9.568 душ м.п. Кулундинская степь во второй половине XVIII-первой четверти XIX вв. оказалась одним из районов активного освоения крестьянами по их инициативе[26]. В первой трети XIX в. в переселениях внутри всего заводского ведомства участвовало около 30 тыс. душ м.п. Как и ранее, преобладающими были переселения крестьян на незначительные расстояния. О масштабах самовольных переселений крестьян дают возможность судить сведения об основанных крестьянами населенных пунктах без ведома властей. За первую треть XIX в. самовольно переселившимися крестьянами было основано 80 новых населенных пунктов, 134 - по указам горного начальства, но по инициативе крестьян[27].

Таким образом, с самого начала существования кабинетского хозяйства в Сибири горное начальство, прибегая к суровым мерам наказания, безуспешно пыталось пресекать крестьянские переселения без его санкции. Его отношение к переездам крестьян находилось в соответствии с нуждами горнозаводского производства, развитие которого в значительной мере зависело от того, насколько своевременно(или с большим опозданием)крестьяне выполняли вспомогательные работы. Сам порядок наряда, высылки крестьян на заводские отработки предполагал обязательное проживание их там, где они были записаны во время проведения очередной ревизии, так как расклад в заводские работы производился с учетом данных ревизских сказок. В связи с массовыми переездами крестьян возникали большие затруднения при высылке их на заводские работы, за переселившимися крестьянами приходилось отправлять нарочных и, как уже отмечалось, нередко неизвестно было, куда отправлять их за "нетчиками". Кроме того, по тем же причинам возникали большие сложности со взиманием с крестьян провианта, выполнением ими других повинностей.

Именно исходя из нужд горнозаводского производства,заводские власти с первых лет формирования кабинетского хозяйства с санкции Кабинета пытались предотвратить крестьянские переселения внутри заводского ведомства. Но на пути осуществления этого оказались серьезные препятствия. Возникновение кабинетского хозяйства и сельскохозяйственное освоение Алтая совпали по времени. В заводском ведомстве имелись объективные предпосылки для массовых крестьянских переселений. Наличие огромных, еще не освоенных земельных массивов,привело к господству в его пределах вольно-захватной системы землепользования. Приписной крестьянин к обрабатываемому им земельному участку не был привязан. По мере выработки пахотных земель, в поисках лучших сенокосных угодий он мог в пределах территории, находившейся в ведении данной судной, земской изб, волостного правления занимать и обрабатывать новые участки земель. Но переезжать ближе к ним в целях сокращения расходов, вызываемых удалением от места жительства пашен и сенокосных угодий, крестьянин не имел права. Он должен был жить там, где его записали в ревизские сказки. В силу этого приписной крестьянин оказался прикрепленным к месту жительства (на основе его личной зависимости от владельца земель кабинетского хозяйства).

Таким образом, крестьянские переезды внутри заводского ведомства были ограничены. Горнозаводская администрация ни во второй половине ХУШ в. (а именно применительно к этому времени, исходя из масштабов крестьянских переселений, М.М.Громыко в свое время сделала вывод о свободе их), ни позднее не была равнодушной к переездам крестьян. Приведенные выше факты, отражающие крестьянские миграции в районе Колывано-Воскресенских заводов за 1747-30-е гг. XIX в., дают веское основание для принципиального возражения против утверждения, содержащегося в новейшем на сегодня исследовании, из которого читатель узнает: "Горное начальство снисходительно смотрело на самовольные переселения, если крестьяне при этом не уклонялись от заводской повинности. Строже стали преследоваться переселения в горных округах Кабинета в 1830-х гг. в связи с передачей крестьян в ведение Министерства финансов"[28]. Телесные наказания, разрушение на новом месте выстроенных крестьянами домов, хозяйственных построек "до почвы", возвращение самовольно переселившихся крестьян на прежнее место жительства, наказание десятников за несвоевременную информацию о переехавших крестьянах, наказание управителей, бравших на себя выдачу разрешения на переезд крестьян - все это свидетельство того, что нет оснований усматривать наличие свободы крестьянских миграций внутри заводского ведомства. По данным Т.П.Прудниковой, крестьянские переселения не были свободными на кабинетских землях не только до реформы 1861 г., но и какое-то время после нее[29].

Исследователи, считающие, что приписные крестьяне Сибири в рамках кабинетского хозяйства после 1747 г. остались на положении государственных крестьян или были ближе к ним, чем к помещичьим крестьянам, в качестве одного из аргументов в пользу этого утверждения приводят относительную свободу передвижения приписных крестьян в пределах заводского ведомства, свободу, которой на самом деле не было.

---

1. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск, 1899. 138 с.

2. Громыко М.М. Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины ХУШ в.// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962. С. 298-299.

3. Сорокин М.Е. Горнозаводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747-1779 гг.:Автореф. дис ....канд. ист. наук. Томск, 1965. С. 10,11,13,14;Жидков Г.П. Кабинетское землевладение. Новосибирск, 1973. С. 110.
4. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 242; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.271.
5. Бояршинова З.Я. О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в ХУШ - первой половине XIX вв. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1969. С. 353-364; Булыгин Ю.С. Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материале миграции населения Колывано-Воскресенского горного округа// Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 193-203; Русаков К.В. Миграции приписного крестьянства в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в первые три десятилетия XIX в. // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 93-95.
6. ГААК, ф.1, оп.1, д.17, л.151; д. 33, л.6,6 об., 9; ЦГИА СССР, ф.468, оп.18, д.93, л.243 об.
7. ГААК, ф.1, оп.1, д.153, л.21;22.
8. ЦГАДА, ф.1401, оп.1, д.21, л.274.
9. ЦГАДА, ф.1401, оп.1, д.20, л.426,427,610,611; Булыгин Ю.С. Характеристика социальной сущности приписного крестьянства... С.196
10. ГААК, ф.1, оп.1, д.166, л.78,79,85-88,90,91,94.
11. ГААК, ф.1, оп.1, д.211, л.19-21,23,29.
12. ГААК, ф.1, оп.1, д.309, л.5,9.
13. ЦГАДА, ф.1401, оп.1, д.17, л.45; ГААК, ф.1, оп.1, д.130, л.150,151.
14. ЦГАДА, ф.1402, оп.1, д.8, л.63,61,89,90.
15. ЦГАДА, ф.1401,оп.1,д.27,л.76,121,161,175,197,251,290; д.28, л.1,80,95,100,134,166; д.29, л.1,21,38,39,52,97,101,103,113,120, 168,230.
16. ГААК, ф.1, оп.1, д.42, л.215-220.
17. ГААК, ф.1, оп.1, д.231, л.297,298,307-315.
18. ЦГАДА, ф.1401, оп.1, д.25, л.301.
19. ГАТО, ф.68, оп.1, д.5, л.168.
20. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в ХУШ- начале XIX вв. Омск, 1973. С.296-298.
21. ГАТО, ф.68, оп.1, д.2, л.159-160.
22. ГАТО, ф.68, оп.1, д.2, л.162.
23. ГАТО, ф.68, оп.1, д.1, л.473,475.

24. ГАТО, ф.68, оп.I, д.4, л.4,56,57,75.
25. ГАТО, ф.68, оп.I, д.4; л.I68 об., I70,I72-I77.
26. Колесников А.Д. Указ .соч. С.296-298.
27. Русаков К.В. Указ. соч. С.94-95.
28. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С.27I.
29. Прудникова Т.П. Крестьянский протест против сословной неравноправности в пореформенной западносибирской деревне (60-90=е годы XIX в.)// Крестьянство Сибири ХУШ- начала XX вв. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, I975. С.I55.

Е.М.БОРБЛИК

УЧАСТИЕ СИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ВЕДОМСТВОМ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ЗАВОДОВ В 1749 - 1779 гг.

Проблемы развития системы управления российского абсолютизма привлекают внимание многих исследователей. В рамках этой проблемы ведется исследование и организации управления Сибирью[1]. Однако управления таким районом Сибири, как Алтай - Колывано-Воскресенских горный округ - имело ряд особенностей, которые не нашли отражения в названных работах.

Между тем изучение этого вопроса представляет значительный интерес. Алтай не стоял в стороне от общего исторического развития, но разложение и кризис феодальной системы на этой окраине российской империи имели свои специфические особенности. В 1747 г. здесь создается ведомство Колывано-Воскресенских заводов, которое позднее перерастает в Колывано-Воскресенский горный округ. Во второй половине XVIII в. в это ведомство входили территории современных Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской и южной части Томской областей. С одной стороны, эти территории всецело управлялись горной администрацией. С другой стороны, как часть империи они должны были подчиняться общим ее установлениям. Вопрос о взаимоотношениях органов общегосударственной системы управления и горнозаводских властей, являясь составной частью проблемы организации управления Алтаем, сыграет определенную роль в выяснении форм и методов осуществления внутренней политики абсолютистского государства, а также особенностей развития абсолютизма в России в целом.

Особенности развития экономической и социальной жизни этого региона во многом были обусловлены особой формой владельческой принадлежности заводов и рудников, что давало возможность широко использовать экономические резервы феодального государства.

Как известно, в советской исторической литературе нет единства мнений по вопросу о владельческой принадлежности Колывано-Воскресенского горного округа (в XVIII в. - ведомства Колыванских заводов). Для рассмотрения же интересующей нас проблемы необходимо определить свою точку зрения в этом вопросе. Изучение целого ряда источников - архивных материалов, законодательных документов, периодической печати XIX в.[2] -позволило нам прийти к сд-

нозначному выводу о том, что владельцем предприятий и земель Колывано-Воскресенского заводского ведомства был царствующий император. Это наложило свой отпечаток на формы и методы осуществления в этом регионе внутренней политики правительства, а также и на организацию местного управления.

В течение всего XVIII в. шел процесс формирования территории горного ведомства, его административного устройства, а также создания на основе этого административного деления системы управления горнозаводским производством и связанным с ним населением. На территории Алтая в XVIII в. создаются специальные учреждения для управления ведомством Колывано-Воскресенских заводов. Это особая система управления в основном формируется в конце 40 - 70-х годах XVIII в. С 1779 по 1797 гг. территория заводского ведомства управляется на общих основаниях с другими районами страны, здесь создается Коливанская губерния. Позднее, в 1797 году, восстанавливается Канцелярия горного начальства, и Колывано-Воскресенский горный округ управляется на тех же основаниях, что и в 1747-1779 гг.

Для управления заводским ведомством, как уже отмечалось, создается специальное учреждение - Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. Однако новая система управления формируется не на пустом месте. На территории, вошедшей в заводское ведомство, уже существовали общегосударственные органы для управления населением этого региона - судные избы, приказчики, воеводские канцелярии. Эти учреждения не могли остаться в стороне от процесса формирования системы управления горным ведомством. Их участие в этом процессе складывалось по-разному.

Низшие звенья системы управления - судные (с 1762 г. земские) избы были выборными органами, крестьянской администрацией. Как всякое низовое учреждение, занимающееся управлением, земские избы были наиболее рабочим, активно действующим органом этой системы. Функции их были крайне разнообразны - административные, хозяйственные, полицейские, судебно-исполнительные. Земские избы, наряду с другими органами, занимались осуществлением внутренней политики правительства по отношению к крестьянам. Главной задачей земских изб было обеспечение выполнения приписным крестьянам феодальных повинностей во всем их многообразии.

С созданием на территории Алтая ведомства Колывано-Воскресенских заводов вся полнота власти в этом районе перешла в руки

горных властей и специально созданного учреждения для управления этим районом - Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Для практического осуществления своей политики горные власти нуждались в низовом аппарате управления. В качестве такого низового звена управления были использованы уже готовые, сложившиеся учреждения, осуществлявшие управление крестьянами - судные избы. Они просто перешли в ведение горных властей вместе с населением, а следовательно, и территорией, приписанными к заводам в 1747 - 1759 гг.[3]

Функции судебных изб, в сущности, не изменились. Главным в их деятельности по-прежнему было обеспечение выполнения крестьянами феодальных повинностей. Только теперь важнейшей феодальной повинностью становится заводская барщина, то есть выполнение необходимых для развития заводского производства вспомогательных работ, а до 1779 г. крестьянский труд мог использоваться и при добыче руд, жжении угля. Судные избы, обеспечивая выполнение приписными крестьянами этих повинностей, совершенно естественно, без каких-либо законодательных мероприятий, переходят в свое новое качество. Они становятся частью теперь уже не общегосударственной, а горнозаводской системы управления населением Алтая.

Еще более интересные изменения претерпевает институт приказчиков. Приказчики были представителями государственного бюрократического аппарата в низшей административной единице Сибири XVII века - слободском или острожном ведомстве - и проводили в жизнь политику правительства по отношению к крестьянам. Судные избы - выборные органы крестьянской администрации той же административной единицы - осуществляли эту же политику.

Во время создания ведомства Колывано-Воскресенских заводов и приписки крестьян к заводам в 1747 - 1748 гг. приказчики вместе с другими уездными и губернскими учреждениями занимались вопросами перехода крестьян в горнозаводское ведомство. И после окончательной передачи крестьян в ведение горных властей эти самые власти просто оставили приказчиков при исполнении ими их же прежних обязанностей по отношению к крестьянам, только теперь приписным, то есть также включили их в горнозаводскую систему управления. На требование уездных властей вернуть приказчиков в губернию главный командир заводов Беер ответил отказом. Мотивировка отказа была следующей: крестьян "без смотрения оставить не должно", а определить кого-то на подобную должность в самом

заводском ведомстве "за малоимением служителей не ис'кого"[4].

Таким образом, низ. ie звенья губернского аппарата управления, стоявшие ближе всего к непосредственным производителям - крестьянам, вместе с переходом приписных крестьян в заводское ведомство также перешли в ведение горных властей и постепенно стали частью горнозаводской системы управления. Теперь уже они полностью вышли из-под контроля губернских властей и подчинялись Канцелярии горного начальства и Кабинету, то есть специальным органам по управлению населением Колывано-Воскресенского заводского ведомства.

Уездные и губернские учреждения - воеводские канцелярии, Сибирская губернская канцелярия, в ведении которых до создания заводского ведомства находилась территория Алтая, продолжали принимать определенное участие в управлении этим регионом и после перехода его в ведение горных властей. Однако их положение по отношению к другим органам управления Алтая, как и их функции, заметно изменилось.

Воеводские канцелярии были восстановлены по указу 1726 г. Дальнейшими законоположениями 1727 и 1728 гг. были уточнены их функции. На эти учреждения возлагались "вся расправа и суд", а также сбор подушных денег[5]. Воеводские канцелярии, таким образом, были органами по управлению уездами.

Первым мерс-риятием, по поводу которого воеводские канцелярии вступили во взаимоотношения с горными властями, была приписка крестьян к заводам в 1747-1748 гг. В дальнейшем приписка крестьян, а вернее их передача в заводское ведомство, также производилась при непосредственном участии губернских и уездных властей. Происходило это следующим образом. Из Сената указ о приписке крестьян к заводам отправлялся в Сибирский приказ. Оттуда в Сибирскую губернскую канцелярию пересылался также указ с изложением повеления Сената и требованием "чинить исполнение" по нему. Последнее распоряжение исходило уже от Сибирского приказа. Из Сибирской губернской канцелярии подобные же указы отправлялись в воеводские канцелярии - для непосредственного исполнения.

Воеводские канцелярии собирали необходимые сведения, составляли и уточняли списки крестьян и должны были "в полное ведомство Канцелярии (горного начальства) отослать при письменном

виде с именными ведомостями немедленно". Ведомости отсылались и в Сибирскую губернскую канцелярию, а уже оттуда сообщалось о ходе или завершении дела в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства - промеморией - и в Кабинет и Сенат (всеподданнейшим рапортом)[6].

По вопросам приписки крестьян, то есть обеспечения заводов рабочей силой, воеводские канцелярии часто вступали в непосредственные взаимоотношения с Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства. Это касалось выяснения, например, вопросов, где крестьяне были ранее приписаны по ревизии, все ли крестьяне платили подати и нет ли у кого из них недоимок, и т.п. Такие вопросы, возникавшие в ходе приписки крестьян, решались воеводскими канцеляриями и Канцелярией горного начальства в рабочем порядке, без обращения к вышестоящим учреждениям[7].

Еще одной важной стороной деятельности губернских и уездных властей было их участие в обеспечении содержания заводов, а также в снабжении их всем необходимым.

Суммы на содержание Колыванских заводов в это время отпускались из соляной суммы и других таможенных сборов в Сибирской губернии[8]. Перечислением и отправкой этих сумм на заводы занималась Сибирская губернская канцелярия через воеводские канцелярии. Последние должны были выбрать счетчиков для доставки денег на Колывано-Воскресенские заводы, организовать и проконтролировать эту доставку, то есть в данном случае являлись исполнительными учреждениями. Но те же воеводские канцелярии могли выступать и в качестве распорядительных органов. Так, если суммы на содержание заводов долго не поступали, Канцелярия горного начальства требовала от воеводских канцелярий принятия каких-то мер. Последняя в этом случае могла приказать подчиненным ей должностным лицам выдать необходимые на содержание заводов суммы из средств, вырученных за продажу соли непосредственно на заводах[9].

Немалое место в деятельности уездных и губернских учреждений занимали вопросы снабжения заводов провиантом и необходимыми для производства материалами[10]. Вопросы организации снабжения заводов могли решаться как через Сибирскую губернскую канцелярию, так и самими воеводскими канцеляриями. Сибирская губернская канцелярия обычно отдавала распоряжения по наиболее важным вопросам, например, о снабжении заводов порохом, или по вопросам, решение которых было связано с обращением к другим общегосударственным

или общесибирским учреждениям - о доставке свинца из Нерчинска в Барнаульские заводы.

Непосредственно же заготовлением и организацией доставки провианта и материалов ведали заводские канцелярии. За какие-либо упущения в деле снабжения заводов строго спрашивали. Расследованием подобных вопросов занималась Сибирская губернская канцелярия[11].

Органы губернской администрации выполняли еще одну важную функцию по отношению к заводскому ведомству. До 1779 г. "питейная продажа", заготовление и продажа соли, а также доходы за них были "содержаны под зависимостью воеводской канцелярии". Определенные "соляные приставы", или "соляные головы", получали из окружных магазинов соль "по указной цене", доставляли ее на заводы и рудники и организовывали там ее продажу. Для перевозки соли нанимались "вольные возчики"[12], то есть все это организовывалось без участия населения горного округа, подведомственного горным властям.

Большое место в деятельности губернских органов управления отводилось судебно-следственным делам. По этим вопросам губернские учреждения находились в тесных связях с горными властями.

По указу 1747 г. все наиболее важные уголовные преступления должны были решаться в уездных и губернских органах, то есть в воеводских и Сибирской губернской канцелярии[13]. Эти учреждения занимались расследованием и решением дел о воровствах, убийствах, фальшивых паспортах и даже побегах. Процедура рассмотрения дела была следующей. В Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства отправлялся рапорт из судебной избы с изложением обстоятельств преступления. Оттуда в воеводскую канцелярию отсылался указ с изложением тех же обстоятельств, а иногда и вместе с преступником. Там дело рассматривалось и решалось. Иногда, если преступление было не очень важным, воеводская канцелярия предписывала "означенному делу быть по здешней земской избе", то есть рассмотрение и решение его оставалось в ведении горных властей.

В других лучаях, если преступление было серьезным с точки зрения воеводской канцелярии (например, если речь шла о трижды бежавшем из заводского ведомства крестьянине), дело посылалось на главное рассмотрение в Сибирскую губернскую канцелярию, о чем и доносилось горным властям.

В проведении следствия по различным делам активно участвовали учреждения заводского ведомства - судные избы. В таких случаях воеводские канцелярии запрашивали необходимые им сведения по делу через Канцелярию горного начальства. Судные избы допрашивали лиц, имеющих отношение к делу, и опять-таки через Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства отправляли эти "допросы" в губернские органы.

После решения дела в воеводской или Сибирской губернской канцелярии о результатах доносилось горнозаводским властям. Наказание осуществлялось, то есть приговор приводился в исполнение, воеводской канцелярией или горными властями в зависимости от совершенного преступления.

Представление о делах, которые рассматривались в воеводской и Сибирской губернской канцеляриях, дает ведомость "об отосланных в уездные суды ведомства заводского колодниках и крестьянах". В течение месяца туда поступили дела о продаже воровских лошадей, о подозрениях в намерении отравить мужа, в убийстве, в "битии", "утоплении", в "порче", "по сумнительству в смерти жены" и даже "в тыкании яксбы подканцеляриста в ночное время ножем и в произношении неблагопристойных и похвальных слов"[14].

Воеводские канцелярии также ведали выдачей паспортов крестьянам заводского ведомства, если те должны были куда-либо отлучиться из пределов горного ведомства[15].

Кроме того, в первые годы существования и деятельности заводского ведомства воеводские канцелярии обычно доводили до сведения приказчиков и судных изб общегосударственные распоряжения о проведении тех или иных мероприятий - о необходимости содержать в порядке леса и соболиный лов в них и т.п.[16]

Следует отметить, что воеводские канцелярии находились в более тесных сношениях с Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, чем другие губернские органы. В повседневной практике их отношений воеводские канцелярии выступали в качестве подчиненных учреждений. Это отразилось прежде всего в переписке названных органов управления. Воеводские канцелярии всегда обращались в Канцелярию горного начальства с рапортами и донесениями, тогда как последняя отвечала указами. Такое их взаимное положение не было определено в каких-либо законодательных указах или запрограммировано при учреждении Канцелярии горного

начальства. Оно сложилось в результате их практических взаимоотношений и объяснялось, на наш взгляд, особенностями владельческой принадлежности горного ведомства, с одной стороны, и отсутствием четкого представления о необходимой организации управления ведомством Колывано-Воскресенских заводов как у горных, так и у губернских властей - с другой. Известен случай чрезвычайно резкого официального ответа главного командира заводов Беэра кузнецкому воеводе Мировичу по вопросу о доставке провианта на заводы. Беэр в своем ответе дал понять, что полномочия горных властей гораздо выше, чем губернских. Изучение архивных документов дает основание предполагать, что подобный ответ не был единичным случаем, а отражал определенные точки зрения в аппарате управления того времени. Это еще раз подтверждает высказанное выше о взаимоотношениях горных и губернских властей.

К сибирской администрации того времени следует отнести и некоторые другие учреждения - Сибирский приказ, который существовал до 1763 года, Сибирскую соляную контору, а также командующего сибирскими войсками (генерал-майора Киндермана)[17].

Сибирский приказ был восстановлен в Москве в 1730 г. "для управления Сибирью". Он заведовал всеми делами по Сибирской губернии[18]. Это учреждение также принимало некоторое участие в управлении Колывано-Воскресенским заводским ведомством. Но в основной деятельности его вопросы, связанные с управлением названным ведомством, занимали не так много места.

Сибирский приказ, как правило, выступал в качестве промежуточного звена между высшей администрацией - Сенатом - и сибирскими губернскими учреждениями при решении наиболее важных вопросов, связанных с жизнедеятельностью заводского ведомства. Это относится к вопросам приписки крестьян к заводам, их содержания, организации продажи вина и соли. Сибирский приказ принимал участие и в решении судебно- следственных дел, если по своему содержанию они выходили из компетенции Сибирской губернской канцелярии. В этом случае Сибирский приказ выступал в качестве посредника между общегосударственными и губернскими учреждениями - сыскным приказом, сенатом[19]

Некоторое участие в управлении горным ведомством принимала и Сибирская соляная контора. Она занималась организацией продажи соли в заводском ведомстве, а также вопросами содержания заводов, отпуском денежных сумм на это[20].

Для "сбережения заводов от неприятеля" и поддержания внутреннего порядка на них требовались военные силы. Обеспечение ими заводского ведомства входило в компетенцию командующего сибирскими войсками. Этот институт в лице генерал-майора Киндермана осуществлял обеспечение заводов не только военными силами, но и "припасами" - артиллерией, порохом, и даже принимал участие в снабжении заводов провиантом[21]. Между Киндерманом и главным командиром заводов Беэром существовала активная переписка по самым различным вопросам.

Таким образом, сибирская администрация не могла не принимать участия в управлении ведомством Колывано-Воскресенских заводов, которое создавалось на подведомственной им территории. В силу особенностей владельческой принадлежности заводского ведомства горные власти были совершенно независимы в своих действиях от губернских учреждений и вступали с ними во взаимоотношения лишь по необходимости. Губернские же учреждения оказывали всяческое содействие горным властям. Их участие в управлении горнозаводским ведомством сводилось к обеспечению заводского производства всем необходимым, начиная от рабочей силы (осуществление приписки крестьян к заводам) и до ведения и решения судебно-следственных дел, то есть поддержания необходимого для нормального развития производства порядка в заводском ведомстве. При этом некоторые учреждения общегражданской администрации выступали в качестве подчиненных по отношению к горным властям (воеводские канцелярии); другие же институты (приказчики) вошли в горнозаводскую систему управления на тех же основаниях, что и раньше, они состояли в общегосударственной системе. Позднее институт приказчиков-земских управителей трансформировался и стал звеном горнозаводской системы управления.

Следует отметить также, что наиболее активное участие губернских учреждений в управлении заводским ведомством относится ко времени формирования заводского ведомства и управления им. Постепенно в дальнейшем степень участия губернских органов в управлении ведомством Колывано-Воскресенских заводов сокращается. В их ведении остаются только судебно-следственные дела по важным уголовным преступлениям. Это объяснялось совершенствованием горнозаводской системы управления, уточнением ее функций и места в системе управления Сибирью в целом. К 70-м гг. XVIII в. формирование горнозаводской системы управления в основном закончилось.

I. Рабцевич В.В. Развитие местного управления Западной Сибирью в 80-х годах XVIII – первых десятилетиях XIX вв.;Научные труды Новосибирского пединститута. Вып. 45. Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1970. С. 50-72. См. также другие исследования этого автора: Рафиенко Л.С. Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 219-233; Она же. Сельское управление в Сибири в XVIII в. // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 2, Вопросы управления Алтаем в XVIII в. специально ставились лишь в следующей работе, хотя и частично: Жеравина А.Н. Управление приписными крестьянами Алтая во второй половине XVIII в. // Из истории Сибири. Вып. 13, Томск, 1974.
2. ЦГИА, ф. 468, оп. 19, д. 1549, л. 18-19; Томские губернские ведомости, 1864. 6 марта, Часть неофициальная. С. 59.
3. ПСЗРИ, собр. I, т. 14, № 10976, ф. I, оп. 2, д. 151, л. 142-198.
4. ЦГАДА, ф. 517, оп. I, д. 311, л. 88.
5. ПСЗРИ I, т. УП, №№ 4929, 5033, 5333.
6. ЦГАДА, ф. 248, оп. 22, д. 7/1509, л. 7-15; ЦГИА, ф. 468, оп. 18, д. 99, л. 134-136 об.
7. ЦГАДА, ф. 517, оп. I, д. 311, л. 71-71 об.; ГААК, ф. I, оп. I, д. 90, л. 44-52; ф. I, оп. I, д. 289, л. 2-4.
8. ПСЗРИ-I, т. XII, № 9403, т. XV, № II, 185.
9. ЦГАДА, ф. 517, оп. I, д. 311, л. 1-6, 23-29, ф. 517, оп. I, д. 464, л. 1-8.
10. ЦГАДА, ф. 517, оп. I, д. 311, л. 2, ф. 517, оп. I, д. 482, л. I, 27; ф. 633, оп. 2, д. 13, л. 4-14.
11. ЦГАДА, ф. 517, оп. I, д. 69, л. 252; ф. 517, оп. I, д. 311, л. 2, 54-55, 62; ф. 517, оп.I, д. 482, лл. I,27,38; ф. 633, оп. 2, д. 13, л. 4-14.
12. ЦГАДА, ф. 517, оп. I, д. 755, л. 1-6; ф. 1401, оп. I. д. II, л. 64; ЦГИА, ф. 468, оп. 45, д. 317, л. 34-35.
13. ПСЗРИ-I, т. XII, № 9403.
14. ЦГАДА, ф. 248, оп. 39, д. 2494, л. 13-76; ф. 333, оп. 2, д. 16, л. 4.; ф. 415, оп. I, д. 196, л. 3-14; ф. 517, оп. I. д. 318 л. 1-25, д. 401, л. 1-21. д. 536, л. 1-9. II-55. 72-74, д. 591,

л. I; ф. 633, оп. 2, д. 67, л. 35-36, д. 76, л. I; ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 9II, л. 9-23 об.

I5 ГААК, ф. I, оп. I, д. 90, л. 72-I69.

I6. ЦГАДА, ф. I40I, оп. I, д. II, л. 29-36.

I7. ЦГАДА, ф. 5I7, оп. I, д. 3II, л. 85-89; д. 946, л. I-8.

I8. ПСЗРИ-I, т. УШ, №№ 5659, 6I65.

I9. ЦГАДА, ф. 2I4, оп. I, ч. 6, д. 4576, л. 5-6 д. 4666, л. 8-58; ф. 248, оп. 39, д. 2795, л. 252.

20. ЦГАДА, ф. 5I7, оп. I, д. 753, л. I-2; ГААК, ф. I, оп. I, д. 273, л. I-I4.

2I. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., I867. С. 28; ЦГИА, ф. 468, оп. I8, д. 64, л. I-3 об.

А.А. МАЛЫХ

СКОТОВОДСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Хозяйство сибирского крестьянина XIX в. представляло собой несложный комплекс нескольких отраслей сельской экономики. Основой крестьянского хозяйства являлось хлебопашество. Вспомогательную роль играли скотоводство, промыслы и ремесла.

Содержание скота в крестьянском хозяйстве всегда было связано с земледелием. Главная задача крестьянского скотоводства заключалась в обеспечении земледелия тягловой силой. Важной функцией скотоводства было снабжение крестьянской семьи пищей и сырьем для кустарной переработки в предметы первой необходимости. В сибирских условиях особое значение имело коневодство.

Ландшафт, природные и климатические условия Западной Сибири, за исключением ее северной окраины, в целом были пригодны для развития крестьянского скотоводства. На протяжении XVIII - первой половины XIX вв. эта отрасль хозяйства постепенно прогрессировала. Темпы развития были невысоки, но количественный рост и некоторые элементы качественных изменений прослеживались постоянно[1].

Замедленное развитие было характерным и для скотоводства государственных крестьян Тобольской и Томской губерний в первой половине XIX в. Исследование наиболее существенных черт этого процесса, анализ состояния крестьянского скотоводства в предреформенные годы составили предмет настоящей статьи.

Скотоводство сибирской деревни получило некоторое освещение в дореволюционной краеведческой и советской исторической литературе.

Сибирские краеведы XIX в. стремились передать общий взгляд на крестьянское скотоводство. Сведения о скотоводстве в их работах основывались на материалах официальной статистики, были локально ограничены и касались прежде всего условий и методов содержания скота. Скудны сведения об обеспеченности крестьянских дворов скотом. Ценность информации "описателей" заключалась в непосредственности и живости, которые могут быть привилегией только современника[2].

В советское время проблемы социально-экономической истории государственной деревни Сибири стали разрабатываться на качест-

венно новом уровне. Но крестьянское скотоводство обделялось вниманием. Общая картина рисовалась чаще на априорной основе, чем на документальном материале. Первой половине XIX в. с его новорожденной статистикой повезло больше, и сюжет скотоводства привлек внимание нескольких историков - М.М.Громыко, И.П.Трошина и др.[3] Изучались, в первую очередь, приемы крестьянского скотоводства, условия содержания скота. Краткий обобщающий очерк крестьянского скотоводства был сделан в коллективной монографии о крестьянстве Сибири[4].

Многие трудности в исследовании поднятой темы объясняются состоянием источников. Сведения о породности, методах разведения, формах содержания скота можно отыскать в краеведческой и экономической литературе XIX в. Сложнее с данными о численности скота, обеспеченности скотом крестьянских хозяйств. Современные историки феодальной Сибири считают, что без подворных переписей скота невозможно создать достоверную картину развития крестьянского скотоводства.

Преобладание общих и средних цифр в дореформенной статистике скотоводства толкуется как полный и безоговорочный разрыв статистических данных с реальной жизнью. Такая связь, по нашему мнению, должна быть, и задача историков - нащупать, выявить ее. Это можно сделать, произведя отбор наиболее качественной статистической информации. Постоянно корректируя отобранные данные с помощью косвенных показателей, достоверность которых доказана, можно получить картину, приближенную к действительности.

При анализе крестьянского скотоводства в предреформенные десятилетия XIX в. можно оперировать рядом статистических показателей. Известны общая численность крестьян государственной деревни в Тобольской и Томской губерниях и количество крестьянских дворов по округам, волостям и населенным пунктам. Достоверность этих показателей можно оценить высоко, они прямо связаны с фискальной политикой государства. Общая численность разных групп скота по губерниям, округам, иногда волостям и отдельным населенным пунктам известна. Ценность этих показателей зависит от их массы и хронологического охвата: чем больше единиц информации, чем плотнее они расположены по годам, тем достовернее.

Общие показатели, характеризующие сибирское крестьянское скотоводство к концу феодального периода, собраны в архивах Ленингра-

да, Омска, Томска, Тобольска и извлечены из опубликованных материалов официальной статистики. Коррекция этих показателей осуществлялась с помощью косвенных документальных, архивных данных (например, уровень развития скотоводства проверялся уровнем развития обрабатывающей скотоводческую продукцию промышленности) и с помощью данных литературных источников (например, степень обеспеченности крестьянского двора скотом проверялась аналогичными данными в свидетельствах современников).

Крестьяне государственной деревни Тобольской и Томской губерний в 40-50-е гг. XIX в. разводили и содержали лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней.

Территориальное размещение скотоводства определялось природно-климатическими условиями. Западносибирскую низменность можно разделить на северную и южную хозяйственные зоны. Север - это лесные округа с их суровой природой и приспособленным к ней комплексом хозяйства, имевшего 250-летнюю традицию развития. К числу таких округов относились Тобольский, Туринский, Тюменский и, в известной степени, Тарский Тобольской губернии, Томский, а с 1856 г. и Мариинский округа Томской губернии. На севере крестьянское хозяйство было в основе земледельческим, но заметное место занимали в нем промыслы и ремесла. Юг - это лесостепные и степные округа, где климат был помягче, условия для скотоводства благоприятней, а комплекс крестьянского хозяйства только оформлялся, притирался к особенностям колонизуемой территории. Здесь хлебопашество также было основным крестьянским занятием, но скотоводство кое-где приобретало самостоятельное значение. В южную зону входили округа Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Омский Тобольской губернии, и Каинский округ Томской губернии.

В табл. I приведены статистические данные о размерах крестьянского скотоводства в северной и южной зонах.

Обращает внимание относительно скромный темп прироста абсолютного количества скота на севере и, напротив, сравнительно высокие темпы прироста в южной зоне.

Для южной зоны необходимо отметить ускорение темпов развития овцеводства. С колонизацией русским крестьянином лесостепных и степных районов Западной Сибири, где овцеводство могло развиваться успешно, эта отрасль скотоводства приобретала большее, чем раньше, значение. Традиционный консерватизм крестьянской эконо-

мики, несомненно, оказывал сдерживающее влияние на практику разведения овец, но 50-60 гг. были периодом определенной ломки старых представлений, о чем и свидетельствовала пореформенная статистика[5].

Относительно больше в 50-е гг. в государственной деревне Тобольской и Томской губерний стали разводить свиней. Крестьянин начинает видеть в свиноводстве дешевый и быстрый источник сырья и мясной пищи. Свиней выращивали для собственных нужд и редко на продажу. В 1858 г. произошло событие, имевшее значение для судьбы сибирского свиноводства. Год был урожайным на хлеб, который баснословно подешевел, и вот тогда "...прошел слух, что для России потребуется свиное сало и что его будут покупать на всех торгах и ярмарках. Сибиряки смекнули, что дело может быть выгодным и ...начали кормить их (свиней) рожью, пшеницей, горохом... но, увы, за салом никто не приехал. Таким образом, миллионы, именно миллионы пудов хлеба, сбереженные многими годами, исчезли... бесследно, как и сало, которое за бесценок перешло в руки мелких, местных торгашей"[6].

По данным статистики, можно отметить, что численность свиней в отдельные годы то падала, то резко возрастала. Это было связано, по-видимому, с затянувшимся оформлением свиноводства в отдельное направление в скотоводстве и с крестьянским отношением к свинье как наименее ценной и быстро восстанавливаемой части скотского стада.

Интересный материал для размышлений может получиться при сопоставлении численности скота в хозяйствах с общей численностью крестьянского населения.

Известно, что при феодализме одной из главных предпосылок развития сельской экономики был рост населения. Это принципиальное положение было верным и для государственной деревни Западной Сибири в предреформенные годы. За период с 1838 по 1858 гг. численность государственных крестьян в Тобольской и Томской губерниях возросла с 608 тыс. душ обоего пола до 1 млн. 43 тыс., т.е. на 435 тыс. взрослых работников[7].

Поголовье скота примерно за этот же период увеличилось (табл. 1.) на 162 тыс. лошадей, 226 тыс. крупного рогатого скота, 539 тыс. мелкого скота.

В документах и экономической литературе первой половины XIX в.

было принято считать, что для обеспечения хозяйственной деятельности средней крестьянской семьи из 4-5 человек нужно было иметь 3 лошади, 3 головы крупного рогатого скота и 3 головы мелкого скота. По приведенным данным прирост населения значительно опережал норму прироста поголовья скота. Но необходимо принять во внимание то обстоятельство, что в государственную деревню Западной Сибири в 40-50-е гг. XIX в. поступал контингент людей, лишенных или почти лишенных необходимых материальных предпосылок к крестьянской жизни, в том числе скота. Это были крестьяне-переселенцы из Европейской России, приблизительная численность которых составляла около 120 тыс. душ обоего пола[8]. Они, как правило, при длительном в трудном переселении теряли тот немногочисленный скот, которым располагали, в обзаведение новым скотом было делом весьма трудоемким. Поэтому переселенец на первых порах вел хозяйство с одной лошадью, одной коровою, и ему было трудно тягаться с сибиряками-старожилами[9].

Таблица I

Численность скота в государственной деревне Западной Сибири в 1840 -1862 гг.(в тыс.гол.)

Север	Лошадей	Кр. рог. скота	Мелкого
1840г.	173	178	203
1862г.	255	228	345
Юг			
1840 г.	373	350	445
1862 г.	553	524	842

Таблица составлена по: ЦГИА СССР, ф.1589, оп.1, д.550, л.39; Список населенных мест...Томская губерния, СПб. С.154; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. С.330-341,367.

Механический рост населения Западной Сибири кроме переселений шел за счет ссылки. По примерным данным с 1840 по 1862 гг. в Тобольской и Томской губерниях было поселено 150 тыс. ссыльных[10]. По отбытии наказания большая часть ссыльных приписывалась к крестьянским обществам. За двадцать лет не менее 70-80 тыс. душ мужского пола были записаны в крестьянский оклад. В имущественном отношении это было наиболее обездоленная часть крестьянского населения, лишь небольшому числу бывших ссыльных удавалось обзавестись домом, пашней и скотом.

Таким образом, исключив переселенцев и ссыльнопереселенцев из общего прироста населения (435 - 190 =245 тыс. душ обоего пола), получим около 60-80 тыс. новообразованных старожильческих крестьянских хозяйств, на которые вполне в соответствии со средним нормами распределился почти весь прирост скотского поголовья за двадцать предреформенных лет. Некоторое недоумение может вызвать заметное превышение нормы мелкого скота, но, во-первых, его в те годы вообще стали в Западной Сибири разводить больше, а во-вторых, и статистика стала приглядываться к нему пристальней.

Особо важной для понимания социально-экономической роли скотоводства в крестьянском хозяйстве явилась бы картина распределения скота по дворам. К сожалению, статистика XIX в., с ее средними показателями, может дать только приближение к действительности. Тем не менее попытки исследования имеющегося материала (табл.2)

Таблица 2

Сердняя обеспеченность крестьянского двора скотом, гол.

Север Тобольской и Томской губернии								
Виды и количества скота на двор в 1840 и 1862 гг.								
Округа	Лошадей		Кр.рог.скота		Овец и коз		Свиней	
	1840	1862	1840	1862	1840	1862	1840	1862
Тобольский	5,1	3,3	5,7	2,8	5,2	1,9	-	1,0
Туринский	4,3	3,9	4,5	4,2	6,3	3,0	-	1,9
Тюменский	3,2	3,5	2,9	3,3	3,5	3,0	-	1,3
Тарский	6,2	4,1	6,6	3.6	6,5	5,5	-	1.6
Томский	4,2	5,7	4,1	4,8	4,9	4,5	-	1.4
Юг Тобольской и Томской губернии								
Ялуторовский	4,3	3,9	4,3	3,8	3,8	4,0	-	1,8
Курганский	4,4	4,7	4,6	4,3	6,0	4,7	-	0.8
Ишимский	4,7	4,8	3,7	4,4	4,9	4,7	-	1 9
Омский	4.0	7,1	3,2	6,7	2,3	11.4	-	1.3
Каинский	6,3	5,2	7,2	6.1	10,3	7,5	-	1 3

Таблица составлена по:ЦГИА СССР, ф.1589, оп.1, д.550, л.32; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. С.340-341,351-367:Список населенных мест...Томская губерния. С.154.

приводят к интересным результатам.

Для коррекции показателей таблицы 2 был сделан подсчет по нескольким промежуточным годам 1845, 1848, 1850, 1853, 1856. Первый вывод, который можно сделать из всей совокупности данных, это наличие тенденции снижения норм обеспеченности крестьянского двора скотом.

Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в большинстве северных округов западносибирских губерний. Прежде всего уменьшалось число лошадей и крупного рогатого скота. И напротив, численность мелкого скота несколько возросла. Этот процесс наблюден в Тобольском, Туринском и Тарском округах. Иначе обстояло дело в Тюменском округе, где крестьянское скотоводство, благодаря знаменитой на всю Сибирь кожевенной промышленности, сохраняло постоянный уровень. Томский округ по темпам роста абсолютной численности скота и уровня обеспеченности им отдельного двора был на первом месте среди северных округов. Наличие крупного городского рынка, сравнительно развитая транспортная сеть, соседство с золотыми приисками - все это способствовало развитию скотоводства. Правда, нужно отметить, что в обширном Томском округе благополучным скотоводство было на юге, на севере положение его было схоже с тобольским скотоводством.

Контрасты крестьянского скотоводства на севере и юге объясняются усилением процесса географического разделения труда в сельской экономике и формированием северного и южного специализированных хозяйственных районов. На севере крестьянин, базируя хозяйство на традиционных земледелии и скотоводстве, все более расширял сферу своей промысловой и ремесленной деятельности, сокращая основные отрасли. Причем продукция ремесла и промыслов имела выход на рынок. Такой тип крестьянского хозяйства в северных условиях был наиболее сбалансированным. По-другому, чем раньше, в таком хозяйстве использовался скот. При уменьшении численности поголовья утилизация его возрастала. Лошадь была в работе не только в сезон полевых работ, но и в остальное время года, например, в извозе, в работе на лесных промыслах и т.п. Прочий скот шире утилизировался как промышленное сырье. Поэтому можно утверждать, что в некоторой части крестьянских хозяйств скотоводство, несмотря на понижение численности скота, стало играть более самостоятельную роль.

Кроме главного, ряд второстепенных факторов определял снижение нормы обеспеченности крестьянского двора скотом в большинстве северных округов. Среди них нужно отметить общее ухудшение экономического состояния севера, что определялось оттоком наиболее инициативной части населения на юг. В некоторых местностях, особенно в таежной полосе, не хватало продуктивных, луговых покосов. Размещение преимущественно в северных округах ссыльнопоселенцев, которых потом переводили в крестьянский оклад, тоже в какой-то степени снижало среднюю норму скота на крестьянском дворе.

Определенное влияние на размер нормы скота имело спорадическое применение способов интенсивного земледелия. Кое-где, в волостях Тобольского, Туринского, Тюменского и Томского округов, в условиях ограниченных пахотных угодий применялось трехполье с удабриванием земли. Данные литературных источников показывают, что при этом снималась надобность в больших количествах тяглового скота[11].

И наконец, процесс имущественного и социального расслоения крестьянства сказывался на распределении скота по хозяйствам.

В южных округах Тобольской и Томской губерний обилие плодородных земель при малом спросе на земледельческую продукцию позволяло консервировать экстенсивные методы в хлебопашестве. Поэтому его влияние на скотоводство характеризуется обычной аксиомой феодальной экономики: чем больше запашка, тем больше скота в хозяйстве крестьянина. Это положение подтверждается статистическими данными: в 1860 г. под посев на землях государственной деревни в западносибирских губерниях было занято 987 тыс. десятин, что в 1,6 раза было больше, чем в 1830 г.[12]. Количество скота, лошадей и крупного рогатого, примерно за этот же период (см. табл I) увеличилось тоже в 1,6 раза. В южных округах земли под посев в 1860 г. было занято несколько больше, чем в среднем по государственной деревне - в 2,1 раза и количество лошадей и коров в 2,2 раза. Таким образом, расширение площади обрабатываемых земель и развитие скотоводства по количественным параметрам его во многом определялись южными округами.

Новым фактором в экономике государственной деревни южных округов в 40-50-е гг. была перестройка определенной части крестьянских хозяйств на товарное скотоводство. В первую очередь это

касалось зажиточных крестьян, но в какой-то мере поставщиками товарной продукции были и средние хозяйства, для которых реализация сала и кож создавала возможность поддержания традиционного хозяйства. Развитие товарного элемента в крестьянском скотоводстве сказалось прежде всего на разведении крупного рогатого скота и овец. Показатели табл. 2 свидетельствуют, что обеспеченность крестьянского двора этими видами скота или остается на одном уровне, или даже несколько возрастает. Литературные источники также подтверждают, что юг Западной Сибири в предреформенное время становится экспортером сала, кож и овчин[13].

Показатели табл. 2 можно исследовать и в направлении выяснения видового состава стада на крестьянском дворе. Соотношение различных родов скота примерно соответствовало общепринятой в XIX в. норме: число лошадей равно числу крупного рогатого скота, число мелкого скота несколько меньше поголовья крупного скота.

Внимание исследователей привлекала сравнительно большая величина стада крупного рогатого скота в хозяйстве сибиряка. Оно было в 2-3 раза больше, чем в хозяйстве крестьянина центра Европейской России. Это было жизненной необходимостью для сибирского крестьянина. объяснялось условиями его жизни. При господстве экстенсивных форм земледелия необходимыми были несколько лошадей в качестве тягловой силы. Большая протяженность коммуникаций в Сибири требовала тех же лошадей для транспортных нужд. Лошадь была нужна крестьянину для выполнения натуральных повинностей в пользу государства. Она же была незаменимой для крестьянина в его промысловых занятиях. Широкое использование лошади приводило к быстрому ее износу. С трех-четырех лет лошади употреблялись на работах, к десятилетнему возрасту они утилизировались настолько, что стоили половину цены. Редкая лошадь дотягивала до пятнадцатилетнего возраста, по достижении которого она продавалась за бесценок или забивалась[14]. Быстрый износ лошади требовал от крестьянина создания резервов поголовья. Это делалось за счет содержания нерабочих, "гулевых" лошадей, а также за счет повышенного внимания к разведению молодняка. Как правило, из наличного количества лошадей в хозяйстве 30-40 % были подростками, не достигшими трехлетнего возраста и не годными для работ.

Мясо-молочный скот в крестьянском хозяйстве исполнял роль живого запаса пищи и был источником сырьевых продуктов: кож и шерсти. Состав этой части стада обновлялся еще быстрее, чем это

было с лошадьми. Обыкновенно крестьянин держал корову или бычка до третьего года, дальнейшее содержание было невыгодным, так как прирост мяса не окупал расходов на корм. Это заставляло для восстановления поголовья содержать 40-50 % молодняка[15]. У мелкого скота еще короче был срок достижения пригодности к использованию, и поэтому тоже нужен был резерв восстановления поголовья.

Было еще несколько причин, заставлявших крестьян держать больше скота. Низкая породность, точнее, его беспородность, была прямо связана с низкой продуктивностью скотоводства, что вызвало увеличение стада. Постоянное ожидание свирепствовавших в Сибири эпизоотий также заставляло крестьянина наращивать численность поголовья.

И наконец, неразвитость товарно-денежных отношений в феодальной Сибири, и, в частности, денежной системы, создавала ситуацию, в которой скот использовался как "живые деньги", был единицей обмена. С последней причиной связано то важное обстоятельство, что сибирский крестьянин часто рассматривал свой скот как источник быстрого получения денег, необходимых для уплаты налогов, и как фонд кредитования других отраслей хозяйства.

Наряду с экономическими факторами развития крестьянского скотоводства влияние на этот процесс имели и социальные факторы. Их действие сказывалось прежде всего на распределении скота между различными по зажиточности группами крестьянских хозяйств: богатыми, середняцкими и бедняцкими. Описывая ишимскую деревню в начале 40-х годов, Н.Черняковский отмечал: "Есть зажиточные крестьяне, которые засевают от 80 до 100 десятин, сена ставят от 1000 до 2000 копен, имеют по 50 и 70 лошадей, до 40 коров и до 100 голов мелкого скота..." Крестьяне среднего состояния вспахивают от 15 до 25 десятин; у таких скота втрое меньше т.е. лошадей 15-20, коров 12, мелкого скота 30 штук. (А.М.). Но есть и немало таких, которые, имея три-четыре лошади, две-три коровы, засевают от 1 до 3 десятин...[16]. Дословно Черняковского воспроизвел в своей книге Ю.В.Гагемейстер[17]. И уже со ссылкой только на Гагемейстера эти сведения используют современные исследователи. Между тем, еще когда в конце 50-х годов прошлого века книга Гагемейстера была разослана на отзыв окружной администрации и видным представителям Западной Сибири, именно эти сведения подверглись резкой критике. Курганский окружной исправник Ф.Шишкин писал:"... помещенные Гагемейстером сведения далеко неверны с дей-

ствительностью, не было и никогда нет до той степени распространения скотоводства..., чтобы на душу приходилось от 10 до 15 лошадей и рогатого скота"[18]. Таким образом, чиновник, хорошо знакомый с положением дел в деревне, отрицал существование богатейшей верхушки крестьянства и передвигал границу богатства на порядок ниже, ничего не возразив против определения бедного крестьянства.

Г.Колмогоров в своей работе о тарском скотоводстве не только выделил три основные имущественные группы крестьянства, но и указал на примерное соотношение этих прослоек: "... можно безошибочно принять на 1000 домохозяев - государственных крестьян 800 зажиточных, 100 богатых промышленников и разве 100 бедных..." У Колмогорова получалось 10 % богатых хозяйств, 80% средних и 10 % бедных. Богатые крестьяне Тарского округа имели по 100-150 лошадей, 200-300 голов крупного рогатого скота, 200-300 штук мелкого скота; крестьяне среднего достатка содержали 15-20 лошадей, 30-40 голов крупного рогатого скота и 30-40 штук мелкого скота; в хозяйствах бедных крестьян было 1-2 лошади, 2-3 коровы и 6-8 штук овец[19]. Наибольшее сомнение вызывает верхняя градация. Преувеличенные представления Колмогорова о зажиточности сибиряка убедительно и резко критиковали еще его современники. В одном из отзывов на колмогоровскую статью писалось: "...автор утверждает, что в выгонах сибирских деревень пасется до 1000 голов скота. Между тем из самых достоверных источников известно, что в Сибири в самых богатых округах приходится скота крупного... на душу не более 5 штук"[20]. И.Ядеровский писал о разделении сибирских крестьян на богатых и бедных и подчеркивал, что "...единицы богатых пашут по двести десятин, имеют по сотне лошадей... а бедные имеют необходимый минимум скота, зачастую лишаясь и его"[21]

Таким образом, верхний полюс скотоводства в государственной деревне предреформенного времени - единицы хозяйств, в которых содержались сотни лошадей, коров и овец. Эти хозяйства являются исключениями. Ниже - заметная прослойка богатых хозяйств с десятками лошадей коров и овец. За ней - самая крупная по численности группа середняцких хозяйств, где число крупного и мелкого скота соответствует средним сибирским нормам. Ниже - бедняцкие хозяйства, имевшие скота меньше средних норм. И в самом низу - крестьяне, не имевшие скота вообще.

В цифровом выражении градации хозяйств по обеспеченности скотом выглядели так: богатые скотом хозяйства имели 15-20 лошадей, столько же коров и 30-40 штук мелкого скота; середняцкие хозяйства - 1-2 лошади, столько же коров, 2-3 штуки мелкого скота.

В материалах ревизии министерства государственных имуществ по Западной Сибири есть данные по Томской губернии в 1840 г., содержащие сведения о количестве скота у отдельных групп крестьян в отдельно взятых селениях. В Томском округе от общего количества крестьянских дворов 10008 29% можно считать бедняцкими, большинство из них находились в северных волостях округа, составляя от 80 до 100%. Но бедными такие хозяйства были только по обеспеченности скотом, в суровых таежных условиях скот держали по" домашеству", во многом полагаясь на охоту и рыболовство. Условия нарымского севера во многом похожи на тобольский север, где, вероятно, положение было таким же.

Основная часть хозяйств томской деревни по средней градации была обеспечена скотом, их насчитывалось 58% от общего числа дворов. В большинстве волостей число таких хозяйств колебалось от 50 до 90%. Эти волости или прямо располагались в пригородной зоне Томска, или находились сравнительно недалеко от него. Современник характеризует здешнее скотоводство как "порядочное", "безбедное" и "достаточное не только для домашнего употребления, но и на продажу"[22], благо город был недалеко.

Были в Томском округе хозяйства, богатые скотом, их насчитывалось примерно 13%. Большая часть этих хозяйств находилась на юго-востоке округа, в волостях Кийской, Дмитриевской и Боготольской, здесь много скота держали в 30-40% хозяйств. Это был как раз тот угол Томского округа, развитие скотоводства в котором стимулировала золотопромышленность. На прииски требовались лошади, мясные и молочные продукты, кожи для обуви, овчины для верхней одежды. Поэтому здешние крестьяне "с тщанием" занимались разведением скота, но не нужно забывать, что показатели мариинского скотоводства были созданы конъюнктурной ситуацией.

В южном, Каинском округе Томской губернии, были благоприятные условия для скотоводства. В каинской деревне почти отсутствовали бедные скотом хозяйства, средняя норма доходила до 88%, богатых скотом хозяйств было 12%. Были волости - Верхнекаинская, Убинская, где средняя норма была превышена в 60% хозяйств, но особо крупных,

специализированных на скотоводстве хозяйств документ не зафиксировал[23].

Заключая сюжет о социальном аспекте развития крестьянского скотоводства, нужно отметить, что в государственной деревне Томского округа в 1840 г. 1518 крестьян числились "неоседлыми", т.е. не имели своего хозяйства (не могли иметь двор) и жили работой по найму. В большинстве это были ссыльнопоселенцы, положенные в крестьянский оклад, скота у них не было. Еще больше "неоседлых" должно было быть в Тобольской губернии.

Таким образом,можно сделать вывод о совпадении информации литературных источников и показателей статистики: по обеспеченности скотом средняя группа крестьянских хозяйств решительно преобладала; бедные скотом хозяйства расположены были в северной зоне, и в значительной мере их "бедность" - свидетельство ведения многоотраслевого хозяйства; хозяйства, имеющие развитое скотоводство, имели скромный удельный вес.

Вопрос о приемах крестьянского скотоводства уже был исследован в советской научной литературе[24]. Летом, как правило, крестьянский скот находился на подножном корму, отчасти такое положение сохранялось и зимой. Но все же зимой крестьяне подкармливали свой скот сеном. Ограничений в сенокосных угодьях практически не существовало, лишь в редких случаях документы отмечают недостаток сенокосов. Вообще же крестьяне "...в обеих губерниях владеют лугами в изобилии". Сено крестьянами "...приготавливается дурно, оно подкашивается и оставляется в поле до совершенной высушки, от этого оно чернеет и теряет свою сочность, кроме того, крестьяне предпочитают мелким травам осоки и вообще грубые роды, лишь бы они были высоки". Документы неоднократно указывают, что скот крестьянами содержится в открытых загонах зимой и летом, "...у крестьян весьма недостаточно теплых хлевов для обогрева скота"[25]. Итак, методы ухода за скотом в 40-50-гг. в сравнении с началом века не изменились. Подворная система содержания с летним пастбищным циклом (и только на севере с зимним стойловым содержанием) на юге варьировалась с отгонной системой.

Суровые условия содержания скота создавали весьма жесткий отбор на выносливость и непритязательность, но породный состав был весьма низкого качества. Мясо-молочный скот был двух основных пород: русской и киргизской (казахской). Русскую в основном держали

на севере, киргизскую - на юге. Широко были распространены метисные породы. Овцы также были русской и киргизской пород . Больше разнообразия было в породах лошадей, где наблюдалась определенная специализация. Были известны гужевые кузнецкие и нарымские лошади, универсальные кулундинские и барабинские, верховые киргизские и алтайские. Породы эти не были стабильны, многие во второй половине XIX в. прекратили свое существование.

Большой интерес для определения места скотоводства в комплексе крестьянского хозяйства представляет исследование продуктивности скота и объема трудовых затрат в отрасли. В современной литературе эти вопросы не поднимаются, поэтому сохраняют свою значимость основательные расчеты М.Попова. Кропотливо изучая скотоводство туринской деревни, он пришел к выводу, что выходы от использования скота в крестьянском хозяйстве почти полностью покрывались расходами на его содержание[26]. Поэтому практическое использование рабочего и мясо-молочного скота было возможным за счет приложения труда всей крестьянской семьи.

В целом, оценивая развитие скотоводства в государственной деревне Западной Сибири в предреформенное десятилетие, можно сделать вывод о том, что оно определялось действием суммы экономических факторов. Прежде всего это было пропорциональное соответствие количественных параметров скотоводства, численности крестьянского населения и площади обрабатываемых земель. Абсолютная численность скота увеличивалась в строгой связи с приростом населения и расширения пашни. Большое влияние на развитие скотоводства имел процесс хозяйственной специализации на севере и юге Западной Сибири. Следствием его было понижение средней нормы обеспеченности скотом крестьянского двора на севере. На юге заметным явлением стали крестьянские хозяйства со значительным удельным весом скотоводства И на юге,и на севере происходило изменение функций скотоводческой отрасли в крестьянском хозяйственном комплексе.

С переменой акцентов в традиционном хозяйстве скотоводство в ряде случаев постепенно становится самостоятельной отраслью. Там, где это происходило, продукция скотоводства завоевала прочное место на рынке. В предреформенное время крестьянское скотоводство не только удовлетворяет нужды местного областного рынка, но и своими сырьевыми товарами начинает появляться в Европейской России, Казахстане и Средней Азии. Методы разведения и содержания скота в 40-50-е гг. остались практически на уровне предшествующего времени и

соотносились с уровнем развития экотеноиной крестьянской экономики.

Сущность социальной характеристики скотоводства западносибирской государственной деревни заключается прежде всего в том, что по обеспеченности скотом большинство крестьянских хозяйств нужно отнести к средней градации. Хозяйствам с высшей и низшей нормой обеспеченности принадлежало скромное меньшинство. Разумеется, сама обеспеченность скотом не может объяснить все, и ее надо оценивать в сумме с другими экономическими показателями.

---

1. История Сибири. Т.2. Л., 1968. С.70,213,372.
2. Голодников К. Ялуторовский округ Тобольской губернии. СПб., 1864. С.15; Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии. Журнал МВД. СПб., 1843. Ч. 2. № 4. С. 3-48; № 5. С. 200-255; Гагемейстер Ю.В. Статистическое обозрение Сибири... СПб., 1854. Т.2. С.281-315; Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1; 1865. Т.2. СПб., 1857. С.23; Грыцько. О Сибири // Современник, 1858. Т.72. № XII. С.161-208; Попов М.В. Описание Туринского округа Тобольской губернии. М., 1876.
3. Трошин И.П. История развития скотоводства Западной Сибири. Новосибирск, 1969. 208 С; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII - первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975. С.67-76; Кузьмина Ф.С. К вопросу о состоянии скотоводства в крестьянских хозяйствах Томской губернии первой половины XIX в. // Вопросы истории социально-экономического положения крестьянства Сибири XIX - начала XX вв. Новосибирск, 1974. С.4-15; Пундани В.В. Развитие животноводства в Зауралье в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975. С.35-41.
4. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1982. С.66-67,198-203.
5. Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях. СПб., 1894. С.215-216.
6. Хвоинский В.К. К истории свиноводства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1876. № 8. С.357.

7. Подсчет сделан по данным: ГАОО, ф.3, оп.2, д.1805, л.213-240, 408-428, д.2543, л.625-664,409-415; Список населенных мест... Томская губерния. С.58-59; Тобольские губернские ведомости. 1860. № 14.
8. Подсчет сделан по данным: Кабузан М.З., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в.// Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С.269; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1869. С.456-457; Список населенных мест...Томская губерния. С.70.
9. Томские губернские ведомости. 1858. № 30.
10. Подсчет сделан по данным: Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1. С.387. Приложения; Патканов С. Краткие очерки колонизации Сибири// Ежегодник России. 1907 год. СПб., б.г.. С. 25.
11. Попов М.З. Описание Туринского округа. Приложение. Табл. I, 2.15; Тобольские губернские ведомости. 1860. № 46,52; 1862. № 19-23; Плотников А.Ф. Нарымский край. 1901. СПб. С.283,288,294.
12. Подсчет сделан по данным: ГАОО, ф.3. оп.2, д.1805, л.276-277; оп.3, д.4639, л.177,731.
13. Гагемейстер К.В. Статистическое обозрение Сибири... Ч.II, С.532-551.
14. Колмогоров Г. Скотоводство и рыболовство в Тарском округе Тобольской губернии // Журнал МВД, 1857. ч.23.отд.III. С.20.
15. Подсчеты сделаны по данным: Попов М.З. Описание Туринского округа... Приложение. Табл.I,15.
16. Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа... С.209.
17. Гагемейстер К.В. Статистическое обозрение Сибири... Ч.I . С.288.289.
18. ТФ ГАТО,ф.717,оп.1,д.491,л.56,57.
19. Колмогоров Г. Указ.соч. С.11,15,16.
20. Грыцько. О Сибири // Современник. 1858. Т.72. С.193.
21. Флеровский Н. Сибирский земледелец // Дело,1867, №12,С.115.
22. Томские губернские ведомости. 1858. № 51.
23. Подсчеты сделаны по данным: ЦГИА СССР, ф.1589, оп.1, д.574, л.2-114.
24. Трошин И.П. История развития скотоводства Западной Сибири. Новосибирск, 1969; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII - первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975. С.67-70.
25. ЦГИА СССР, ф.1589. оп.1. д.550. л.31,40.
26. Попов М.З. Указ. соч. С.41-48.

II. ПРОБЛЕМЫ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

В.Н.БОЛЬШАКОВ

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ НА РЕЧНОМ ТРАНСПОРТЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX в.

Тема, сформулированная в заглавии статьи, специально не изучалась в советской историографии, хотя обращение к некоторым ее аспектам имело место[1]. Данная тема является частью общей проблемы промышленного переворота в период капитализма, и необходимость специальной работы в этой связи самоочевидна.

Выбор территориальных и хронологических границ исследования продиктован известной спецификой судоходства, существовавшей в каждом речном бассейне, а также состоянием источниковой базы.

Происхождение тех или иных официальных материалов обусловлено обычно деятельностью специальных учреждений. Попытки устройства организующего начала на водных путях Сибири относятся еще к 1809 г. Однако сколько-нибудь серьезного значения они долгое время не имели. В результате до конца 70-х гг. XIX в. в Министерстве путей сообщения не было даже приблизительных сведений о масштабах судоходства в Сибири. Положение в этом плане несколько изменилось с 1881 г., когда в Западной Сибири была учреждена особая инспекция сухопутных и водных сообщений[2], занимавшаяся среди прочего описанием рек[3]. До этого момента сбор весьма ограниченной официальной информации вменялся в обязанность местным полицейским учреждениям. Сведения такого рода обобщались губернскими правлениями, в частности, для Департамента мануфактур и внутренней торговли[4].

Скудость официальных материалов о начальном периоде парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне компенсируется в значительной мере публикациями в периодической печати. В газетах "Ирбитский ярмарочный листок", "Томские губернские ведомости", "Тобольские губернские ведомости", в журнале "Русское судоходство" и др. содержится довольно много статей и заметок о речном транспорте. В большинстве случаев они написаны весьма компетентными авторами - пароходовладельцами и другими лицами, имевшими непосредственное отношение к судоходству.

С сооружением Сибирской железной дороги реки рассматривались

как естественные подъездные пути к ней. Это вызвало необходимость упорядочения водного транспорта. 30 июня 1893 г. было организовано временное управление Западно-Сибирскими водными путями, а в марте 1895 г. взамен его учрежден Томский округ путей сообщения[5].

В 1892-1894 гг. по заданию Министерства путей сообщения и под руководством начальника Тобольского судоходного участка инженера И.М.Бельского проводились ежегодные записи судов Обь-Иртышского бассейна. Это был первый специальный статистический учет речного транспорта за Уралом. В очерке И.М.Бельского была дана общая характеристика развития речного транспорта в Западной Сибири по состоянию на 1892 г., а также сделан обзор судоходства в предшествующий период[6]. Были опубликованы также материалы переписи за 1894 г.[7].

В целом охарактеризованный материал делает возможной попытку освещения избранной темы.

Развитие речного судоходства в дореволюционной Сибири, как и повсюду, зависело главным образом от масштабов народнохозяйственной деятельности, от размеров товарообмена, в частности. Потребность в перевозке грузов водным путем в Обь-Иртышском бассейне удовлетворялась до 40-х гг. XIX в. транспортными средствами, характерными для мануфактурного периода. Использовалась мускульная сила людей и животных, энергия воды и ветра.

Флотский капитан Бухарин, занимавшийся в первой трети XIX в. опытами по внедрению парусных судов в Западной Сибири, отмечал в 1834 г. чрезвычайную примитивность существовавших транспортных средств. Он писал:"Богатая всеми произведениями, Сибирь продукты свои из одной отдаленной губернии в другую доставляет или сухим путем, или водою на шестиугольных неуклюжих барках... Барки сии, по необоротливости их и необыкновенной толщине принимают мало грузу ... имеют ход весьма тихий... и достигают к месту назначения в другое уже лето[8].

На самом оживленном участке судоходства между Томском и Тюменью в этот период совершали рейсы всего до шести судов барочного типа, ходивших по течению на веслах, а против течения бичевой. На каждом таком судне было занято до 200 рабочих-бурлаков. Из Томска в Тюмень отправлялся в основном китайский чай. Обратных грузов не хватало, поскольку дороговизну перевозки выдерживали только немногие промышленные товары, поступавшие из Европейской

России[9].

Судоходство на Иртыше в первой половине XIX в. развито было также слабо. По сведениям инженера М.С.Чернышева, в верховьях на небольшом участке между Бухтармой и Усть-Каменогорском с 1804 г. сплавлялась на карбасах руда для Алтайских заводов. В 1841-1854 гг. количество ее составляло в среднем 842 тыс.пуд. за навигацию. Мимо Семипалатинска в 50-е гг. проходило около 40 карбасов и 150 плотов с грузом на 165 тыс.р. ежегодно. Ниже ходило несколько, преимущественно казенных, дощаников с солью и другими грузами для воинских команд[10].

Лишь с конца 30-х гг. и до 1855 г. в Обь-Иртышском бассейне действовали два коноводных судна, вывозивших главным образом соль из Коряковска (Павлодара), а в последние годы - хлеб из Томска в Омск. На каждой коноводке работало около 100 лошадей в две смены[11]. Для подобного судна требовалось в среднем до 70 рабочих[12].

К этому времени на реках Европейской России уже имелся некоторый опыт использования пароходов[13]. Основателем пароходства в Обь-Иртышском бассейне явился купец Н.Ф.Мясников. Его инициатива не встретила поддержки местной администрации. При рассмотрении в 1839 г. в государственном совете ходатайства Н.Ф.Мясникова "на учреждение и содержание пароходов" генерал-губернатор Западной Сибири П.Д.Горчаков выступил против этого проекта. Он выражал интересы сибирских извозопромышленников и владельцев непаровых судов, не без основания опасавшихся конкуренции[14]. Однако стремление Н.Ф.Мясникова совпадало с пассивным желанием правительства улучшить сообщение с восточными окраинами России, и в начале 40-х гг. XIX в. он получил 10-летнюю привилегию[15].

Сведений о появлении первых пароходов на реках Западной Сибири довольно много, но все они имеют ретроспективный характер и отчасти разноречивы. Вместе с тем они дополняют и уточняют друг друга в ряде отношений и при сопоставлении дают необходимое представление о начальном этапе развития парового судоходства. По данным наиболее компетентных авторов, первый пароход для Н.Ф.Мясникова построил на Нижнетагильском заводе механик "некто Макеев, крепостной человек заводовладельцев Демидовых"[16]. Из монографии З.С.Зиргинского следует, что этим механиком был П.П.Мокеев - выдающийся инженер из демидовских крепостных, обучавшийся в Англии[17].

Пароход, спущенный на воду в 1843 г., имел первоначально

20 л.с., совершал рейсы между Тюменью и Томском и, как нередко случается в новом деле, не отличался совершенством[18]. Автор известной монографии о судоходстве Ф.Н.Родин отмечает, что до начала 40-х гг. XIX в. все попытки устройства пароходов в России" кончались большей частью неудачей, пароходы из-за многочисленных технических неполадок работали плохо", но это не останавливало поисков и их совершенствованию[19]. Практическое значение в Обь-Иртышском бассейне имел второй пароход ("Основа"), построенный на Урале, в Кунгуре, в 1844 г.; 50-сильная машина для него была выписана из Швеции[20].

Сибирское купечество относилось к пароходам вначале недоверчиво, и большая часть грузов доставлялась по-прежнему на несамоходных судах. Трудность ведения дела побудила Н.Ф.Мясникова передать его чиновнику А.Ф.Поклевскому-Козелло, сначала на "комиссионерском праве", а затем в полную собственность вместе с привилегией[21]. Один из пароходов ("Взор") принадлежал пайщику Поклевского-Козелло Ф.И.Щвецову - замечательному русскому инженеру, выходцу из демидовских крепостных[22]. Как следует из сопоставления мощности пароходов, времени и мест их постройки, Ф.И.Швецову принадлежал первый пароход (мощность его была увеличена до 30 л.с.)[23]. В газете "Томские губернские ведомости" отмечалось, что дела этой пароходной компании шли "весьма неуспешно" и что пароход Ф.И.Швецова "оказался малосильным и остался без употребления", а пароход "Основа" не всегда успевал совершить за навигацию обратный рейс между Томском и Тюменью[24].

С 1854 г., по окончании срока привилегии, развитие парового судоходства в Западной Сибири пошло быстрее. В 1861 г. здесь курсировали 11 пароходов суммарной мощностью 765 номинальных или лошадиных сил(табл. 1).

Уже к 1860 г., по свидетельству пароходовладельца И.Игнатова, все транзитные грузы на освоенных речных путях перевозились пароходами[25]. Это подтверждается следующими данными. Во второй половине 50-х гг. из Тюмени в Томск пароходами доставлялось около 500 тыс. пудов грузов и обратно до 200 тыс. пудов. Несамоходными эпизодически отправлялись хлеб в низовья Оби и спирт из Тобольской губернии в Томск. Кстати отметить, что паровой флотилией, состоявшей в 1856-1858 гг. всего из четырех пароходов общей мощностью 255 л.с., перевозилось почти столько же грузов, сколько и гужевым транспортом (800 тыс.пуд.), насчитывавшим многие тысячи ло-

Таблица I

Развитие парового судоходства в Западной Сибири в 1861-1894 гг

Показатели	Годы							
	1861	1866	1871	1876	1881	1886	1891	1894
Число пароходов	11	16	27	32	42	55	69	103
Суммарная мощность машин (л.с.)	765	1178	2005	около 2500 *	нет свед.	3591	нет свед.	7236

Примечание: Источники подсчета: на 1861,1866,1871 гг. - Игнатов И. Судоходство на реках Западной Сибири // Русское судоходство. 1890. № 125. С.21-23,25,29,35-37; на 1886 - Игумнов К.В. Судоходство по рекам Западной Сибири // Русское судоходство. 1886. № 9. С.33; на 1876,1881,1891 гг. - Бетьский И.М. Очерк водяных сообщений Сибири: Доклад съезду инженеров-гидротехников. СПб., 1893. С.37, а также ЦГИА СССР, ф.391, оп.1, д.91, л.3 (историческая справка о пароходстве в Западной Сибири); на 1894 г. - ЦГИА СССР, ф.268, оп.3, д.527, л.314 (из отчетов тов.министра ПС генерал-лейтенанта Н.Петрова).

* В 1877 г. на 34 парохода приходилось 2655 л.с. (См.: Павлов А. Пароходство по рекам Западной Сибири // Ирбитский ярмарочный листок. 1878. 8 февр.).

шадей[26]. Приведенные цифры свидетельствуют также о крайне слабых рыночных связях Сибири и европейской части страны ко времени отмены крепостного права.

В пореформенный период грузооборот речного транспорта увеличивался довольно быстрыми темпами. По данным инженера И.М.Бельского, ежегодный объем транзитных грузоперевозок в Обь-Иртышском бассейне составлял в 1865-1870 гг. в среднем 1 млн.пуд. ежегодно, в 1871-1884 гг. - 2,5 млн.пуд. С проведением железной дороги от Перми до Тюмени этот показатель выглядел следующим образом (по годам в млн.пуд.):

1886	- 3	1890	- 8
1887	- 6	1891	- 9
1888	- 7	1892	- 16
1889	- 6		

Вместе с местными перевозками грузооборот в Обь-Иртышском бассейне составлял в 1892 г. 20 млн.пуд.[27] Около этого уровня держался грузооборот и к середине 90-х гг.[28] По приблизительным данным, в 1876-1878 гг. перевозилось в среднем за навигацию 26,7 тыс. пассажиров[29]. Подавляющее их большинство составляли переселенцы, арестанты и военнослужащие.

Таким образом, за три с половиной пореформенных десятилетия объем грузов, перевозимых пароходами в Обь-Иртышском бассейне, возрос примерно в 20 раз. Число пароходов за тот же период увеличилось с 11 до 103 (табл. 1). К концу рассматриваемого периода пароходы в подавляющем большинстве имели железный корпус. Например, в 1877 г. из 58 пароходов деревянных было только 10[30].

Пароходы в Обь-Иртышском бассейне буксировали груженые суда - одну-две, реже - три баржи[31]. Это практиковалось по разным причинам, в том числе из-за первозданного состояния водных путей, почти полного отсутствия на них каких-либо улучшений. Для ускорения действия пароходов существовал оборотный парк барж и других буксируемых судов с тем, чтобы по прибытии к назначенной пристани пароходы могли сразу же принять нагруженные суда. В начале 90-х гг. в Обь-Иртышском бассейне насчитывалось от 250 до 300 барж и отмечалось, что "здесь почти вошло в обычай иметь три баржи на один пароход"[32]. Пароходы в Западной Сибири буксировали намного меньше судов, чем на Волге. Современники отмечали, что на Волге за одним пароходом часто следовало десять и больше грузовых судов[33]. Тем не менее сибирские пароходовладельцы не оставались

в накладе. С одной стороны, меньшее число буксируемых судов давало выигрыш во времени. С другой – фрахты в Обь-Иртышском бассейне были обычно в три-четыре раза выше, чем на Волге[34]

Отмечая успехи парового судоходства, отчетливо проявившиеся в Западной Сибири уже к началу 60-х гг. и выразившиеся в том, что основная масса речных грузов перевозилась здесь пароходами, вряд ли можно считать этот период временем завершения технического перевооружения в отрасли. Число пароходов и объем перевозимых ими грузов – не единственное условие в данном отношении. При огромной протяженности водных путей Обь-Иртышского бассейна не меньшее значение имела степень их освоенности, по крайней мере, в более заселенных и экономически развитых районах.

Район действия паровых судов к началу 60-х гг. оставался еще ограниченным. Достаточно освоенным являлся только участок между Тюменью и Томском по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи. Лишь в 1862 г. открылось пароходное движение от Тюмени до Семипалатинска, а значительные перевозки грузов пароходами стали осуществляться здесь с начала 70-х гг., что было связано с развитием торгового обмена через Семипалатинск[35].

В 1864 г. открылось пароходное сообщение между Тюменью и Ирбитом. Во второй половине 60-х гг. были освоены реки Чулым с притоками Кией и Кетью. Благодаря этому установилось пароходное сообщение с городами Ачинском и Мариинском и улучшилось сообщение с Енисейском и Красноярском, а следовательно, с Восточной Сибирью вообще. Сравнительно постоянное пароходное сообщение с Алтаем началось в 70-е гг., хотя впервые до Барнаула пароход пошел в 1854 г. С 1871 г. между Тюменью и Томском были установлены правильные срочные рейсы; лучшие пароходы товарищества Колчина и Игнатова стали проходить это расстояние за восемь суток[36].

Таким образом, на рубеже 60-70-х гг. XIX в. паровое судоходство завоевало господствующее положение на речном транспорте в масштабах Западной Сибири. Пароходовладельцы И.Губин и И.Решетников писали в 1870 г.: " Пароходы рейсируют по всем рекам Западной Сибири, входящим частью и в Восточную Сибирь, и из Азии в Европейскую Россию, именно: Обью от Ледовитого моря почти до верховьев, Иртышем до Семипалатинска, Тобью до Кузнецкого округа, Вагаем до Айполевского селения, Кетью до Маковского селения, Чулымом до города Ачинска, Тоболом до устья Туры, Турою до Туринска, Тавдой до Всевятских и Богословских заводов и, наконец, Ницой до Ирбита, - так что нет обитаемого прибрежного места по судоходным рекам,

где бы не существовало пароходного сообщения"[37].

Наряду с интенсивно развивавшимся пароходством в пореформенные десятилетия действовали прежние средства водного транспорта. На Иртыше к началу 60-х гг. пароходы ходили только до Омска.

С установлением пароходного сообщения до Семипалатинска размеры деятельности сплавной флотилии сильно сократились. По свидетельству инженера И.М.Чернышева, в это время ниже Семипалатинска все грузы по Иртышу почти исключительно перевозились в баржах, буксируемых пароходами. Выше Семипалатинска сохранялось взводно-сплавное судоходство; с 1861 г. и до середины 80-х гг. сплав карбасами сельскохозяйственных продуктов до этого пункта держался на одном уровне, составлял в среднем 75 тыс.пудов в год[38]. (Для перевозки этого груза было бы достаточно одной баржи). Учитывая, что грузоподъемность карбасов не превышала 2 тыс. пудов и что они использовались многократно, общее число их составляло не более 20 единиц. Сплав же карбасами серебро-свинцовых руд для Алтайских заводов, достигавший в среднем 842 тыс.пудов за навигацию в 1841-1854 гг., снизился до 532 тыс.пудов соответственно в 1883-1885 гг. Эта руда перевозилась на 40 карбасах, делавших от 10 до 20 рейсов за сезон[39]. Даже в сравнении со сплавным судном разового использования карбас, взводимый против течения тремя рабочими-бурлаками, представлял, конечно, наиболее архаичный вид речного транспорта.

Сплавное судоходство сохранялось на мелких реках, где плавание пароходов было затруднительным либо вовсе невозможным. Так, в густонаселенном районе между городами Омском и Тарой в 80-е гг. сплавлялось много хлеба, особенно по реке Таре из Каинского округа Томской губернии. Из этого же округа в Омск приходило в весенний разлив до 2 тыс. плотов строевого леса по реке Оми и ее притоку Тартасу. Сплавной рекой являлся Ишим от окрестностей Кокчетава. Для сплава хлебных грузов по рекам Таре и Ишиму строились большие барки разового использования[40].

В середине 80-х гг. наряду с пароходами в нижнем течении Оби и Иртыша еще применялись парусные и гребные суда - рыболовные каюки, лодки для разъездов чиновников местной администрации[41]. В верховьях Оби непаровое судоходство существовало также за счет местных перевозок. Отмечалось, что, по точным сведениям, в 1889г. по Оби между Пристанью (Усть-Чарышской) на Алтае, Томском и Нарымом плавало 31 судно. Это были так называемые "лодки", или сплав-

ные суда грузоподъемностью до 40 тыс. пудов, поднимавшиеся вверх бечевой и парусами. Ранее они взводились против течения пароходами, но затем пароходовладельцы отказались их буксировать по соображениям конкуренции[42]. В 1892 г. на всех реках Западной Сибири насчитывалось всего 29 таких крупных сплавных судов, называвшихся также барками-коломенками[43].

Более мелкая сплавная флотилия из так называемых "судов", грузоподъемностью от 5 до 15 тыс. пудов каждое, действовала исключительно в районе между Барнаулом и Томском. В начале 90-х гг. их насчитывалось от 100 до 150, служили они 7-8 лет. Здесь же существовали и некоторые другие типы сплавных судов[44]. Против течения отмеченные суда поднимались, очевидно, уже преимущественно пароходами, поскольку это позволяли речные условия и количество пароходов, увеличившееся в 1890-1893 гг. (с 65 до 102). Во всяком случае компетентные авторы насчитывали большее число буксируемых судов, чем их имелось непосредственно у пароходовладельцев. В частности, И.И.Игнатов, приводя данные о количестве буксируемых судов в Западной Сибири, выделял отдельно баржи и паузки, принадлежавшие тобольским рыбопромышленникам[45].

Тенденция к вытеснению сплавных судов на водных путях Обь-Иртышского бассейна проявлялась довольно отчетливо. Строились мелководные пароходы и к ним паузки в качестве буксируемых судов. Такая постановка дела отмечалась в 80-е гг., например, на реке Туре, изобиловавшей мелями. Здесь пароходы с незначительной осадкой доставляли грузы и пассажиров к большим пароходам. Аналогичным порядком работали маленькие пароходы на р. Томи в периоды ее обмеления[46]. Небольшие пароходы, специально построенные с учетом условий реки Тобола, ходили до Ялуторовска и Кургана[47].

Таким образом, сплавное судоходство в Обь-Иртышском бассейне служило лишь дополнением к паровому. Например, в 1885 г. весь грузооборот на Иртыше между Тобольском и Семипалатинском составлял около 1,5 млн.пуд., в том числе 1,3 млн.пуд. доставлялось пароходами[48]. Транзитные грузы, следовавшие водным путем, перевозились в Обь-Иртышском бассейне пароходами уже в 60-е гг.[49] Инженер И.М.Бельский писал в этой связи в 1893 г.: "Судоходство по рекам Сибири... в последние 25 лет изменилось не только по количеству судов и грузов, но и по способам передвижения последних. Прежние глубокосидящие, тяжелые, вмещавшие небольшое количество груза, суда, сплавлявшиеся вниз и поднимавшиеся вверх на бичеве,

совершенно исчезли, и в настоящее время... существует лишь один способ перемещения грузов - буксировка барж за пароходами"[50].

Наличие сплавного судоходства не вызывалось недостатком пароходов. Многие авторы отмечали, что количества грузов постоянно не хватало, поскольку рост паровой флотилии опережал потребности в грузоперевозках[51]. Иногда пароходовладельцы были вынуждены даже часть пароходов ставить на прикол[52].

Существование сплавного судоходства в период быстрого развития парового транспорта зависело главным образом от гидронавигационных условий. Сплавные суда сохранялись преимущественно там, где не могли курсировать пароходы. В известной мере наличие сплавного судоходства наряду с паровым означало борьбу старого и нового на речном транспорте. Это наблюдалось прежде всего на тех судоходных участках, где могли действовать как сплавные суда, так и пароходы. Сплав судов на таких участках по течению и буксирование их пароходами вверх по реке являлись своеобразным отражением временных компромиссов. В целом же известное сохранение отсталой формы организации водных перевозок объяснялось как уже отмеченными специфическими условиями речных сообщений, так и тем, что при сплаве использовалась даровая энергия течения. Очевидно, по этой же причине сплавное судоходство в рассматриваемое время существовало и на реках Европейской России, причем было распространено весьма широко[53].

Победа парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне стала реальностью уже на рубеже 60-70-х гг. XIX в. Второстепенная роль сплавного судоходства на основных водных магистралях региона выявилась еще раньше. Утверждение парового судоходства проходило не столько по линии конкуренции с прежними средствами речного транспорта, сколько в связи с расширением общих условий для его развития - распространением и углублением капиталистических отношений и ростом товарообмена.

Внедрение паровой тяги на речном транспорте сравнимо с применением паровых двигателей в промышленности; техническое перевооружение в судоходстве - неотъемлемая часть промышленного переворота.

Развитие пароходства в Обь-Иртышском бассейне имело важное экономическое и социальное значение. Улучшилась связь окраины с европейской частью страны и России в целом с сопредельными страна-

ми-Монголией и Китаем. Паровое судоходство благотворно воздействовало на развитие промышленности и стимулировало товарный характер сельского хозяйства. Внедрение парового транспорта способствовало более быстрому формированию общенационального капиталистического рынка. Пароходное сообщение увеличило приток в Сибирь людских ресурсов, что имело большое значение для народного освоения окраины. Наконец, развитие речного судоходства, как и капиталистическое развитие сибирского хозяйства в целом, создавало здесь основу для процесса классообразования. Техническое перевооружение отрасли содействовало формированию постоянных, кадровых рабочих.

---

1. См., например: История Сибири. Л.,1968. Т.3.С.64; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск,1982.С.96-98.

2. ЦГИА СССР,ф.174,оп.1,ч.1,д.687,л.16-41,131,143.

3. См.,например: Чернышев М.С. Гидрографическо-навигационный очерк...(По исследованиям 1885 г.).СПб.,1887,126 с.

4. См.,например: ГАТО,ф.3,оп.2,д.727; оп.4,д.182; оп.18,д.93, 104,150; оп.19,д.423,456; и др.

5. См.: Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798-1898). СПб.,1898.С.193-194.

6. См.: Гельский И.И. Очерк водяных сообщений Сибири: Доклад съезду инженеров-гидротехников. СПб.,1893. 69 с.

7. См.: Речной флот Азиатской России. Бассейн реки Оби. По сведениям к 1 января 1895 г. СПб.,1895.

8. Цит. по: М. О судоходстве реки Ницы // Ирбитский ярмарочный листок. 1870. 25 февр.

9. См.: Левитов И. Очерк развития пароходства в Западной Сибири // Журнал Министерства путей сообщения. 1888. №50. X отдел. С.67

10. См.: Чернышев М.С. Указ.соч. С.3-4,66.

11. См.: Левитов И. Указ.соч. С.67-68.

12. Об устройстве коноводного судна см.: Родин Ф.Н. Бурлачество в России: Историко-социологический очерк. М.,1975. С.117-118.

13. Так же. С.119-123.

14. См.: Виргинский В.С. Лотин Ильич Швецов. 1805-1855. М., 1977. С.95.

15. Выданная Н.Ф.Мясникову привилегия датируется по-разному: с 1842 по 1852 гг. и с 1844 по 1854 гг. (См.,например: Шубин Н., Решетников И. О буксирном пароходстве в Западной Сибири // Ирбитский ярмарочный листок. 1870. 23 февр.; Ч-в. Еще о пароходстве в Западной Сибири // Там же. 28 февр.). Возможно, что первоначально действие привилегии отсчитывалось с 1842 г., но затем из-за задержки устройства пароходного дела срок ее был перенесен. Подобная практика имела место (см.,например: Об исчислении срока привилегии, предоставленной Сибирякову...// Русское судоходство, 1886, №2-3, С.31).

16. См.: Левитов Л. Указ.соч. С.38-39; Игнатов И. Судоходство на реках Западной Сибири // Русское судоходство, 1890 №125, С.21.

17. См.: Виргинский В.С. Указ.соч. С.33,74,77,83-84,91-92.

18. См.: Игнатов И. Указ.соч. С.21.

19. Родин Н.Н. Указ.соч. С.121,129.

20. См.: Левитов Л. Указ.соч. С.69.

21. См.: Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири // Томские губернские ведомости. 1869. 7 июня (№122,с.114).

22. См.: Виргинский В.С. Указ.соч. С.95.

23. Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири; ГАТО,ф.3,оп.2,д.727,л.10; и др.

24. См.: Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири.

25. См.: Игнатов И. Указ.соч. С.21.

26. См.: О сибирском пароходстве Тюменско-Томской водяной системы // Тобольские губернские ведомости. 1857. №11. Отд.II. Часть неофициальная. С.81-83.

27. См.: Бельский И.И. Указ.соч. С.23.

28. См.: Бернштейн-Коган С.В. Основные моменты исторической географии водного транспорта в бассейнах Оби и Енисея // Вопросы географии. История географических знаний и историческая география СССР. Сб.31. М.,1953. С.241.

29. ЦГИА СССР,ф.174,оп.1,ч.1,д.367,л.118.(Сведения о размерах судоходства в Западной Сибири).

30. См.: Игнатов И.И. Перечень пароходов, плававших по рекам Западной Сибири в 1887 г.// Нижегородский вестник пароходства и промышленности. 1888. №2. С.15-16.

31. См.: Чернышев М.С. Указ.соч. С.67; Игумнов К.В. Судоходство по рекам Западной Сибири // Русское судоходство. 1887. №10-11. С.21.

32. См.: Шулятиков М. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. Р.,1893. С.5.

33. См.: Игумнов К.В. Указ.соч. С.21.

34. См., например: Бельский И.М. Указ.соч. С.39.

35. См.: Чернышев М.С. Указ.соч. С.5.

36. См.: Игумнов К.В. Указ.соч. // Русское судоходство. 1886. №9, с.31; Игнатов И. Судоходство на реках Западной Сибири. С.22, 24-25; Z. О пароходстве по р.Оби //Русское судоходство. 1891-1892. №135. С.74.

37. Шубин Н., Решетников И. Указ.соч.

38. См.: Чернышев М.С. Указ.соч. С.66.

39. Там же. С.65-66.

40. Там же. С.55-57,67,75.

41. См.: Игумнов К.В. Указ.соч.// Русское судоходство. 1886. №9. С.32.

42. См.: Z. Указ.соч. С.75-76.

43. См.: Шулятиков М. Указ.соч. С.6.

44. Там же. С.8.

45. См.: Игнатов И.М. Перечень пароходов, плававших по рекам Западной Сибири в 1897 г. С.16.

46. См.: Игумнов К.В. Указ.соч.// Русское судоходство. 1886. №9. С.36,41.

47. См.: Чернышев М.С. Указ.соч. С.59.

48. Там же. С.76.

49. См.: Игнатов И. Судоходство на реках Западной Сибири. С.29.

50. Бельский И.М. Указ.соч. С.38.

51. См.: Чернышев М.С. Указ.соч. С.106; Z. Указ.соч. С.75;

52. Игнатов И. Судоходство на реках Западной Сибири. С.37-38; и др.

53. См.: Судостроение в Олонецкой губернии // Русское судоходство. 1886. №4. С.67-68; Судоходство в Коренском округе в 1886 году // Русское судоходство. 1888. №3(24). С.25-26; Лендер Н. Волга.(Очерки и наблюдения). Ч.II. Сплав белян на Волге // Русское судоходство. 1889. №109. С.4-8; и др.

П.С.КОНОВАЛОВ

СТРОИТЕЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

Строительство как изначальная основа многих сфер народнохозяйственной деятельности сыграло очень важную роль в капиталистическом развитии Сибири. Поэтому исследование данной темы, безусловно, необходимо. Но объектом специального изучения стало пока лишь строительство отдельных железных дорог[1]. В настоящей статье предпринят общий анализ развития строительной промышленности в Сибири второй половины XIX - начала XX вв.

В развитии российской строительной промышленности, как и других отраслей капиталистической экономики, В.И.Ленин выделял три стадии. На первой из них занятие строительными делами, наряду с прочими видами деятельности, "входило... в круг домашних работ крестьян"[2]. "Для второй стадии было характерно появление "специалистов-ремесленников", сохранявших "обыкновенно связь с землей..." и работавших "на весьма узкий круг мелких потребителей"[3]. Зародившись в недрах феодализма, ремесленный строй доминировал в российском строительстве вплоть до середины XIX в. После падения крепостного права характер строительного дела существенно изменяется, вследствие чего "местный ремесленник превращается в отхожего рабочего..."[4], а само строительное дело - в самостоятельную отрасль капиталистического производства.

Аналогичным образом эволюционировало строительное дело и в Сибири. Уже на рубеже XIX-XX вв. в ведущих сферах строительства - железнодорожном, промышленном, городском - здесь доминировал наемный труд. Его докапиталистические формы сохранялись преимущественно на сельских объектах при сооружении крестьянских жилищ и хозяйственных построек. Эти формы достаточно полно отражены в литературе[5]. Подобные постройки требовали минимум рабочих рук и времени[6].

По свидетельству современников, крестьяне принимали активное участие в строительстве сельских больниц, церквей. Местные жители выполняли бесплатно общиной все неквалифицированные операции: заготовление кирпича и извести, бесплатный подвоз воды, песка, извести, камня, глины и всех остальных материалов, рытье канав для фундамента[7]. Заметную роль играл личный труд крестьян также на постройке и ремонте грунтовых дорог, которые вплоть до

1903 г. сооружались в крае в рамках натуральной дорожной повинности.

Сочетание прогрессивного и архаичных строев производства не являлось спецификой только строительства, а было характерно для пореформенной эволюции всей российской экономики, на что указывал В.И. Ленин[8]. Жизнеспособность докапиталистических форм производства в промышленности, в том числе в строительной, В.И.Ленин объяснял " большой постепенностью" развития " форм промышленности, как и всяких вообще общественных отношений", неизбежностью сопутствия им " масс переплетающихся переходных форм и кажущихся возвращений к прошлому"[9].

Строительству была присуща и типичная для капиталистической экономики неравномерность развития.

В отличие от Европейской России в Сибири общественная потребность в строительстве в пореформенное время была незначительной, что обусловливалось всем ходом ее социально-экономического развития. До 90-х гг. XIX в. производительные силы этой огромной окраины страны развивались очень медленно. Крупных промышленных предприятий здесь было мало. Большинство фабрик и заводов были небольшими по размерам. Основными путями сообщения служили грунтовые дороги и реки[10]. Городское население росло медленно. В силу этих и других обстоятельств темпы строительства в первые пореформенные десятилетия оставались все еще низкими. В это время среднегодовой прирост, без учета строений, восстановленных после пожаров, составлял в Иркутске 60 зданий, в Бийске - 49 , в Красноярске - 39, в Омске - 36, в Томске - 20, в Барнауле - 9. Каменных построек, требовавших значительного числа рабочих рук и продолжительного времени для их возведения, в сибирских городах было немного. Например, в Томске в 1886 г. они составляли 7,6%, в Барнауле - 2,8%, в Бийске - 0,9%, в Красноярске в 1888 г. - 6,7% общего жилого фонда[11].

Глубокие качественные и количественные изменения в строительном деле края начались в 90-е гг. XIX в. Толчок этому дало сооружение Транссибирской магистрали. Для своего времени она являлась грандиозным строительным объектом. В 1892-1895 гг. был сооружен западно-Сибирский участок от Челябинска до Новониколаевска длиной 1423 км, в 1893-1898 гг. - Средне-Сибирский (Новониколаевск-Иркутск, 1850 км), в 1895-1900 гг. - Забайкальский (Слюдянка-Сретенск, 611 км), в 1900-1904 г. - Кругобайкальский (Байкал-и-

совая, 260 км)[12]. В ходе строительства дороги к 1903 г. было заготовлено и уложено более 12 млн. шпал, около 1 млн. рельсов и креплений, до 1 млн. т кирпича и камня, перемещено свыше 100 млн. куб. м земли, сооружено мостов и тоннелей общей протяженностью до 100 км[13].

Великая транссибирская магистраль, по словам В.И.Ленина, "открыла Сибирь" для капитализма.[14] Наиболее быстрыми темпами развивалась обрабатывающая промышленность (за исключением текстильной и металлургической отраслей). По подсчетам Г.Х.Габиновича и З.А.Скубневского, с 1896 по 1914 гг. в Сибири (главным образом Западной) возникло 234 предприятия, преимущественно фабричного типа. Вновь построенные предприятия обрабатывающей промышленности составляли около 60% всех учтенных заведений, действовавших к началу первой мировой войны в этой сфере производства[15].

Не менее интенсивно возводились торговые предприятия. Только по четырем сибирским губерниям (Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской) с 1892 по 1912 гг. их число увеличилось с 4570 до 21853[16].

Значительным показателем ускоренного развития капиталистических отношений в Сибири после сооружения Транссибирской магистрали явился бурный рост городского населения. В общей сложности оно возросло в 1897-1914 гг. с 430,6 тыс. до 1 млн. человек[17], или на 240%. Увеличение городского населения вызвало интенсивное строительство. Если в 1895 г. в Томске, например, было выдано 164 разрешения на постройку, то в 1896 г. - 191, в 1897 - 407, в 1898-615, в 1899 - 439, в 1900 г. - 519[18]. Оживление строительства в городах края продолжалось и в начале XX в. Быстрее всего застраивались города, расположенные вдоль или вблизи Транссибирской магистрали. Так, в Бийске с 1904 по 1910 гг. было построено 5000 зданий, в Новониколаевске (без учета уничтоженных пожарами 1909 г.)-4300, в Омске - 3300, в Чите - 950, в Томске - 850, в Кургане - 750 жилых зданий и т.д. Общий прирост жилищного фонда по всем сибирским городам только за эти годы составил свыше 20,3 тыс. зданий[19]. Менялся и внешний вид построек. На смену одноэтажным деревянным домам в городах, крупных рабочих поселках, на железнодорожных станциях возводились многоэтажные каменные здания промышленных предприятий, торговых, религиозно-культовых и культурно-просветительных учреждений, вокзалов, депо, мастерских, жилых домов.

На рубеже XIX-XX вв. Сибирь являлась не только краем быстрорастущего городского населения, но и вообще ареной все более возраставшего переселенческого движения. В общей сложности за 1885-1904 гг. в регион переселились из Европейской России около 1,[illegible] млн. человек, а за 1905-1914 гг. - почти 3 млн. человек[20]. В конце XIX в. земельные участки переселенцам нарезались в сравнительно освоенных районах. В период же особенно интенсивного переселенческого движения (1905-1914 гг.) местом расселения новоселов стала в основном труднодоступная и малоосвоенная часть таежной и лесостепной зон, лишенная путей сообщения, медицинских учреждений, школ, гидротехнических сооружений. С 1900 г. была развернута широкая программа строительства этих объектов. Если за предыдущие годы в крае было построено около 1700 км грунтовых дорог, то к 1917 г. только в Западной Сибири и Забайкалье их было сооружено свыше 7000 км[21]. В сельской местности по всей Сибири было построено в 1894-1903 гг. 164 школы и 109 церквей, а в 1906-1916 гг. - 449 школ и 340 церквей[22].

Исключительно важное значение для Сибири, с ее огромными пространствами и низкой плотностью населения, имели железные дороги. Первоначально основной транспортной артерией служила однопутная Транссибирская магистраль. Выявившаяся во время русско-японской войны ее недостаточная пропускная способность, рост грузооборота, массовая колонизация новых районов - заставили приступить к расширению сети железных дорог в крае.

В 1907-1915 гг. сооружалась вторая колея Транссибирской магистрали от Омска до ст. Карымская протяженностью 3200 км. На ее западном и восточном окончаниях вместо второго пути в 1910-1913 гг. была построена Тюмень-Омская (568 км), а в 1908-1913 гг. - Западно-Амурская (558 км) железные дороги[23]. Кроме казенных железных дорог строились частные. В 1913-1915 гг. была сооружена Алтайская железная дорога (802 км). Общая длина железных дорог, введенных в эксплуатацию в 1907-1915 гг. в Сибири, составляла в однопутном исчислении 5500 км[24].

В годы первой мировой войны в крае, как и в России в целом, повсеместно наблюдался резкий спад строительной деятельности. Если в 1914 г. в Томской губернии было выдано 156 разрешений на постройку зданий, то в 1915 - 107, а в 1916 г. - 85. Особенно сократилось строительство мельниц: в 1914 г. - 46, в 1915 г. - 30, в 1916 г. - 21[25]. Накануне первой мировой войны было начато

сооружение Кольчугинской (237 км), Кулундинской (315 км) и Ачинск-Минусинской (460 км) железных дорог[26]. К 1917 г. они не были закончены, хотя действовали на значительном протяжении

В сибирском строительстве, как и в российском в целом, в период капитализма преобладал подрядный способ ведения работ. Различались четыре вида подрядов - "гуртом", "раздробительный", "хозяйственный" и "смешанный". При сдаче строительного объекта на подряд "гуртом" все поставки и все производство работ велись одним предпринимателем. При "раздробительном" подряде заключались два договора порознь - на поставку материалов и на производство работ, которые выполнялись разными лицами. При "хозяйственном" способе производства работ заготовка материалов и наем рабочей силы осуществлялись самим заказчиком строительства. При "смешанном" подряде часть работ производилась "гуртом" или методом "раздробительного" подряда, а другая часть - "хозяйственным" способом[27].

Хотя к 90-м гг. XIX в. в сибирском строительстве виды подрядов остались прежними, изменились сами масштабы подрядной деятельности Подрядчиков пореформенного времени, оперировавших сравнительно небольшими суммами, сменяли предприниматели-миллионеры. В исторической литературе данный сюжет исследован сравнительно полно, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на нем. Судя по работам З.Ф.Борзунова и В.И.Макаревич, на строительстве железных дорог в Сибири преобладали подрядчики из Европейской России. Так, на сооружении Транссибирской магистрали и Амурской железной дороги наиболее крупными из них были Бонди, Березин, Кнорре, а на постройке Тюмень-Омской и Алтайской железных дорог - Д.Я.Алейников и Н.Д.Аверин. Сибирским капиталистам оставались мелкие подряды, преимущественно по лесопоставкам[28].

Широкий диапазон деятельности был характерен и для капиталистических фирм, возникавших в начале XX в. в строительном деле. Как правило, они совмещали проектные, строительные и торговые функции. Например, в анонсе крупного томского торгового дома И.З.Свидерский и К° указывалось, что его фирма занимается сооружением "всякого рода торговых и жилых домов, амбаров, брандмауеров, крыш, лестниц...", производством канализационных работ, а также поставкой и устройством тротуарной плитки, мозаики и цементных изделий[29]. Иркутская фирма Л.Ф.Древновского кроме ведения цементных, асфальтовых и железобетонных работ осуществляла

поставку разнообразных строительных материалов и выдачу всевозможных смет, каталогов, проектной документации[30]. Подобные фирмы существовали в начале XX в. в большинстве крупнейших сибирских городов. В Иркутске накануне первой мировой войны, например, их было 13, и по этому показателю он находился на четвертом месте после Москвы (222 фирмы), Петербурга (150 фирм) и Гельсингфорса (14 фирм)[31].

Накануне первой мировой войны в Сибири появляются акционерные общества. Они организовывались для сооружения частных железных дорог: Алтайской, Ачинск-Минусинской, Кольчугинской и Кутунинской[32]. Это показывает, что концентрация капитала в строительном деле края подчинялась общероссийским закономерностям. Как и в центре страны, на сибирской окраине этот процесс осуществлялся интенсивнее всего в железнодорожном строительстве. Здесь накануне первой мировой войны происходило усиленное слияние промышленного и банковского капитала

Активную роль в финансировании сибирской строительной промышленности играла казна. Основной поток государственных инвестиций направлялся в наиболее быстроокупаемое дорожное строительство. Так, на сооружение первой колеи Транссибирской магистрали (без Уссурийского участка и Байкальской переправы) Министерство финансов затратило более 264,70 млн.р.[33] В 1908 г. Государственная дума утвердила законопроекты об отпуске на сооружение второй колеи Сибирской железной дороги 171,05 млн.р., а на постройку Тюмень-Омской железной дороги - 31,34 млн.р. На строительство Западно-Амурской железной дороги было истрачено более 101,91 млн. р.[34]

О государственном финансировании других сфер сибирского строительства сведения отрывочны. Известно, что на постройку 9 казенных винных складов в Томской губернии и Якутской области по сметам 1889-1900 гг. было отпущено 1,54 млн.р., а на нужды военного строительства в Сибири в 1909 г. ассигновалось 8 млн.р.[35]

На рубеже XIX-XX вв. основным поделочным материалом в Сибири по-прежнему оставалась древесина. Но наряду с ней в строительное дело внедрялись более прочные и долговечные материалы. Прежде всего, значительно расширилось применение кирпича. Если в 1880 г. в Чите было всего 5 кирпичных зданий, в Бийске - 10, в Кургане - 20, в Тобольске - 36, в Томске - 255, то к 1910 г. их стало соответственно 113, 147, 238, 212, 465. В Барнауле каменных жилых

ный фонд с 1895 по 1910 гг. возрос с 33 до 89, а в Красноярске – с 98 до 363 домов[36].

Во многих каменных зданиях пол и стены отделывались половой и облицовочной плиткой, а крыши покрывались уже не тесом, а жестью или толем. В ряде сибирских городов в конце XIX–начале XX вв. были осмелились булыжные мостовые. К этому же времени относится и применение асфальта. Им покрывались городские улицы, железнодорожные платформы, полы в магазинах и на складах. При прокладке тоннелей, строительстве мостов использовались металл и бетон.

Меньше всего капиталистические преобразования затрагивали методы ведения строительных работ. Перемещение тяжестей на сибирских стройках по-прежнему происходило при помощи катков, блоков, лебедок и т.д., т.е. набором приспособлений, известных с давних пор. Кирпичная кладка, устройство лесов, приготовление растворов также сохранили существующую издавна технологию, с той только разницей, что прочное место заняли цементный и сложный растворы. Основными орудиями труда при земляных работах оставались лопата и тачка, а тягловой силой – люди, которые только при больших расстояниях заменялись лошадьми[37]. Средства механизации имелись только на крупных строительных объектах, преимущественно на железнодорожных. Например, на постройке Средне-Сибирского участка Транссибирской магистрали в 1895 г. использовались пять американских землеройных плугов[38]. В начале XX в. на сибирских стройках появились экскаваторы. Один из них применялся на "Горном Первостроительстве"[39], два–на сооружении Алтайской железной дороги[40]. Наиболее механизировались постройки железнодорожных мостов и тоннелей, где использовались паровые котлы, оборудование для опускания кессонов, бетоносмесительные установки, пароходы, техника горной проходки.

Столь же техническая вооруженность сибирских строек оставалась низкой. В частности, на строительстве Средне-Сибирского участка Транссибирской магистрали механизированным способом было выполнено всего 12% земляных работ[41]. Слабая техническая вооруженность отрасли не была только сибирским явлением, а отражала существовавший этап развития строительной промышленности страны. В 1910–1916 гг. даже на крупнейших по тому времени объектах строительства в России уровень механизации таких массовых работ, как земляные, не превышал 3%, а бетонных – не достигал и 1%[42].

Строительное дело Сибири, как и России в целом, находилось накануне Октября на переходной стадии от мануфактуры к фабрике. Технический переворот в строительстве хотя и начался, но протекал очень медленно. Это обусловливалось целым рядом факторов. В основной массе возводимые объекты были небольшими по размерам и рассредоточенными по огромной территории, что затрудняло процесс повышения технического уровня строительства. Отечественное машиностроение отличалось слабым развитием. Например, Путиловский завод, монопонизировавший выпуск одноковшовых экскаваторов, произвел их с 1902 по 1917 гг. лишь 36 штук, в то время как на заводах США ежегодно выпускалось около 200 подобных машин[43]. В 1917 г. в России использовалось всего около 200 экскаваторов, преимущественно зарубежных марок[44]. Иностранное оборудование стоило чрезвычайно дорого, поэтому большинство подрядчиков предпочитало ему дешевый ручной труд.

Несмотря на низкий уровень развития производства, политические и экономические интересы государства обусловливали необходимость интенсивного строительства в Сибири и прежде всего железнодорожного и промышленного. Последнее, в свою очередь, требовало вложения больших капиталов, которых Сибирь не имела. Поэтому крупнейшие стройки региона сооружались при помощи государства и капитала центра страны. Развитие сибирского строительного дела полностью подтверждало известное положение В.И.Ленина: "Техническая концентрация прогрессивна в технике: финансовая может укреплять и укрепляет всесилие монопольного капитала при отсталой технике..."[45]

В целом сибирскому строительному делу второй половины XIX-начала XX вв. было присуще поступательное движение вперед. Из него хотя и медленно, но неуклонно вытеснялись докапиталистические формы организации производства. Развивавшаяся сибирская строительная промышленность создавала материальную основу для формирования здесь отряда строительных рабочих.

---

1. См.: Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965. 197 С.; Макаревич В.А. Подрядчики на строительстве Алтайской железной дороги // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1974. С.97-103.

2. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.3. С.530-531.
3. Там же.
4. Там же. С.530-531.
5. См.: Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С.49; Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX - начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1953. С.253; Ашепков Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953. С.253.
6. См.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып.3. С.460.
7. Жизнь на восточной окраине. 1896. 25 февр.; ЦГИА СССР, ф.391, оп.4,д.1470, л.29-30; оп.5, д.23, л.73-211; д.822, л.1-2 и т.д.
8. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.8. С.536.
9. Там же.
10. Построенная в 1883-1885 гг. Екатеринобург-Тюменская железная дорога пролегала по территории Сибири лишь на протяжении нескольких десятков километров.
11. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год с адрес-календарем. Красноярск, 1890. С.182-183; ГАТО, ф.234, оп.1, д.68, л.31-272.
12. См.: Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири... С.8.
13. См.: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.Новосибирск, 1982. С.172.
14. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.5. С.82-83.
15. См.: Рабинович Г.Х., Скубневский Б.А. Буржуазия в обрабатывающей промышленности Сибири (конец XIX - 1917 г.) // Из истории Сибири. Некоторые вопросы социально-экономического развития Сибири в досоветский период. Томск, 1975. Вып.17. С.99.
16. См.: Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири (конец XIX - начала XX вв.).Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1975. С.226.
17. См.: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т.1. С. 89-91; Горшков М.И. Рабочий класс Сибири накануне Октябрьской революции // Из истории рабочего класса Сибири. Новосибирск, 1964. С. 181.
18. Сибирская жизнь. 1899. 13 окт.; 1901. 2 мая.
19. Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 312-372; Города России в 1910 г.СПб.,1914. С.1022-1092. Подсчет автора.

20. См.: Шорников М.И. Рабочий класс Сибири... С. 180.
21. Дорожно-строительные работы на переселенческих участках Сибири. СПб. С.47; ЦГИА СССР, ф.391, оп.10,д.7,л.9-10; ТсГАТО, ф. 580, оп.1, д.327, л. 10-11; ГАЖО,ф.31, оп.1,д.619, л. 15-16. Подсчет автора.
22. Сибирские церкви и школы. СПб., 1904.С.8-9; ЦГИА, ф. 391, оп.6, д. 830, л. 44; д. 832, л. 68; д. 833, л.65; д.834, л.81, д.835, л.57.
23. Длина Западно-Амурской железной дороги в пределах Забайкальской области.
24. Сибирская советская энциклопедия. М., 1929. Т.1. С.911; ЦГИА СССР,ф.350, оп.4, д.2, л.1.
25. Сибирь, 1916, 23 нояб.
26. Сибирская советская энциклопедия... С. 911.
27. См.: Очерки истории строительной техники России XIX - начала XX вв, М., 1964. С. 141-142.
28. См.: Борзунов В.Ф. К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX - начале XX вв. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 102; Макаревич В.И. Подрядчики на строительстве... С. 99-100.
29. Адресно-справочная книжка "Весь Томск" на 1911-1912 гг. Томск, 1911. С. 12.
30. "Весь Иркутск" с отделами Забайкальской и Якутской областей на 1909 год. Иркутск, 1909. Приложение. С. 6.
31. См.: Очерки истории строительной техники России... С. 144.
32. См. об этом подробнее: Боголепова И.Н. Финансовый капитал в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1979. № 9. С. 55; Соловьева А.М. К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны // Исторические записки 1956. № 55. С.190,201-202, и др.
33. См.: Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1909. Приложение I; Сибирская жизнь. 1904. 20 марта. При подсчете не учитывался оборотный капитал, а также стоимость изысканий и подвижного состава.
34. Сибирь. 1908. 22,26 янв.; 1913. 8 окт.
35. Восточное обозрение. 1902. 22 июня; Сибирский вестник. 1899. 4 дек.; Сибирская жизнь. 1909. 17 апр.

36. Город Барнаул по переписи 28 марта 1896 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1898. Т.2. Вып.1. С.8-11; Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С.5-101; ЦГИА СССР, ф.1284, оп.70, д.447, л.881; ГАКК, ф.31, оп.1, д 202, л.13. Подсчет автора.
37. См.: Очерки истории строительной техники... С.145.
38. Сибирский вестник. 1895. 4 мая.
39. Так назывался участок строительства второй колеи Транссибирской магистрали от Ачинска до ст. Иннокентьевской. (Очерки истории строительной техники... С.155.).
40. Отчет по сооружению линии Новониколаевск-Семипалатинск с ветвью на Бийск. Общество Алтайской железной дороги. Пг., 1917. Ч.II. С.8-9.
41. См.: Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири... С.95.
42. Строительство в СССР. 1917-1967. М., 1970. С 16.
43. См.: Очерки истории строительной техники... С.155.
44. Строительство в СССР... С.461.
45. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С.171.

В.И.ПРОНИН

ТОРГОВЛЯ СИБИРИ С ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИЕЙ В ПЕРИОД ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Сибирь географически, экономически и исторически развивалась как неотъемлемая составная часть Русского многонационального государства. Являясь земледельческой окраиной, она была важным рынком сбыта промышленных товаров Европейской России, в обмен на которые вывозились сельскохозяйственное сырье, пушнина и золото. Естественно, всестороннее изучение экономических связей Сибири с европейской частью страны представляет большой научный интерес. Это позволяет на основе конкретно-исторического материала расширить существующие представления о роли и месте Сибири в составе всероссийского рынка.

Специальных работ советских историков по данному вопросу нет. В монографиях социально-экономического цикла приводятся лишь некоторые материалы о связях Сибири с Европейской Россией. Ясно, что в них рассматриваются только отдельные стороны поставленной проблемы. Так, в "Истории Сибири" на первый план выдвигаются формы организации торговли и пути сообщения[1], в книгах Л.М.Горюшкина и З.Г.Тюкавкина - вопросы роста торгового земледелия и скотоводства[2], в книге И.А.Асадханова - ярмарочная торговля[3]. Достигнутый уровень знаний по истории Сибири настоятельно требует ликвидировать этот пробел, так как иначе невозможно в полной мере раскрыть особенности развития Сибири в период капитализма.

Громадные пространства сибирского края, лишенного удобных путей сообщения, редкое население и слабое развитие промышленности сдерживало рост товарооборота. Пароходное сообщение, развившееся в пореформенное время, облегчило доставку товаров к рынкам. Пермь-Тюменская железная дорога (1885 г.) соединила две могучие водные системы -Обь-Иртышскую с Волжско-Камской. Но две перегрузки товаров - в Тюмени и Перми - при направлении к Петербургу и три - в Тюмени, Перми и Нижнем Новгороде - при движении их к Москве, длительность рейсов по сибирским рекам, "краткость навигации по ним, прекращавшейся как раз во время начала реализации урожая, и мелководье рек Тобола и Туры препятствовали сколько-нибудь значительному развитию транзита между европейской частью России и Сибирью по этому пути"[4].

До вступления сибирской железной дороги в строй разобщенность не была преодолена не только между Сибирью и Европейской Россией, но и между Западной и Восточной Сибирью. В это время торговые сделки сибирских купцов с европейской частью страны осуществлялись преимущественно на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. По общему признанию, Нижегородская ярмарка являлась "первым всероссийским торжищем", где подводился итог торговой деятельности в стране и определялась конъюнктура рынка на будущее. "Москва,- писал в этой связи очевидец и исследователь ярмарки Н.П.Овсянников,- кладет здесь всякому крупному коммерческому делу почин,и ярмарка является до некоторой степени пригородом Москвы"[5]. Доминирующее положение на ней занимали товары московских фабрик, которые являлись предметом традиционного ввоза в Сибирь. Так, в конце 1860-х гг. из 2,5 млн. пудов различных грузов, отправлявшихся с Нижегородской ярмарки за Урал, бакалейные, москательные и колониальные товары составляли 647,8 тыс. пудов, галантерейные - 648,9 тыс., мануфактура - 587,2 тыс., сахар - 225,4 тыс. и остальные товары - 618 тыс. пудов[6]. В большом количестве в Сибирь направлялись также железо с уральских заводов, стальные и железные изделия павловских и ярославских мастеров, товары с Воткинских и Ижевских заводов, харьковские дуги, деревянная мебель, выделанные кожи и т.п.

Через Нижегородскую ярмарку проходил сибирский транзит, так как большинство сибирских товаров шло не в Казань и Петербург, а в Нижний Новгород, откуда они распределялись по другим городам, включая Москву. Долгое время ярмарка была основным рынком закупки товаров для Восточной Сибири. Это было связано с тем, что она выполняла вначале роль распределительного центра китайского чая, который доставлялся иркутскими и кяхтинскими купцами и их комиссионерами. В Кяхте чай обменивался на промышленные товары и пушнину. Лишь в 1854 г. последовал указ, согласно которому разрешался промен на чай серебряных изделий, причем их ценность не должна была превышать 1/3 стоимости пушнины, а с 1 августа 1855 г. торговля с Китаем стала вестись по вольным ценам. За границу был допущен вывоз золотой и серебряной монеты и изделий из драгоценных металлов в размерах, установленных законом 1854 г. Но в первое время оплата за китайский чай производилась пока товарами, большая часть которых поступала с Нижегородской

ярмарки.

Ведущие московские фирмы были заинтересованы в тесных контактах с кяхтинскими купцами, через посредство которых они ежегодно обывали в Китай на несколько миллионов рублей различных товаров и, в первую очередь, мануфактуру. С открытием китайского рынка для иностранцев и усилением в связи с этим конкуренции со стороны западноевропейских и американских товаров она продавалась в Китае на 20% дешевле, чем в Москве[7]. Убытки перекладывались на потребителей чая, который продавался московским фирмам в кредит большими партиями по 1000-3000 ящиков[8]. Текстильные фабриканты должны были ждать развязки с чаем, чтобы приступить к заключению сделок на мануфактуру, которая сибирским купцам также отпускалась в кредит. Положение в корне изменилось после того, как в 1861 г. был отменен запрет на ввоз чая морем. Морская торговля чаем нанесла сильный удар по позициям кяхтинских и иркутских купцов. Торговцами кантонского чая стали бывшие московские и нижегородские покупщики кяхтинского чая. Центр торговли чаем в России переместился из Нижнего Новгорода в Москву, куда через Одессу поступал привезенный морем кантонский чай. "Вопрос о кяхтинском чае, когда-то самый жгучий в нашем торговом мире, в особенности на Нижегородской ярмарке,- писал в начале 1880-х гг. В.П.Безобразов в работе по экономике России,- утратил теперь всякий для него интерес. Наши торговцы, даже прямые участники кяхтинской торговли, совершенно примирились с неизбежным ее упадком и превозмогающей силой кантонского чая"[9].

Ежегодный ход ярмарки теперь зависел целиком и полностью от конъюнктуры на хлопчатобумажные изделия, торговый оборот которых во много раз превосходил торговлю чаем. Резко упал сбыт русских товаров в Кяхте китайским купцам. Чайная торговля здесь держалась благодаря искусственным мерам правительства: таможенная пошлина на чай в Кяхте была ниже, чем в портовых городах европейской части страны. С 1864 г. за каждый пуд ординарного чая казне следовало уплатить 6 р. на кяхтинской таможне и 15 р.-в таможнях Европейской России, а с пуда чая высоких сортов - соответственно 16 и 22 р.[10] Благодаря этой разнице в значительной мере покрывались дополнительные издержки при транспортировке чая через Сибирь. Поэтому ввоз в Россию китайского чая через Кяхту продолжал в пореформенное время держаться на высоком уров-

не: в 1885 г. он составлял 952030 пудов, в 1890 г. - 1001940 пудов и в 1894 г. - 1456770 пудов. Для сравнения отметим, что через таможни Европейской России его было провезено в это время соответственно 759832, 834720 и 842334 пуда[11].

В Кяхтинской торговле китайская сторона постоянно имела большое положительное сальдо. Так, в 1884 г. весь ввоз в Россию через Кяхту оценивался в 18,7 млн.р., причем чая было ввезено на 17,7 млн.р. Вывоз из России в Китай, как и ранее, был намного меньше. В Китай было вывезено товаров на 1946,1 тыс.р., остальное доплачено валютой[12].

Не имея своей развитой обрабатывающей промышленности, Восточная Сибирь, отмечалось в отчете 1885 г. графа Игнатьева, приступившего к исполнению делами генерал-губернатора восточносибирского края, "снабжается не только всеми мануфактурными произведениями из Европейской России и из-за границы, но даже некоторые предметы первой необходимости и сырые произведения привозятся издалека, так, например, коровье масло, кожи, рогожи, цинобки и т.п. получаются из Западной Сибири"[13]. Товарно-складским центром являлся Иркутск. Сюда стекались русские и заграничные товары, здесь они сортировались и распределялись не только по Иркутской, но и по другим губерниям Восточной Сибири. В город съезжались местные торговцы, купцы Забайкальской и Якутской областей, золотопромышленники ленских и забайкальских приисков. Здесь сосредоточивались все крупные торговые фирмы, а также конторы витимских и олекминских золотопромышленников. С перенесением из Кяхты таможни через Иркутск проходил китайский чай, 2/3 которого направлялись на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки и в Западную Сибирь[14]. Банки осуществляли перевод денег за проданные товары всего огромного края. Данные по Иркутскому рынку являются хорошей иллюстрацией для показа характера торговых отношений между Восточной Сибирью в целом и европейской частью страны.

Среди привозных товаров первое место занимали в Иркутске галантерейные товары, второе - мануфактура, затем шли железные и металлические скобяные и москательные изделия, колониальные товары, вина и бакалейные продукты. Даже без учета китайского чая они составляли 11430 тыс.р., причем 2/3 всего ввоза приходилось на галантерейные и мануфактурные изделия (табл.1).

Основная часть привезенных товаров оставалась для продажи в Иркутске и округах Иркутской губернии. Но немало (на сумму свыше

Таблица I

Ежегодный ввоз промышленных товаров в Иркутск в 1876-1880 гг.[x]

ТОВАРЫ	Всего ввезено		Из них вывезено в Забайкальскую и Якутскую области	
	тыс. пудов	на сумму (тыс.р.)	тыс. пудов	тыс.р.
Галантерейные	3	5000	0,8	1333
Мануфактурные, панские	15	3000	5,0	1000
Железные и металлические	40	1300	23,0	800
Скобяные и москательные	7	700	3,0	300
Колониальные	10	500	5,0	250
Иностранные и российские вина	100	500	5,0	250
Бакалейные	15	300	8,0	160
Кожевенные и жировые	10	180	4,0	72
Итого	110	11480	53,8	4165

x) Таблица составлена по: Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. Иркутск, 1881. С.67-68; Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири... С.455; ЦГИА, ф.1284, оп.70, д.479, л.18 об.

4 млн.р.) отправлялось их в Забайкалье и Якутию. Якутская область во все времена получала товары с Иркутского рынка. Забайкалье же с 1880-х гг. стало снабжаться промышленными товарами через Амурский край. Отсюда их стало поступать больше, чем из Иркутска. Это привело к тому, что Забайкальский рынок отошел к торговому району с центром в Благовещенске[15].

Товары, закупленные на Нижегородской ярмарке, прибывали из Томска в Иркутск ко 2 декабря, когда начиналась ярмарка, продолжавшаяся целый месяц. В 1879 г. на ней было продано их на сумму 1,8 млн.р. Кроме того, в начале января было отправлено различных товаров на Верхнеудинскую ярмарку на 3,6 млн.р. и для торга по реке Лене и в Якутск - на 3,9 млн.р.[16]

Местная промышленность в Иркутске находилась "на весьма низкой ступени развития"[17]. Ее изделия не могли конкурировать с привозными товарами как в цене, так и в качестве. Они далеко не удовлетворяли спрос местного населения, и если некоторая их часть шла на вывоз, то исключительно в Якутскую и Забайкальскую области. Они не имели доступа не только в Европейскую Россию, но и в Западную Сибирь. Более того, в стоимостном выражении местные товары и сырье на рынках Восточной Сибири были далеко не эквивалентны привозным изделиям. Общий итог Иркутского рынка, например, в 1893 г. складывался из товаров местного производства - на 6719 тыс.р., привозных товаров из европейской части страны и Томска - на 10290 тыс. и Китая - на 11250 тыс.р. Отметим также, что ассигновок на золото разменивалось в Иркутске на 7 млн.р.[18]

За купленные в кредит товары из Восточной Сибири вывозились огромные по тому времени капиталы. Иркутские банки в 1876-1880 гг. ежегодно переводили 12,7 млн.р., в 1881-1885 гг. - 19,1 млн. и в 1886-1889 гг. - 17,3 млн. р., причем 46,3% этих денег уходило в Москву, 23,7% - в Томск, 12% - в Нижний Новгород, 5,60%- в Петербург, 5,4% - в Ирбит, 1,8% - в Ханькоу, 1,5% - в Тюмень, и 3,7% - Екатеринобург, Казань, Харьков, Одессу, Киев и Варшаву[19]. Значит восточносибирский рынок находился в руках московских торгово-промышленных фирм, ибо надо иметь в виду, что Ирбитская и Нижегородская ярмарки и Томск сами получали промышленные товары из Москвы. К концу XIX в. сибирские купцы окончательно переходят к закупкам их непосредственно в Москве.

Сельское хозяйство Восточной Сибири развивалось вне связи с

рынком Европейской России. Еще Г.Н.Потанин отмечал, что купцы Западной Сибири со своими тяжелыми и громоздкими жировыми товарами и произведениями земледелия ездили на Ирбитскую ярмарку, "где и покупали для своей половины Сибири продукты московской мануфактуры; купцы же восточной половины Сибири проезжали со своими легкими для провоза, но дорогими мехами и чаями до Нижегородской ярмарки и здесь закупали фабрикаты"[20]. Но, как подчеркивалось в указанном отчете графа Игнатьева за 1885 г., самостоятельной торговлей чаем и вывозкой пушнины и мамонтовой кости занимались только богатые иркутские фирмы, остальные же вели преимущественно комиссионное дело, служа агентами крупных московских фирм по доставке чаев через Кяхту[21].

Ирбитская ярмарка (с I февраля по I марта) для Западной Сибири выполняла несравненно более важную роль, чем для Восточной Сибири. Она долгое время имела для нее то же значение, что Нижегородская для всей страны. В Ирбите сибиряки делали главные запасы промышленных товаров, которые распределялись по основным торговым центрам и перевалочным пунктам для дальнейшего следования в степь, далекие периферийные районы и в Иркутск. Здесь зауральское сырье группировалось в большие партии для отправки в Нижний Новгород, Казань, Москву и Урал. Ирбит был первым рынком в мире по торговле пушниной. Сюда шла мануфактура и фабричные изделия с Нижегородской ярмарки и частью чай из Кяхты. Значительное улучшение экономической обстановки в сибирской деревне в 70-х гг., строительство Пермь-Тюменской железной дороги и усиление грузового движения к Ирбиту по Гороблагодатскому тракту (на Кунгур-Тагил) и по реке Нице способствовали росту торгового оборота Ирбита. Пора расцвета Ирбитской ярмарки приходится на первую половину 1880-х гг. В это время на ярмарке происходила широкая торговля сельскохозяйственным сырьем Азиатской России и привозными промышленными товарами.

Казалось, Ирбиту предстоит блестящее будущее. Однако со второй половины 80-х гг. оборот торговли ярмарки начал падать, вследствие чего к 1893 г. привоз товаров составлял 70%, а продажа - 62,4% к уровню 1882 г. (табл.2). В 1889 г. проданные товары сократились наполовину против прежнего объема, хотя в официальном отчете о ярмарке указывалось, что она "вышла по расчетам вполне удовлетворительной, а по торговле выше средней"[22]. Причина тому -

Таблица 2

Товарооборот Ирбитской ярмарки в период капитализма (в тыс. р.)[x]

Товары: Привоз-продажа	Европейской России	Азиатско-сибирские	Иностранные: Европейские	Иностранные: Азиатские	Иностранные: Бухарские	Итого
1864 г.						
Привезено	35135,5		1985,0	2228,0	171,6	39520,5
%	88,9		5,0	5,7	0,4	100,0
Продано	28348,0		1616,0	2071,0	147,0	32182,0
%	88,1		5,0	6,4	0,5	100,0
1882 г.						
Привезено	48789,8	12468,5	1349,0	6468,0	415,0	69490,3
%	70,2	17,9	1,9	9,4	0,6	100,0
Продано	45762,2	12025,5	1294,0	6370,0	413,0	65864,7
%	69,5	18,2	2,0	9,7	0,6	100,0
1893 г.						
Привезено	36669,0	5316,8	-		6452,0	48439,8
%	75,7	11,0	-		13,3	100,0
Продано	30673,0	5037,8	-		5373,0	41083,8
%	74,7	12,3	-		13,0	100,0
1898 г.						
Привезено	29405,0	5286,6	-		3656,0	38347,6
%	76,7	13,8	-		9,5	100,0
Продано	24908,5	5227,6	-		3130,0	33326,1
%	74,9	15,7	-		9,4	100,0

x) Таблица составлена по: Ирбитский ярмарочный листок. 1865. 1 февраля. С.1-2; Томские губернские ведомости. 1882. 25 ноября; Вестник финансов, промышленности и торговли... 1894.№ 19. С.1164; Вестник... 1898. Т.1. № 13. С.837-838; Т.2. № 14. С.35: Лошади, пригнанные на ярмарку из сибирских степей, переведены в рубрику "азиатско-сибирские" товары.

изменение прежних грузопотоков между Сибирью и Европейской Россией в связи со вступлением в строй действующих железных дорог. Пермь-Тюменская железная дорога, прошедшая в 110 верстах от Ирбита, отвлекла многие грузы к Тюмени (через этот пункт раньше проходили только те товары, которые шли из Сибири в Нижний Новгород и в обратном направлении, минуя Ирбит, Исетский и Ялуторовский тракты), а Сибирская дорога, оказавшись в 180 верстах к югу, все более сводила ярмарку, исключая торговлю пушниной, в разряд межрайонного зауральского рынка.

Железные дороги вызвали к жизни более прогрессивные формы торговли. Сельскохозяйственное сырье и промышленные товары стали сразу же доставляться в места потребления, не заходя на ярмарки. Для многих товаров (пушнины, кожи и др.) Ирбит стал выставкой образцов, по которым производилась уже сама заготовка в местах их производства[23].

Поэтому в Ирбит и в конце XIX в. свозились на продажу пушнина и значительное количество кожевенных изделий.

Из промышленных товаров первое место по праву принадлежало мануфактуре. На неё постоянно был высокий спрос. По отзывам ирбитского городского головы, в 1885 г. на ярмарке хорошо продавались мануфактурные, игольные и галантерейные товары, так что некоторых сортов мануфактуры даже не хватило[24].

Наибольшим спросом пользовались хлопчатобумажные ткани, за счет которых в 80-90-х гг. на 1/3 формировался оборот ярмарки, а вместе с шелковыми, шерстяными, льняными и пеньковыми - наполовину и более. В стоимостном выражении фабрикаты текстильной промышленности почти в 4 раза превышали азиатско-сибирские товары. Так, в 1893 г. различных тканей на ярмарке было продано почти на 24 млн.р., а азиатско-сибирских товаров-всего лишь на 5 млн.р. Следовательно, сделанный известным исследователем Сибири Н.М.Ядринцевым вывод, что "над Востоком тяготеет самая широкая и грандиозная мануфактурная эксплуатация"[25], не лишен основания. "Потребности, - писал он о Сибири,- у нее развились сильно, но окупить их своими продуктами она не в силах: сколько она не дает продуктов, она все в долгу у мануфактуристов"[26].

Сокращение торговли мануфактурой на Ирбитской ярмарке в 90-х гг. с лихвой восполнялось поставками ее из Москвы непосредственно в торговую сеть Сибири. Так, если в 1887 г. торговые обороты

гильдейских предприятий 4-х сибирских губерний составляли 24,5 млн.р., то в 1898 г. - 30,3 млн.р.[27]

В большом количестве на Ирбитскую ярмарку привозились на продажу игольные и галантерейные товары, оптические и хирургические инструменты, составлявшие вторую, самую значительную группу товаров. На третьем месте находились черные металлы и медь (с изделиями из них), австрийские и русские косы, скобяные и ножевые изделия, на четвертом - продукты питания, вина и водка, на пятом - сафьяновые кожевенные изделия и т.д. Слишком дорогой была их доставка в Сибирь гужевым траспортом кружным путем через Ирбит. На ярмарке выгодно торговали железом близлежащие Алапаевские и Невьяновские заводы. Кыштымские, Сысертские, Верхисетские, Ревдинские, Сергинские заводы отправляли железо на Нижегородскую ярмарку и частью в Петербург. Сибирь получала его либо прямо с уральских заводов, либо с Нижегородской ярмарки водным путем. Продажа земледельческих орудий и швейных машин с различными инструментами была невелика, причем это товары позднего появления на ярмарке.

Таким образом, в Азиатскую Россию через ярмарку во второй половине XIX в. направлялись главным образом потребительские товары Из Московского района сюда поступали мануфактура и галантерея, металлические изделия и посуда, из южных районов - сахар, табак, вина, с Урала - железо, алебастр, известь, цемент, из Казани - свечи, мыло, кожевенные изделия, из Астрахани - керосин, из Западной Европы - кофе, индиго, некоторые сорта тканей и бакалейные изделия, из Китая - чай, которого в 1864 г. было продано в Ирбите на 2050 тыс.р., в 1882 г. - на 2630 т.р. В Сибирь сбывались также изделия ремесленного производства - экипажи, рессорные коляски, городские сани, колеса, стулья, шкафы, точила и мельничные жернова.

В обмен на европейские товары Сибирь и Степной край отпускали сельскохозяйственное сырье и пушнину[28]. Цены на более дорогие меха проявляли тенденцию к росту, особенно на соболя, отстрел которого постоянно превышал естественное воспроизводство. Если в конце 1860-х гг. соболь можно было купить за 3-8 р. и более, но не выше, чем за 20 р., то в 1898 г. енисейский соболь стоил от 9,5 до 10,7 р., а якутский и витимский - от 37 до 75 р.[27] Большой спрос покупатели предъявляли на песца. Но особенно сильно цены подскочили на черно-бурую лису - с 3-20 до 30-125 р.[30] На другие меха, включая белку, которой в Ирбите продавалось от четы-

рех и более миллионов штук, цены зависели от моды и спроса заграничных экспортеров. В конце 90-х гг., например, неожиданно возникла мода на пернатых: вначале - на шкурки, а затем - на крылья и хвосты. За пару желтых филинов в 1898 г. платили от 5,5 до 6 р. что равнозначно было цене енисейского песца[31].

Пушнина являлась важной отраслью торговли сибирских купцов с Европейской Россией и заграницей. Ее обороты на ярмарке не проявляли сильного колебания, составляя по реализации 2,6-2,9 млн.р. Естественно, пушнина стала занимать все большую роль среди азиатско-сибирских товаров. К концу XIX в. она в стоимостном выражении давала уже половину всего привоза их в Ирбит.

В первые два пореформенных десятилетия Ирбитская ярмарка являлась важным сборным пунктом животноводческого сырья. В 1882 г. кож и овчин, конского волоса и щетины, сала и масла было продано на ярмарке на 5,3 млн.р., или в 1,9 раза больше, чем пушнины. Положение сильно изменилось с установлением регулярного движения по Пермь-Тюменской железной дороге. Многомиллионные сделки с кожевенным сырьем, которые раньше совершались на Ирбитской ярмарке, стали принадлежностью Тюмени. Находясь на старом Московском тракте, 66 верст далее от Москвы, но на 200 верст ближе к центру Сибири, чем Ирбит, на перекрестке водного и железнодорожного пути, "город Тюмень расцвел , став главнейшим товарообменным пунктом между Сибирью и Уралом"[32]. Тюмень стягивала к себе грузы степного края и Сибири. Здесь им предстояло перейти на железную дорогу, а уральским и европейским товарам, наоборот, - с железной дороги на водний путь. Город становится местом складирования транзитных товаров, включая кожи, так как в период навигации из Семипалатинской и Акмолинской областей и Западной Сибири они "неминуемо попадают в Тюмень, хотя они были запроданы ранее на ярмарках или же оставались свободными"[33]. На складах Тюмени сосредоточивались все жировые товары, которые не удавалось продать на Ирбитской ярмарке[34]. Сюда же поступали кожи, шерсть и волос с Куяндинской ярмарки (близ Каркаралинска). В итоге к 1895 г. Тюмень стала успешно конкурировать с Ирбитом и Ишимом.

В Ирбит свозилось основного кожевенного сырья - конских и яловых кож - в 3 с лишним разом меньше, чем в Тюмень. Через Тюмень стали проходить значительные партии кожевенного сырья, сделки на которые заключались на Ирбитской ярмарке (в 1895 г., например, 72 тыс.яловых кож). Ишимская ярмарка к середине 90 х гг.

вообще перестала играть заметную роль в торговле кожами.

В 1898 г. собственно Сибирь оказывала весьма слабое влияние на торговлю кожами в Ирбите. В 1898 г. из сибирских губерний было доставлено на ярмарку только 14,5 тыс. яловых кож, или 29,1% всего количества, 6,4 тыс. овчин (1,9%)и 575,4 пуда конского волоса (8,5%)[35]. Это сырье поставлялось сюда главным образом из Акмолинской и Семипалатинской областей, на долю которых приходилось 47,4% (23,6 тыс.) - яловых кож, 75% (38,9 тыс.) - конских, 57,9% (8,5 тыс.) - верблюжьих, 82,4% (276,2 тыс.)- овчин, 73,3% (23,9 тыс.) - козлиных шкур, 65,8% (4470 пудов) - конского волоса, 43,6% (1378 пудов) - гривы, 92,6% (2630 пудов) - шерсти. Остальные кожи, шерсть, конский волос и пр. были привезены на ярмарку из Пермской губернии, Оренбургской и Семиреченской областей.

Таким образом, взгляд на Ирбитскую ярмарку конца XIX в. как на рынок сибирского кожевенного сырья не верен. В формировании ирбитского рынка шерсти, конских и верблюжьих кож Сибирь вовсе не принимала участия, а других видов сырых кож она давала меньше, чем один Петропавловск или Семипалатинск. Из Восточной Сибири было привезено на ярмарку только 200 пудов конского волоса.

Продукция животноводства Ирбитской ярмарки имела широкий рынок сбыта - от Иркутска до портов Балтийского моря. Но основной район потребления ее кож и шерсти включал Пермскую губернию, расположенные вблизи ярмарки города - Тобольск, Туринск, Тюмень, Ялуторовский, Тюменский уезды Тобольской губернии, губернский город Вятку и Слободской уезд Вятской губернии, а также Казань. В этом плане Ирбитская ярмарка все более превращалась в региональный рынок Приуралья и западной части Тобольской губернии.

С открытием сибирской железной дороги оптовые ярмарки сельскохозяйственного сырья начали с успехом заменяться еженедельными базарами, торжками и ярмарками в городах и селениях, расположенных вдоль дороги. Торговые фирмы и фабриканты Европейской России стали производить закупки сырых кож и шерсти в местах массовой забойки скота. Жировые и кожевенные товары отправлялись теперь, минуя оптовые ярмарки, по железной дороге прямо в Европейскую Россию. Так, в 1895 г. с торжков, базаров и ярмарок Курганского округа по железной дороге было вывезено 250 тыс. яловых, 110 тыс. конских и 2 тыс. верблюжьих кож, 551 тыс. овчин и 315 тыс. козлиных шкур, 61 тыс. пудов шерсти, 11 тыс. пудов конского волоса и 1 тыс. пудов козьего пуха[36]. В Тюмень с открытием железнодо-

рожной ветки Свердловск-Тюмень стали съезжаться кунгурские, вятские и другие покупатели, издавна входившие в состав постоянной клиентуры Ирбитской ярмарки, для осмотра кожевенного сырья и предварительных совещаний. Они перешли от заключения сделок на небольшие партии товаров к сделкам крупных размеров, появились покупатели из отдаленных местностей России, и даже из-за границы[37]. В 1895 г., например, на тюменской рынке был исключительно высок спрос на козлиные шкуры, цены на которые подскочили в 2 раза: с 55-60 к. в 1894 г. до 120-125 к. за штуку[38]. Такое небывалое оживление спроса на товар было вызвано усиленным требованием на него со стороны американцев, для которых закупка данного сырья велась агентами заграничных контор по пушной торговле не только в Тюмени, но и в степи. Из Тюмени товар направлялся через Либавский порт в Нью-Йорк.

Ирбитская ярмарка не играла заметной роли в торговле сырыми кожами с заграницей. Но щетины, конского волоса и гривы по-прежнему собиралось на ярмарке в большом количестве главным образом для вывоза в другие страны и частично в Москву.

На зимней Никольской ярмарке в Ишиме, в Петропавловске, Шадринске, Кургане и на ярмарке в Ирбите продавалось больше количество сала. Так, в 1869/70 г. в Сибири было закуплено его 958 тыс. пудов, из которых 734 тыс. пудов было отправлено в балтийские порты для вывоза за границу, преимущественно в Англию, 170 тыс. пудов - на казанский завод братьев Крестовниковых и 54 тыс. пудов - на другие заводы Казанской губернии.[39]

Первое место в торговле салом принадлежало Никольской ярмарке, проходившей ежегодно в Ишиме с 1 по 25 декабря. У озера Таинчи-Куль (в 100 верстах от Петропавловска) казахи продавали до 100 тыс. голов крупного и до 500 тыс. мелкого скота, который осенью забивался в основном на ишимских и петропавловских салганах исключительно на сало, так что вываренные туши скармливали даже свиньям. Затем оно поступало большей частью на Никольскую ярмарку. Вместе с топленым коровьим маслом его продано было на ней в 1884 г. на 2245 тыс.р.[40] На самой Ирбитской ярмарке торговля салом сошла на нет: она упала с 650 тыс. р. в 1882 г. до 6 тыс. р. в 1893 г. Что же касается Ишима, то он и в конце XIX в. продолжал выполнять роль главного центра по сбору этого сырья. На ярмарке расширялась торговля салом по образцам с ус-

ловием доставки проданного товара на салотопенные заводы Екатеринобурга. Известная фирма братьев Крестовниковых перенесла заготовку сала в более отдаленные города Сибири. Раньше в район ее торговых операций входили Екатеринбург , Шадринск, Ишимская, Ирбитская и другие ярмарки той же местности. С постройкой железной дороги сало стало покупаться в Омске, Бийске, Семипалатинске и прочих отдаленных местах. Салотопенный завод Д.И.Смолина в Кургане, перетапливавший до 150 тыс. пудов сала и 50 тыс. пудов масла, также сдавал свое сало Крестовниковым[41]. Естественно, общий объем сальной торговли Сибири с Европейской Россией должен был расти, ибо только Ишимская ярмарка предлагала к вывозу в конце XIX в. до I млн. пудов этого товара[42].

В 80-х гг. из Сибири в европейскую часть страны по рекам Белой и Каме в бочонках вывозилось до 200 тыс. пудов топленого масла, 1/2 часть которого шла в Петербург, а другая половина - в Ростов-на-Дону, Самару, Саратов и другие города, зимой же 100 тыс. пудов отправлялось в Москву, часть - в Самару, Саратов и прочие пункты[43].

Топленое масло для вывоза из Сибири собиралось на зауральских ярмарках, в числе которых вначале видная роль принадлежала Ирбитской ярмарке. Но в 90-х гг. масляная торговля в Ирбите разделила ту же судьбу, что и сальная. На Ишимской ярмарке по-прежнему собиралось в это время топленого масла более чем на полмиллиона рублей. Лучшие его сорта давали Ишимский, Тарский и Тюкалинский округа Тобольской губернии, Челябинский и Шадринский уезды. Из Семипалатинской области, Томской и Енисейской губерний поступало масло более низкого качества; оно отправлялось через Тюмень и Пермь на Нижегородскую ярмарку.

С установлением движения по железной дороге совпало бурное развитие в Сибири маслодельного производства. Топленое масло было заменено сливочным, которое в большом количестве стало вывозиться за границу.

Вывозная торговля Сибири мясом ограничивалась одним Уральским районом. За дальностью этого рынка мяса из сибирских губерний вывозилось немного. Поэтому даже в период наивысшего подъема (1882 г.) на Ирбитской ярмарке было продано только 50 тыс. пудов мяса и 5 тыс. пудов птицы[44]. Главный мясной рынок в России находился в Далматове (Шадринский уезд), куда в основном из рай-

онов кочевого скотоводства доставлялось от 300 до 800 тыс. пудов мяса, 2/3 которого отправлялись в Екатеринобург, Пермь, Кунгур, на заводы Южного Урала[45]. Лишь с постройкой железной дороги на сибирских базарах и торжках появились мясоторговцы Европейской России, которые начали вывозить мясо из Сибири в столицы и другие города.

Хлебные продукты составляли почти исключительно предмет внутренней торговли Сибири. Европейский рынок длительное время из-за дороговизны перевозок был недоступен для сибирского хлеба. Только в конце 80-х гг. Западная Сибирь стала поставлять его незначительными партиями за Урал. Так, в 1883 г. станции Тюмень и Тура отправили за Урал 5 млн. пудов хлеба, а в 1889 г. - 3,25 млн., из которого на реку Каму для следования в Европейскую Россию перешло соответственно 1,6 и 400 тыс. пудов. Впервые сибирский хлеб достиг Петербургского порта в 1892 г., откуда он в количестве 10 млн. пудов был вывезен за границу[46]. Однако этот случай был вызван чрезвычайными обстоятельствами - засухой 1891 г., вызвавшей недостаток хлеба на внутреннем рынке Европейской России. При нормальном урожае в Западной Сибири излишки хлеба составляли в начале 90-х гг. 10-15 млн.пудов, из которых вывозилось не более 2-3 млн., причем 1/3 часть закупалась администрацией богословских горных заводов[47].

Из другой продукции сельского хозяйства важное значение в вывозной торговле Сибири имели мед, воск и кедровые орехи. Вследствие своих специфических особенностей эти товары пользовались повышенным спросом со стороны покупателей. На Ирбитскую ярмарку ежегодно привозилось до нескольких десятков тысяч пудов кедровых орехов, которые через Екатеринобург и Пермь в значительной части отправлялись в дальние города Европейской России. Кедровые орехи были в продаже даже в Петербурге, куда они попадали из Москвы. Много воска требовалось для свечных заводов. Поэтому приезжие в Сибири купцы покупали его в неограниченном количестве. Отметим, что в торговле воском и кедровыми орехами с европейской частью страны Ирбитская ярмарка сохранила значение ведущего рынка вплоть до конца XIX в.

К числу наиболее важных товаров домашней промышленности относились крестьянский холст и ковры. В 1882 г. на Ирбитскую ярмарку было привезено до 1 млн. аршин холста и до 10 тыс. сибирских ковров. Однако центр сбыта крестьянских холстов находился в

Тюмени. Еще в 60-х гг. здесь со всех ярмарок и торжков собиралось до 3,5 млн.аршин[48]. Из Тюмени и ближайших к городу деревень - Гусевой, Каменки, Кулаковой, Молчановой, Дубровной и других - ткачи поставляли до 50 тыс. ковров стоимостью от 3 до 50 р.[49] Сибирские ковры имели широкий рынок сбыта. Они продавались в основном на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, откуда расходились в различные города, включая и даже другие страны.

Точных статистических данных о размерах всего грузооборота между Сибирью и Европейской Россией не имеется. Н.Н.Овсянников считал, что в конце 60-х гг. из Сибири поступало на Нижегородскую ярмарку 2,5 млн. пудов груза, включая уральские товары, и столько же в обратном направлении[50]. Примерно на том же уровне товарообмен сохранялся между Сибирью и Европейской Россией позднее. Конечные станции Пермь-Тюменской железной дороги - Тюмень, Тура, через которые осуществлялось главное движение сибирского сырья в европейскую часть страны, а европейских товаров в Сибирь, отправляли в западном направлении в конце 80-х гг. 6-6,5 млн. пудов различных грузов, но из них только 1,5-2,5 млн. пудов шло транзитом на Каму, а остальные - за Урал, в Сибирь же через эти станции транзитом с Камы поступало 1,75 млн. пудов, да с Урала - от 1/3 до 1/2 млн. пудов[51].

Иначе говоря, Пермь-Тюменская железная дорога способствовала росту грузооборота в Уральском горном районе, куда сибирских товаров стало поступать гораздо больше. Если до ее открытия движение грузов по Туре и Тоболу не превышало 2,5 млн. пудов, то в 1886 г. оно составило уже 3 млн., в 1888 г. - 7 млн. и в 1890 г.- 8 млн. пудов[52]. Однако это не вызвало соответствующего вывоза сибирских грузов из Перми по Волжско-Камскому бассейну. Сибирь, как и раньше, была отрезана Уралом от рынков Европейской России.

При больших расстояниях, разделяющих Сибирь с промышленными центрами, и медленном движении грузов к месту потребления оборот капиталов в торговле составлял 1,5-2 года. Поэтому в Москве, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках товар отпускался сибирским фирмам на условиях двенадцати-и пятнадцатимесячного кредита. Это вызывалось спецификой организации торговли в Сибири. Оптовый купец, закупив товары летом в Европейской России, получал их в Иркутске не ранее декабря-января, так что в течение 6 и более месяцев они лежали без движения. Эти же товары на кредитных усло-

вих передавались более мелким торговым фирмам, а последние, в свою очередь, часть его кредитовали розничным торговцам. Создавалась двух-трех-четырехступенчатая взаимосвязь торговцев при расчетах за один и тот же товар. Чтобы собрать все деньги, требовалось не менее года. Ясно, что московские фабриканты устанавливали деловые отношения с оптовыми сибирскими фирмами, которые располагали большими оборотными средствами и пользовались прочным доверием в кредитоспособности среди торгово-промышленных кругов. Поэтому в каждом округе выделялось несколько оптовых торговцев, закупавших промышленные товары крупными партиями. Оптовый торговец, отмечалось в губернаторском отчете Забайкальской области за 1880 г., брал товар на Нижегородской ярмарке под 6%, отпускал под 12%, взявший его, передавал следующему уже под 18% и т.д.[54] С учетом транспортных расходов и стоимости кредита первоначальная цена за товар удваивалась перед тем, как попасть к потребителю в Сибири.

Поставляя сельскохозяйственное сырье и дары леса по дешевой цене, Сибирь не могла окупить ими дорогие фабричные товары. Для нее торговля с Европейской Россией всегда сводилась с большим дефицитом. Вывоз свободных денег лишал Сибирь капиталов, необходимых для промышленного развития края. Вследствие этого усиливалась исторически сложившаяся промышленная отсталость восточной окраины страны. Она продолжала выполнять роль аграрно-сырьевого придатка промышленных центров Европейской России.

---

1. История Сибири. Т.3. Л.. С.57-71.
2. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX - начало XX вв. Новосибирск. 1967. Гл.3,4. С.138-211; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С.297-380.
3. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. С.6.
4. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области), ф.12, оп.1 д.427, л.3.
5. Овсянников Н.Н. Об отношении сибирского транзита к Нижнему Новгороду. (В защиту южного направления Урало-Сибирской железной дороги): Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1871. Т.IУ.С.57.
6. Овсянников Н.Н. Об отношении сибирского транзита... С.62.

7. Труды статистического отделения департамента таможенных сборов: Статистические сведения о торговле с Китаем. СПб., 1909.С.12.
8. ЦГИА, ф.1265, оп.10, д.112, л.17.
9. Безобразов В.П. Народное хозяйство России. СПб., 1880. С.250.
10. Труды статистического отделения департамента... С.13.
11. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1896. С.230.
12. Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по министерству финансов. 1885. Т.2, № 16. С.176.
13. ЦГИА, ф.1290, оп.2, д.975, л.20.
14. ЦГИА, ф.1284, оп.69, д.405, л.7.
15. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие... С.452.
16. Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. С.17.
17. ЦГИА, ф.1290, оп.4, д.32, л.5об.
18. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 год. Томск, 1895. С.179.
19. Шостакович Б. О торговом значении города Иркутска в последние 17 лет// Известия Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Иркутск, 1891. Т.XXII. № 1.С.8.
20. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды/ Под ред. С.Мельника. СПб.. 1906. С.238-239.
21. ЦГИА, ф.1290, оп.2, д.975, л.22.
22. Вестник финансов, промышленности и торговли... 1898. Т.1,1, № 13. С.835.
23. Вестник финансов, промышленности... 1898. Т.1. № 13. С.834.
24. Вестник финансов промышленности... 1898. Т.1. № 9. С.572.
25. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, СПб., 1892. С.364.
26. Там же, С.362.
27. Материалы для торгово-промышленной статистики. Статистические результаты раскладочного и трехпроцентного сборов за 1887 год. СПб., 1889. С.271; Материалы для торгово-промышленной статистики... за 1896, 1897 и 1898 годы по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей, подлежащих сим сборам. СПб., 1900. С.132.
28. Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914.С.30.
29. Военно-статистический сборник/ Под ред. Н.Н.Обручева, 1871. Вып.IУ. С.663; Вестник финансов, промышленности и торговли...

1898. Т.1. § 13. С.838,839.
30. Там же.
31. Вестник финансов, промышленности и торговли... 1898. Т.1. № 13. С.835,839.
32. ГАНО, ф.12, оп.1, д.427, л .2,3.
33. Вестник финансов, промышленности и торговли... 1895. Т.3. № 33. С.299.
34. Там же. 1894. Т.2. № 19. С.1158.
35. Там же. 1898. Т.1. № 13. С.841.
36. Вестник финансов, промышленности и торговли... 1897. Т.3. № 37. С.430.
37. Вестник финансов и промышленности... 1895. Т.3. № 33. С.299.
38. Там же. С.300.
39. Овсянников Н.Н. Об отношении сибирского транзита... С.48.
40. Сибирский вестник. 1885. № 2. С.9.
41. Семейная хроника Крестовниковых. Кн. I М., 1903.С.44; Родзевич А.И. Хлебный район западносибирской и среднесибирской железных дорог. М., 1893. С.19.
42. Вестник финансов, промышленности... 1897. Т.3. № 37.С.428.
43. Субботин А.П. Материалы для экономического изучения России. Торговые сообщения Восточной России и Сибири. СПб., 1885. С.55.
44. Томские губернские ведомости. 1882. 25 ноября.
45. Субботин А.П. Материалы для экономического изучения... С.55.
46. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк. СПб., 1903. С.402.
47. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 год. Томск, 1894. С.115.
48. ЦГИА, ф.499, оп.7, д.10, л .140,141.
49. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С.146.
50. Овсянников Н.Н. Об отношении сибирского транзита... С.61-62.
51. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем... С.399.
52. Сибирь и великая сибирская железная дорога. СПб., 1896. С.236.
53. ЦГИА, ф.1284, оп.70, д.447, л.21.

Н.М.ДМИТРИЕНКО

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СИБИРСКОГО ГОРОДА ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА (на материалах Томска)

Рост городского индустриального населения В.И. Ленин не раз называл наиболее рельефным проявлением, самым наглядным выражением развития капитализма в России[1]. Однако до сих пор проблемы формирования и развития городского населения страны периода капитализма остаются малоизученными[2]. Это относится и к Сибири. Данные о росте численности населения, некоторые сведения о естественном движении в городах Сибири присутствуют в отдельных работах дореволюционных и советских авторов[3]. Но чаще всего названные вопросы освещались без выделения конкретных крупных городов края, обобщенно, отрывочно и неполно.

В данной статье ставится задача показать рост численности населения наиболее крупных городов Сибири, а на материалах Томска - выяснить источники этого роста, выявить динамику естественного движения городского населения, общее и особенное в демографическом развитии Томска. Хронологические рамки работы охватывают период капитализма - 1861-1917 гг.

Источниковой основой статьи послужили документы губернской статистики о численности и движении городского населения. Первоосновой их составили сведения церковнослужителей, обязанных регистрировать факты рождения и смерти горожан. Эти данные извлечены из архивов (фонды Совета министра и Департамента общих дел МВД в ЦГИА СССР, губернского статистического комитета в ГАТО). Часть их публиковалась в обзорах губернии, в местных газетах. Отсутствие сведений по Томску за некоторые годы не могло существенно изменить общую динамику естественного движения, средние показатели его за длительный период времени. По справедливому мнению исследователей, использовавших аналогичные материалы, качество их улучшается, поскольку "в анализ вводятся относительные величины (коэффициенты естественного прироста)"[4].

Другим важным видом источника данной работы являются демографические переписи. В дореволюционном Томске было проведено четыре такие переписи: три однодневные городские 1866, 1880, 1912 гг. и Всероссийская перепись 1897 г. По рассматриваемому кругу вопросов в материалах переписей - сведения об общей численности городского населения, половом и возрастном составе. Перепись 1897 г. позволяет проследить географию пришлого населения города. Исследо-

ватели неоднократно отмечали достаточно высокую степень достоверности данных демографических переписей.

С развитием капитализма население все больше сосредоточивалось в городах. По подсчетам В.И.Ленина, численность городского населения Европейской России увеличилась за 1863-1897 гг. на 97%, тогда как сельского - на 48,5%. При этом число крупных городов (50 и более тысяч жителей) утроилось, а доля их населения в числе горожан возросла с 27 до 53%[5]. Опережающими темпами росло городское население Сибири, численность которого увеличилась за 1867-1897 гг. вдвое, в то время как сельского - в 1,7 раза. Эта тенденция усилилась в начале XXв., когда число городских жителей Сибири возросло за 1897-1917 гг. в 2,8 раза, сельских - в 1,7 раза (табл.1). Аналогичные показатели по Европейской России составляли 1,8 и 1,2 . Если в 1860-е гг. в Сибири не было ни одного города с населением 50 тыс. человек, то переписью 1897 г. зарегистрировано два таких города, а к 1917 г. их стало семь. К этому времени они концентрировали почти 2/3 городского населения края[6]. Приведенные данные опровергают ошибочный тезис В.В.Покшишевского о медленном росте городского населения Сибири в период капитализма[7].

Одним из самых крупных и быстрорастущих городов не только Сибири, но и всей страны являлся Томск. В середине 1860-х гг. численность его населения (19,7 тыс. чел.) была меньше, чем в Омске, Иркутске, Тобольске. Однако в пореформенное тридцатилетие Тобольск практически не вырос, количество жителей Омска увеличилось в 1,4 раза, Иркутска - в 2 раза, тогда как Томска - в 2,6 раза (табл.1). К 1897 г. г. Томск стал самым населенным городом Сибири. В ряду 52 наиболее крупных городов страны, по подсчетам А.Г.Рашина, Томск занимал 49 место[8]. Темпы роста населения Томска в 1860-90-х гг. были выше, чем в Москве, Петербурге, Саратове. В Сибири Томск уступал по темпам роста лишь Чите и Красноярску, которые на начальную дату - 1860-е гг. - имели небольшое население. В начале XX в. быстрее других в Сибири росли Новониколаевск, число жителей которого за 1897-1917 гг. увеличилось в 8,9 раза, Чита, где увеличение составило 6,4 раза, и Омск - 3 раза. Население Томска возросло в тот период в 1,9 раза и достигло к 1917 г. 101,1 тыс. чел. (табл. 1). В списке 29 крупнейших городов страны (100 и более тыс. жителей), составленном А.Г.Рашиным на 1914 г., Томск занимал по численности населения 22-е место, а по темпам роста - 3-е место, уступая Омску и Иваново-Вознесенску[9].

Таблица I

Рост населения городов Сибири
в период капитализма /в тыс.чел./

Города	Середина 1860-х годов*	1897 г.	1917 г.	Во сколько раз увеличилось население		
				с 1860-х к 1897г.	с 1897 к 1917	с 1860х к 1917
Омск	26,7	37,4	113,7	1,4	8,0	4,3
Томск	19,8	52,2	101,1	2,6	1,9	5,1
Иркутск	25,2	51,5	90,4	2,0	1,8	3,6
Чита	4,0	11,5	73,1	2,9	6,4	18,1
Красноярск	8,8	26,7	70,8	3,0	2,6	8,0
Новониколаевск	-	7,8	69,8	-	8,9	-
Барнаул	12,9	21,1	56,0	1,6	2,7	4,3
Все города Сибири	244,5	496,6	1427,8	2,0	2,8	5,8
Сельское население Сибири	3083,2	5270,0	8790,6	1,7	1,7	2,9
Городское население Европейской России	6543,4	12064,8	21283,1	1,8	1,8	3,6

* Данные по Красноярску за 1861 г., Иркутску - 1864 г., Томску и Барнаулу - 1866 г., остальным - 1867 г.

Источники подсчета: ТФ ГАТО,ф.152,оп.35,д.226,л.6; Томские губернские ведомости .1867. 28 апр.; 1868. 15 март.; Первая всеобщая перепись.... вып.5. Спб.,1906.С.86-87; Латкин Н.В. Енисейская губерния... С.116; Иркутская летопись. 1857-1880// Сост. Н.С. Романов. Иркутск,1914.С.167; Петров А.И. Рост городов Сибирского края // Статистический бюллетень Сибирского краевого статистического отдела. 1927. № 9-10.С.36; Документы о численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции //Исторический архив.1962. № 5. С.70-71; Рашин А.Г. Население России... С.88.

Причины стягивания населения в крупные города в период становления капитализма на примере Англии объяснил Ф.Энгельс. Он писал: "Население так же централизуется, как и капитал... Чем больше город, тем выгоднее в нем обосноваться: тут и железная дорога, и каналы и шоссе; выбор обученных рабочих становится все больше... Тут есть непосредственная связь с рынками сырья и сбыта готовых товаров. Этим обусловливается поразительно быстрый рост больших фабричных городов... Централизация населения идет тем же путем и в торговле..."[10] Подобное происходило и в России.

Увеличение численности городского населения осуществлялось за счет естественного движения и миграций. Динамический ряд данных о рождаемости, смертности и естественном приросте или убыли населения Томска в расчете на тысячу жителей выявил следующую закономерность. В Томске была высокая рождаемость, коэффициент которой в 1861-1895 гг. равнялся в среднем 45,8‰, в 1896-1915 гг. - 43‰ (табл. 2). В городах Енисейской губернии этот показатель за 1861-1895 гг. составлял 46,6‰, за 1896-1915 гг. - 45‰.[11] В Петербурге коэффициент рождаемости равнялся в указанные периоды соответственно 31,8‰ и 29,4‰. В городах Европейской России на тысячу жителей приходилось 45,9 рождений в 1859-1863 гг. и 33,9 - в 1909-1913 гг.[12] Более высокая рождаемость в сибирских городах объяснялась во многом притоком массы людей в молодом работоспособном, а следовательно, и детородном возрасте.

Высокому уровню рождаемости в Томске, который, как и везде, имел тенденцию к понижению, соответствовали и высокие показатели смертности. Им способствовали также низкий уровень жизни значительного большинства горожан, малоудовлетворительная санитарно-гигиеническая обстановка в городе. Так, в результате эпидемии холеры в 1892 г. в Томске умерло, по сведениям врача П.П.Еланцева, 965 человек[13], а коэффициент смертности достиг максимального значения - 73‰. Средний показатель смертности в Томске в 1861-1895 гг.-51,8‰, в 1896-1915 гг. - 36,7‰. Примерно такой же была смертность в городах Енисейской губернии, соответственно 51,5‰ и 38,6‰. В Петербурге за те же промежутки времени коэффициент смертности равнялся 33,3‰ и 24,6‰, в городах Европейской России - 38,6‰ в 1859-1863 гг., 25,4‰ - в 1909-1912 гг.[14]

В первое пореформенное десятилетие (1861, 1865, 1866 гг.) рождаемость в Томске превышала смертность. Затем в течение длительного времени (1870-1895 гг.), за исключением 1876, 1877 гг., смерт-

ность в городе была выше рождаемости. Вследствие этого средний коэффициент естественной убыли населения составил за 1861-1895 гг. 6‰ (табл. 2).

Превышение смертности над рождаемостью наблюдалось в последней трети XIX в. во многих городах страны. Так, в городах Енисейской губернии коэффициент убыли равнялся 4,9‰, в Петербурге в течение 1861-1885 гг. смертность превышала рождаемость, коэффициент естественной убыли составлял 3,7‰.

Качественный скачок в городской демографии произошел в конце XIX в. Естественный прирост населения стал наблюдаться в Петербурге с 1886 г., в Томске, а также в городах Енисейской губернии с 1896 г. Естественная убыль населения Томска сменилась приростом, исключая военные 1905 и 1915 гг. Средний коэффициент естественного прироста томского населения составил в 1896-1915 гг. 6,3‰ (табл. 2). Почти таким же в начале XX в. был естественный прирост в городах Восточной Сибири (6,4‰), несколько ниже в Петербурге (4,8‰). Более высокий показатель естественного прироста (9,2‰ в 1909-1913 гг.) наблюдался в городах Европейской России. В целом средний коэффициент естественного движения населения Томска за весь исследуемый период (1861-1915 гг.) имел отрицательное значение -1‰, несколько выше он был в городах Енисейской губернии +0,4‰ и в Петербурге +0,9‰[15].

Данные о низком, а в Томске и отрицательном, коэффициенте естественного прироста населения в городах страны означали, что высокие темпы их роста осуществлялись преимущественно за счет миграции. Этот путь формирования населения был характерен для большинства российских городов. При этом, чем крупнее и значительнее по своей экономической и культурной роли был город, тем выше был процент пришлого населения[16].

Известно, что наряду с вольным переселением определенное значение в формировании сибирского населения имела ссылка. Доля ссыльных в некоторых городах достигла внушительных размеров, например, в Каинске и Мариинске в 1890-е гг. - до трети всех жителей[17]. Непосредственная ссылка в Томск регламентировалась запрещением водворения ссыльных в губернские города. С основанием здесь университета контроль за соблюдением запрета усилился[18]. Ссыльные не оказывали большого влияния на формирование населения Томска. По официальным данным, они составляли, например, в начале 1890-х гг. всего 0,5% его жителей[19].

Таблица 2

Показатели естественного движения населения Томска в 1861-1915 гг. /в расчете на 1000 жителей, в ‰/

Годы	Рождаемость	Смертность	Прирост/-/убыль/+/	Годы	Рождаемость	Смертность	Прирост/-/убыль/+/
1861	56,0	54,0	+2,0	1894	36,9	45,4	-8,5
1864	52,0	41,6	+10,5	1895	34,9	38,1	-3,2
1866	48,7	48,4	+0,3	1861-1895	45,8	51,8	-6,0
1869	39,0	46,3	-7,2	1896	50,2	42,5	+7,7
1870	40,2	56,4	-16,1	1897	49,1	46,0	+3,1
1871	41,6	48,7	-7,2	1898	49,3	45,3	+3,9
1872	46,8	56,6	-9,7	1899	51,2	38,2	+13,0
1873	47,5	56,1	-8,7	1900	54,3	43,2	+11,1
1874	47,5	61,9	-14,4	1901	50,7	38,7	+12,2
1875	54,5	53,2	+1,3	1902	44,0	36,0	+8,0
1876	49,9	48,3	+1,6	1904	30,9	29,3	+1,6
1877	48,3	57,4	-9,1	1905	23,5	28,7	-5,2
1878	46,7	57,2	-10,5	1906	44,1	37,8	+6,4
1879	45,2	49,0	-3,8	1907	46,9	35,6	+11,2
1880	48,1	57,0	-8,9	1908	44,9	30,0	+14,8
1881	41,3	41,9	-0,7	1909	43,5	36,4	+7,0
1882	56,2	60,9	-4,7	1910	43,7	35,7	+8,0
1883	57,1	60,8	-3,7	1911	32,8	32,6	+0,2
1884	48,6	49.4	-0,8	1912	44,6	31,7	+12,9
1885	46,0	47,1	-1,1	1913	38,3	33,0	+5,3
1886	42,6	51,4	-8,8	1914	38,2	30,5	+7,7
1889	48,5	58,3	-9,7	1915	37,6	46,1	-8,5
1890	46,1	49,6	-3,4	1896-1915	43,0	36,7	+,6/
1891	35,6	42,0	-6,4	1861-1915	44,6	45,6	-1,0
1892	41,6	73,0	-31,4				
1893	34,6	39,3	-4,7				

Источники подсчета: ЦГИА СССР.ф.1265,оп.11,1862г.,д.131,л.92; ф.1281,оп.7,1865г.,д.90,л.127; ф.1284,оп.69,д.409,л.107-108;оп.70, д.361,л.64-65; ГАТО,ф.234,оп.1,д.13,л.4,116,211,239; д.23,л.4,28, 114,208; д.18,л.4-42; Томские губернские ведомости. 1875.1 февр; Сибирская газета .1881. 22 март.; Сибирский вестник.1903.2сент.; Утро Сибири.1915.9 апр.; Врачебно-санитарная хроника г.Томска. 1907.№ 2.С.64-66; 1908.№ 9.С.451-452; 1911.№ 3-4.С.134-135; № 5. С.194-196,240-242; 1912.№ 7-8.С.367; 1913.№ 5-7.С.392-394; 1914. № 1-2.С.74; 1916.№ 1-2.С.77; Обзор Томской губернии за 1879-1885. 1889-1891, 1892-1895,1904,1905 гг. Томск, 1880-1907.Вып.3; Мультановский П.М. О цене на воду. С.4; Малиновский И.А.Прошлое Томска. С.7.

Материалы переписи 1897 г., сведенные в табл. 3, показали, что население российских городов почти наполовину складывалось из пришлых, причем третья часть горожан являлась уроженцами других губерний. Среди населения сибирских городов доля неместных уроженцев повышалась до 60%, в их числе доля уроженцев других губерний – до 40%. Менее трети жителей Томска (32,2%) представляли местные уроженцы, доля выходцев из других уездов Томской губернии равнялась 17,3%, уроженцы других губерний составляли здесь 50% жителей. Среди местных уроженцев в городах, в том числе и в Томске, преобладали женщины, среди пришлых было больше мужчин.

Значительной была миграция в Томск и в начале XX в. Число жителей города увеличилось за 1897-1915 гг., по данным табл. 2, на 52983 человека. Естественная прибыль населения составила за те же годы 8780 человек, а с учетом неполноты источниковых данных не менее 9 тыс. человек. Разница этих двух показателей составляла величину миграции, которая равнялась в среднем примерно 2,3 тыс. чел. в год.

Формирование города преимущественно за счет механического притока оказывало сильное влияние на половозрастную структуру его населения. В ней преобладала группа жителей наиболее трудоспособного возраста (16-40 лет). При этом среди женского населения Томска выделялась в процентном отношении группа в возрасте 16-30 лет, среди мужского - в возрасте 21-30 лет. Сравнительно высокий удельный вес детей до 5 лет, имевший тенденцию к повышению в начале XX в., отражал высокие показатели рождаемости в Томске, постепенное снижение смертности. Уменьшался на протяжении исследуемого периода процент жителей старшего возраста (табл. 4).

В Томске, как и в других крупных городах страны, мужское население преобладало над женским. Такое преобладание обусловливалось формированием индустриального населения за счет миграций, а также сосредоточением в городах высших учебных заведений, воинских подразделений, тюрем. Выравнивание половой структуры быстрее происходило в крупных городах. Если в 1866 г. на тысячу жителей мужского пола в Томске приходилось 754 жителя женского пола, в других городах Сибири - 781, в российских городах - 863, то к 1897 г. число женщин на тысячу мужчин увеличилось в Томске до 933, в городах Сибири оно уменьшилось в среднем до 754, в городах страны составляло - 879. По переписи 1912 г. в Томске приходилось 945 женщин на тысячу мужчин, в российских городах в 1914 г. - 933.

Таблица 3

Распределение городского населения России по полу и месту рождения в 1897 г./тис. чел./

Группы населения	50 губерний Европейской России					
	муж.		жен.		об.п.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Уроженцы того же уезда, где живут	2971,5	47,1	3315,9	57,9	6287,4	52,2
Других уездов той же губернии	1072,8	17,0	960,8	16,8	2033,6	16,9
Уроженцы других губерний	2230,0	35,3	1415,3	24,7	3645,3	30,2
Других государств	46,7	0,7	36,3	0,6	83,0	0,7
Всего	6321,0	100,0	5728,3	100	12049,3	100,0

Таблица 3/продолжение/

Сибирь с Дальним Востоком						В том числе Томск					
муж.		жен.		об.п.		муж.		жен.		об.п.	
абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
96,1	35,0	106,3	50,3	202,4	41,6	7,9	29,2	8,9	35,3	16,8	32,2
33,3	12,1	31,8	15,0	65,1	13,4	4,3	15,9	4,7	18,6	9,0	17,3
123,6	45,1	71,8	33,9	195,4	40,2	14,7	54,4	11,5	45,6	26,2	50,2
21,4	7,8	1,6	0,9	23,0	4,8	0,06	0,2	0,04	0,15	0,1	0,2
274,4	100	211,4	100	485,9	100	27,0	100	25,2	100	52,2	100

Источники подсчета: Первая Всеобщая перепись...,Томская губерния. С.30; Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С.130.

Таблица 4

Половозрастной состав населения Томска в 1880-1912 гг.

Группы населения, лет	1880 г.						
	муж.		жен.		об.п.		на 1 тысячу мужчин приходилось женщин
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
0-5	1596	8,8	1526	9,7	3122	9,2	956
6-10	1320	7,3	1225	7,6	2545	7,5	928
11-15	1354	7,5	1313	8,3	2667	7,9	970
16-20	1598	8,9	1683	10,7	3281	9,7	1053
21-25	2507	13,9	1542	9,8	4049	12,0	615
26-30	1440	8,0	1528	9,7	2968	8,9	1061
31-35	1543	8,6	1224	7,7	2767	8,2	793
36-40	1576	8,7	1243	7,9	2819	8,3	789
41-45	1238	6,9	1064	6,7	2302	6,8	859
46-50	1042	5,7	870	5,5	1912	5,7	835
51-60	1506	8,3	1312	8,3	2818	8,3	871
61 и более	1316	7,3	1268	8,0	2584	7,6	964
Всего	18036	100,0	15798	100,0	33834	100,0	876

Таблица 4 /продолжение/

Группы населения, лет	1897 г.						
	муж.		жен.		об.п.		на 1 тысячу мужчин приходилось женщин
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
0-5	3063	11,3	3071	12,2	6134	11,7	1002
6-10	2012	7,5	2187	8,7	4199	8,0	1087
11-15	2401	8,9	2589	10,3	4990	9,6	1078
16-20	2657	9,8	2792	11,0	5449	10,4	1051
21-25	3306	12,2	2436	9,7	5742	11,0	737
26-30	2677	9,9	2305	9,1	4982	9,5	861
31-35	2173	8,0	1817	7,2	3990	7,6	836
36-40	2416	8,9	2149	8,5	4565	8,7	889
41-45	1620	6,0	1889	5,4	2989	5,7	845
46-50	1379	5,1	1249	5,0	2628	5,0	906
51-60	1905	7,0	1805	7,2	3710	7,1	948
61 и более	1397	5,2	1485	5,7	2832	5,4	1027
Всего	27006	100,0	25204	100,0	52210	100,0	933

Таблица 4 /продолжение/

Группы населения, лет	1912 г.						
	муж.		жен.		об.п.		на 1 тысячу мужчин приходилось женщин
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
0-5	5789	11,7	5754	12,4	11543	12,0	994
6-10	3941	8,0	4032	8,7	7973	8,3	1023
11-15	4399	8,9	4819	10,3	9218	9,6	1095
16-20	4597	9,3	5704	12,2	10301	10,7	1240
21-25	6850	13,9	5115	11,0	11965	12,5	747
26-30	6181	12,5	4822	10,3	11003	11,5	780
31-35	4057	8,2	3184	6,8	7241	7,6	760
36-40	3446	7,0	3147	6,8	6593	6,8	910
41-45	2509	5,1	2107	4,5	4616	4,8	839
46-50	2260	4,6	2208	4,7	4468	4,7	977
51-60	2989	6,0	2976	6,4	5965	6,2	995
61 и более	2264	4,6	2723	5,8	4987	5,2	1203
Всего	49282	100,0	46591	100,0	95863	100,0	945

Источники подсчета: Костров Н. Однодневная перепись... с.32; Мультановский П.М. Население г.Томска... С.80-81; Первая всеобщая перепись... Томская губерния. С.14-15.

К 1917 г. численность женского населения в Томске превысила численность мужского (1023 женщины на тысячу мужчин), что во многом объяснялось условиями военного времени[20]. В Омске в конце 1916 г. женское население превышало мужское на 21,6%, в Киеве в 1917 г.- на 23,6%[21].

Из табл. 4 видно, что выравнивание половой структуры населения в Томске наиболее интенсивно происходило в двух возрастных группах: среди детей и стариков. Диспропорция в соотношении численности мужчин и женщин достигала максимума в группах трудоспособного возраста. Однако и тут она имела тенденцию к понижению. Постепенное сглаживание половой диспропорции населения, возрастание удельного веса младших возрастов в массе горожан говорило о закреплении пришлых в городе, создавало более благоприятные условия для формирования классовой структуры города, в частности, для формирования пролетариата.

Демографическое развитие Томска в эпоху капитализма имело общие для российских городов черты: быстрый рост населения, главным образом, за счет пришлых, диспропорция половозрастного состава. Особенность Томска как сибирского города составляли высокие показатели рождаемости и смертности, более низкий, чем в городах Европейской России, естественный прирост. Тенденция к преодолению половой и возрастной диспропорции населения, понижение коэффициента смертности и рождаемости, повышение естественного прироста свидетельствовали об определенной стабилизации процесса складывания городского населения в конце XIX - начале XX вв., об усилении капиталистического освоения края. Процесс этот отражал экономическое развитие Томска и, в свою очередь, оказывал влияние на формирование его социальной структуры.

---

1. См.Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.2. С.220; Т.3. С.558.
2. См.: Яцунский В.К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки // История СССР. 1959. № 3. С.26-27; Шелестов Д.К. Советская историческая демография на современном этапе. (Некоторые итоги и задачи изучения) // История СССР. 1982. № 4. С.92-94; Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863-1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С.51-52.
3. См.: Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, б.г.. С.117; Путинцев Н.Д. Статистический

очерк Томской губернии. Самара, 1982. С.134; Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. С.22; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). М., 1956. 363 с.; Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1959. С.146; Горюшкин Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976. С.75-89.

4. См.: Пронин В.И. Указ.соч. С.63.

5. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.559-560.

6. Источники указаны в табл. 1.

7. См.: Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С.60.

8. См.: Рашин А.Г. Население России... С.107.

9. См.: Рашин А.Г. Население России. С.93.

10. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С.261-262.

11. См.: Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края... С.18-20.

12. См.: Рашин А.Г. Население России... С.234, 245.

13. См.: Еланцев П.П. Обзор холерной эпидемии Томской губернии в 1892 году // Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Томск, 1894. С.46.

14. См.: Рашин А.Г. Население России... С.234; Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. С.13-20.

15. Там же.

16. См.: Рашин А.Г. Население России... С.132-134.

17. См.: Путинцев Н.Д. Статистический очерк... С.16.

18. ЦГИА СССР, ф.1284, оп.223, д.188, л.9; ГАТО, ф.3, оп.4, д.1738 л.1.

19. См.: Путинцев Н.Д. Статистический очерк... С.15.

20. Источники те же, что и в табл 1.

21. См.: Омский телеграф. 1916. 28 окт.; Биск И.С. К вопросу о социальном составе населения Киева. Киев, 1920. С.3.

Б.К.АНДРОЩЕНКО

ФОРМИРОВАНИЕ В СИБИРИ КАДРОВ ПОСТОЯННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ. 60-90-е гг. XIX в.

В советской исторической науке вопрос о формировании промышленного пролетариата разработан достаточно основательно как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане. В многочисленных исследованиях доказано наличие слоя постоянных рабочих в промышленности европейской части страны уже в 70-90-е гг. XIX в.[1] Применительно к рабочим сибирской обрабатывающей промышленности пореформенного периода проблема формирования постоянных кадров пролетариата в советской историографии практически не ставилась[2]. Исключение составляет монография "Рабочий класс Сибири в доктябрьский период" (Новосибирск, 1982), где наряду с общей характеристикой промышленных рабочих имеются фрагментарные сведения о рабочих обрабатывающей отрасли.

Цель настоящей статьи - доказать на основе привлечения широкого круга источников, что на крупных капиталистических предприятиях (так называемых "фабрично-заводских") так же,как и в индустриально-развитых центрах России, формировались кадры постоянных рабочих, происходил процесс их закрепления в сфере промышленного производства.

Исследователь, рассматривая этот вопрос относительно постоянных рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири, не может опираться на однородные статистические материалы. Здесь в пореформенный период не было органов земской статистики и фабрично-заводской инспекции. В губернаторских отчетах и губернских обзорах промышленная отчетность касалась лишь трех показателей: числа предприятий, суммы производства и численности работающих. Вместе с тем в периодической печати, отдельных сборниках статей имеются фрагментарные описания современниками промышленных предприятий, быта и условий труда рабочих. В сибирских архивах сохранились разрозненные "ведомости о фабриках и заводах", информация которых о составе рабочей силы была подробна. Имеются списки рабочих за разные годы в фондах отдельных предприятий. Таким образом, при учете самых разнообразных источников существует возможность исследования данной темы.

Формирование постоянных рабочих кадров в промышленности явилось прямым следствием промышленного переворота. В.И.Ленин неоднократ-

но подчеркивал, что "...важнейшая причина, заставляющая фабричных рабочих прерывать связь с землей, это - переход ручного производства в механическое", "что фабрика создает класс фабричных рабочих"[3].

В сибирской обрабатывающей промышленности к середине 90-х гг. XIX в. насчитывалось 88 предприятий фабричного типа. Более половины из них относились к винокуренной и мукомольной промышленности[4]. Ряд механических производств был в суконноткацкой, металлообрабатывающей, кожевенной и других отраслях. Многие сибирские предприятия насчитывали не один десяток лет со времени основания, что свидетельствовало о возможности образования здесь группы рабочих, чей трудовой стаж был бы достаточно продолжительным. Так, из 509 предприятий (по данным на 1893-1894 гг.), расположенных на территории региона, 262 (51,5%) возникли до 1861 г. и за первые два пореформенных десятилетия[5]. Также существовали и производства с относительно сложной технологией (стекольные, суконноткацкие и т.д.) Подобных предприятий насчитывалось на 1895 г. около 100, что составляло примерно одну треть всех фабрик и капиталистических мануфактур Сибири[6]. Здесь требовались рабочие не только с навыками промышленного труда, но и имеющие соответствующую специальность и квалификацию.

Важным показателем закрепления рабочих в промышленности была, по мнению В.И.Ленина, продолжительность работы предприятий в течение года. Причем с увеличением размеров производства удлинялся и рабочий цикл, а следовательно, и занятость рабочих на предприятиях[7]. Источники по обрабатывающей промышленности Сибири дают мало сведений такого рода. Тем не менее они показывают, что винокуренные заводы работали, как правило, в течение года 8-10 месяцев, спичечные фабрики, пивоваренные и часть кожевенных заводов - круглый год[8].

Таким образом, наличие в Сибири в пореформенный период предприятий фабричного типа с относительно сложной технологией и достаточно продолжительным рабочим периодом создавало, хотя и узкую, но реальную материальную базу для формирования постоянных рабочих кадров.

После реформы 1861 г. на рынке труда в Сибири сложились своеобразные условия для формирования постоянных рабочих кадров. Растущая капиталистическая промышленность региона нуждалась в квалифицированной рабочей силе, дефицит которой не всегда могли вос-

полнить местные кадры рабочих. Сибирские предприниматели шли на заведомо значительные расходы (провоз, высокая заработная плата и прочее обеспечение), выписывая на свои предприятий квалифицированных рабочих из Европейской России[9]. Можно привести целый ряд подобных примеров. В 1869 г. с открытием фарфоро - фаянсовой фабрики Перевалова было нанято в России 10 мастеров, в 1872 г. - 12 токарей и расточников[10]. На Тальцинской суконноткацкой фабрике работали мастера из Петербурга и Риги[11]. Владелец такой же фабрики в Томской губернии выписал около 100 рабочих-ткачей (мужчин и женщин)[12]. На судостроительном заводе Зардроппера (Тюмень) работали мастера с разных заводов Пермской губернии[13]. Стекольный завод Платонова (Бийский округ Томской губернии) имел мастеров из Владимирской губернии[14]. Следует подчеркнуть, что среди квалифицированных рабочих были и местные кадры. Так, на том же заводе Платонова работали мастера со стекольных заводов Исаева (Томская губерния) и Гусева (Енисейская губерния)[15]. Из так называемой школы пароходчика Колчина на Жабынском заводе "выходили" механики, машинисты, слесари[16]. На частных мануфактурах и фабриках в первые пореформенные годы устраивались бывшие мастеровые Тельминской и Тальцинской фабрик, горнозаводских кабинетских предприятий.

Наряду с постоянным дефицитом специалистов на предприятиях обрабатывающей промышленности в определенные периоды времени и в различных районах Сибири ощущалась нехватка неквалифицированной рабочей силы. Сказывалось прежде всего влияние золотопромышленности, сезонных сельскохозяйственных работ, где заработки были выше, а также социальная неустойчивость контингента ссыльнопоселенцев, бывших в Сибири одним из основных источников рабочих кадров в промышленности. Отчасти, поэтому на некоторых сибирских предприятиях использовался в 60-80-е гг. XIX в. труд ссыльнокаторжных, вплоть до запрещения в 1882 г. главным тюремным управлением их отпуска на заводы[17].

Одним из показателей закрепления постоянных кадров служит уровень профессиональной квалификации. В целом квалифицированные рабочие в сибирской обрабатывающей промышленности составляли менее половины всех занятых. Однако в ряде производств их доля была достаточно высока (от 40 до 80% на предприятиях со сложной технологией). Причем на некоторых предприятиях (например, Хайтинской фарфоро-фаянсовой фабрике) обнаружилась, судя по источникам, устойчивая тенденция к росту этой категории рабочих[18]. В разрозненных "ведомостях о фабриках и заводах", представляющих собой карточные сведения об

отдельных предприятиях, зафиксирована категория постоянных и годовых рабочих. В зависимости от технической оснащенности предприятий, сложности технологии удельный вес этих рабочих в 70-90-е гг. XIX в. колебался от 25 до 85,7%[19]. Конечно, нельзя утверждать, что данная группа рабочих представляла сформированный слой постоянных кадров. Однако эти сведения позволяют говорить о необходимости для предприятий иметь стабильный состав рабочих в течение года. Приведенные материалы свидетельствуют не только о потребностях капиталистически развитых предприятий обрабатывающей промышленности в постоянных рабочих кадрах, но и о создавшихся потенциальных возможностях их закрепления. Квалифицированный рабочий, получая сравнительно высокую заработную плату в течение года, старался не потерять рабочее место.

Основными критериями формирования постоянных рабочих кадров являются производственный стаж рабочих и потеря ими хозяйственной связи с землей. О стаже промышленных рабочих в Сибири дают сведения немногие источники, причем они носят, как правило, случайный характер. Так, в прошении о желании купить у Кабинета Чалбучинский кожевенный завод в Нерчинском горном округе пятеро его бывших мастеровых писали, что они "с малолетства занимались кожевенным мастерством и никакого другого мастерства не знают"[20]. В жалобе на притеснение со стороны администрации рабочие Новоалександровского винокуренного завода (Забайкальская область) отмечали, что многие из них около 30 лет проживали... на заводе... обзавелись семьями и "домообзаводством"[21]. О рабочих одного из кожевенных заводов Тобольской губернии говорится, что некоторые работали на нем по 6-8 лет[22].

Сопоставление поименных списков рабочих Леонидовского и Яковлевского винокуренных заводов (Восточная Сибирь) за разные годы дает возможность выделить категорию лиц, проработавших на производстве не менее 5 лет. На одном заводе таких рабочих на 1892-1893 гг. насчитывалось более половины (64,1%), на другом (в 1878-1879 гг.) - не менее 10%[23]. Значительная разница в цифрах объясняется тем, что в первом случае подсчет велся от числа рабочих, занятых на основном производстве; во втором - от количества всех рабочих, в том числе и вспомогательных. В конечном счете здесь не так важна величина показателей. Принципиальное значение имеет наличие слоя постоянных рабочих кадров, подтвержденное статистическим материалом.

О складывании постоянных рабочих кадров в обрабатывающей про-

мышленности Сибири свидетельствовали и фрагментарные сведения о преемственности промышленного труда, т.е. о существовании потомственных рабочих кадров. Исследователь промышленности Алтая С.П.Швецов писал, что рабочие Ивановского стекольного завода были уже третьим и даже четвертым поколением стекольных мастеров, "...это чистокровные представители того самого заводского пролетариата, наличие которого у нас не всегда признается"[24]. В газете "Сибирь" за 23 января 1877 г. описывались условия труда ткачей Тельминской фабрики, "подле которых сидят их малолетние дети (обыкновенные девочки) и наматывают шпульки". На Никольской суконноткацкой фабрике (Тобольская губерния), Хайтинской фарфоро-фаянсовой фабрике (Иркутская губрения) существовали школы для детей рабочих, в которых обучение грамоте совмещалось с практическими занятиями на предприятиях[25].

В материалах источников о рабочих обрабатывающей промышленности Сибири пореформенного периода нет прямых сведений о разрыве хозяйственных связей с землей или об их отходах на полевые работы в деревню. Однако многочисленные отрывочные данные позволяют судить, что отсутствовали хозяйственные связи с землей у части рабочих или были значительно сокращены хозяйства.

Одним из основных источников формирования рабочих Сибири (специфическая особенность региона) были ссыльнопоселенцы , за небольшим исключением не имевшие собственности. Так, на кожевенных заводах Тобольской губернии они представляли практически единственную наемную рабочую силу. Значительный удельный вес они составляли среди рабочих винокуренных заводов. Например, на Леонидовском заводе в 1888-1889 гг. ссыльнопоселенцы составляли 54,1% от числа всех рабочих, в 1890 г. - 40%[26]. В материальном отношении основная часть ссыльнопоселенцев была неимущей. Так, в 1877 г. из 28828 ссыльных, причисленных к трем округам Томской губернии, 4/5 не имели никакого состояния[27]. Эти рабочие проживали, как правило, в казармах или снимали "углы" у рабочих-домовладельцев[28]. Многие предприятия не имели собственной земли для пашни и покосов. В списке винокуренных заводов по Сибири за 1886/87-1887/88 гг. значится 61 предприятие, из них лишь 39 действовали. При 10 заводах земли не было, лишь на четырех барда выдавалась скоту рабочих[29]. На тех предприятиях, где рабочие имели свои земли, существовали дворы для скота, небольшие огороды, занимались хлебопашеством "в малом количестве"[30]. Хозяйственный быт рабочих сибирских предприятий резко отличался от кре-

стьянского и достаточно убедительно описывался в заметках современников. Поселение Иткульских заводов, где проживало 940 человек, характеризовалось следующим образом "...дома скучены так, что нет около них не только огородов, но и дворов, отведены лишь миниатюрные загородки для скота"[31]. О поселке при Лугавском промышленном комплексе в печати сообщалось:"Надворных строений, огородов, домашнего скота - вообще всего, что характеризует сибирскую деревню, здесь заметно мало; видно вообще, что жизнь поселения связана исключительно с заводским трудом"[32]. "Полуземлянки, прикрытые отходами завода, сарайчики, узкие извилистые улочки, завешенные разноцветным рваным детским бельем" - так описывал поселок при одном из лесопильных заводов Иркутской губернии рабочий завода, а впоследствии профессиональный революционер П.Никифоров[33].

Следствием углубления капиталистических отношений в промышленности, закрепления постоянных рабочих кадров в производстве явилось возникновение фабричных поселков в Сибири, которые сформировались при крупных винокуренных, стекольных, мукомольных, суконноткацких и других предприятиях. Причем эти поселки располагались, как правило, вблизи городов или крупных населенных пунктов. Таким образом, создавалось приближение к сырьевой базе, рабочей силе и рынку сбыта. По переписи 1897 г. фабричных поселков насчитывалось около десятка: Иткульский винокуренный и стекольный заводы (943 чел.) в Томской губернии, Ивановский сахарорафинадный завод (1255 чел.) в Енисейской губернии, Николаевский винокуренный завод (888 чел.) в Забайкальской губернии и другие[34].

Приведенный в статье материал носит преимущественно иллюстративный характер. Однако при всей разобщенности и фрагментарности в нем содержатся, на наш взгляд, убедительные данные о наличии на сибирских предприятиях слоя постоянных рабочих кадров, о развитии устойчивого процесса их закрепления в сфере промышленного труда.

---

1. Панкратова А.М. Рабочий класс России. Избранные труды. М.,1983. С. 129-161, 439-470; Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России// История СССР. 1958. № 4. С. 40-51; Он же. Состояние и задачи изучения пролетариата России //Вопросы истории. 1960. № 3. С. 52-74; Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958. 623 с.; Рожкова М.К. Формирование кадров промышленных рабочих в 69-начале 80-х гг. XIX в. По материалам Московской губернии. М., 1974. 176 с.;

Ромашова З.И. Образование постоянных кадров рабочих в пореформенной промышленности Москвы // Рабочий класс и рабочее движение в России (1861-1917 гг.). М., 1966. С.152-162; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С.209-217 и т.д.
2. О причинах подобного подхода см.: Скубневский З.А. Современная историография о структуре обрабатывающей промышленности Сибири в период капитализма // Вопросы методологии, истории и историографии. Томск, 1974. Вып.2. С. 26-27; Андрющенко Б.К. Состав рабочих обрабатывающей промышленности Сибири (1861-1895 гг.) // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С.145.
3. Ленин З.И. Полн. собр.соч. Т.3. С. 538,541.
4. Андрющенко Б.К. Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири (1861-1895 гг.) // Рабочие Сибири в конце XIX - начале XX вв. Томск, 1980. С.41. Табл. 2.
5. Орлов И.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и среднеазиатских владений. СПб., 1895. С.182-230.
6. Андрющенко Б.К. Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIXв. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 44-45. Табл. 2.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3, С.540-541; Т.22, С.37.
8. ГАТО, ф. 234, оп.1, д.77.
9. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. Барнаул, 1896. Т.1. С.124-125; Кропоткин. Описание первой Забайкальской выставки сельских и других произведений, бывшей в Чите в 1862 году. Иркутск, 1863. С.33.
10. Шнее И. Краткие исторические очерки фабрично-заводской промышленности. Иркутск, 1896. С.4,5.
11. ГАИО, ф.32, оп.2, д.87, л.8.
12. Восточное обозрение. 1895. 13 авг.
13. ТФ ГАТО, ф.329, оп.545, д.262, л.91-92.
14. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1880. Кн.2. С.96.
15. Там же.
16. Левитов К. Сибирское пароходство. Екатеринбург, 1901. С.21.
17. Сибирская газета. 1884. 30 сент.
18. См.: Андрющенко Б.К. Состав рабочих обрабатывающей промышленности... С.153,154.

19. ГАТО, ф.3, оп.18, д.694, л.139; ГАИО, ф.37, оп.1, д.9, л.22; ТФ ГАТО, ф.417, оп.1, д.357, л.47-48; 49-50; ГАТО, ф.234, оп.1, д.94, л.33; Алтай, Томск, 1890, с.115.
20. ГАЧО ф.1, оп.1, д.12191, л.14.
21. ГАЧО, ф.301, оп.1, д.237, л.1.
22. Сибирь. 1886. 29 июня.
23. Подсчет по архивным источникам: ГАКК, ф.345, оп.1, д.18,31; ГАИО, ф.282, оп.1, д.31,50.
24. Швецов С.П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897. С.135.
25. Восточное обозрение. 1887. 20 авг.; Сибирская газета. 1888. 21 февр.
26. Подсчет по источникам: ГАКК, ф.345, оп.1, д.18, л.1-27; д.24, л.1-18; д.31, л.1-22.
27. Сибирь. 1878. 24 дек.
28. ГАКК, ф.31, оп.1, д.101, л.24,30,36,54,65,83.
29. Список винокуренных заводов Российской империи с указанием их характера, размеров производства и условий сбыта вина за периоды 1886-1887 и 1887-1888 гг. СПб., 1890. С.427-439.
30. ЦГИА, ф.20, оп.12, д.58, л.2; ГАИО, ф.160, оп.3, д.58, л.7,15, 31,36,43; ф.37, оп.1, д.9, л.185-186.
31. Степной край. Омск. 1897. 10 сент.
32. Енисейский листок. 1892. 23 авг.
33. Никифоров П. Муравьи революции. М., 1958. С.15.
34. Рабочий класс Сибири... С.124.

Е.П.ЦЕПЕННИКОВА , В.Н.БОЛЫШАКОВ

ДИНАМИКА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ ПЛАВСОСТАВА НА РЕЧНОМ ТРАНСПОРТЕ СИБИРИ в 1895-1914 гг.

Основоположники марксизма отмечали огромное революционизирующее значение экономического положения пролетариата при капитализме. Применительно к революционному движению в России В.И.Ленин указывал на практическую необходимость широкого ознакомления с положением рабочего класса. Он обращал внимание на целесообразность дифференцированного подхода к этому вопросу, в частности, усматривал стимулирующую роль в рабочем движении порайонных различий в положении пролетариата[1].

В этом плане изучение экономического положения региональных, а также отраслевых отрядов рабочего класса способно обогатить научные представления об общих и особенных чертах процесса его формирования.

Одним из важнейших показателей, характеризующих жизненный уровень рабочих и их экономическое положение, служит заработная плата. Задачей данной статьи является определение размера и динамики заработной платы речников плавсостава Сибири в 1895-1914 гг. В то время как по ряду профессиональных отрядов сибирских рабочих эта тема относительно изучена[2], специальных исследований ее в отношении рабочих речного транспорта не предпринималось. С одной стороны, это связано с недостаточной изученностью процесса формирования речников по России в целом, с другой - объясняется пока еще незначительным вовлечением в научный оборот соответствующего материала.

Источником для написания статьи стали материалы делопроизводства и деловая переписка, а также финансовые документы крупнейших пароходств Сибири периода империализма: Томского округа путей сообщения, Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли (Товарпар), Богословского горного общества, Е.И.Мельниковой, Енисейской компании пароходства и торговли, Ленского золотопромышленного товарищества (Лензото)[3].

Речной транспорт представлял достаточно развитую отрасль сибирского хозяйства уже к началу рассматриваемого времени[4]. Здесь существовали монополии картельного типа, а накануне первой мировой войны общие условия формирования отряда речников Сибири характеризовались все более углублявшимся процессом концентрации и монополизации водного транспорта[5]. Указанные шесть крупнейших

предприятий речного транспорта сосредоточивали к 1914 г. до 46,5% самоходного и 40,2% несамоходного флота региона, а также 67% плавсостава речных судов[6]. Объективные условия данного порядка, безусловно, отражались на экономическом положении речников Сибири, в том числе влияли на такой важнейший показатель, как заработная плата.

Рассматриваемые пароходства отличались родом деятельности. Так, Томский округ ПС - единственное казенное предприятие - владело инспекционными, обстановочными, патрульными, карчеподъемными судами, мощным по тем временам землечерпательным и баржевым караваном. Остальные пароходные предприятия являлись частными; они владели пассажирскими, товаро-пассажирскими, буксирными судами, баркасами, паузками, а также дебаркадерами, пристанями и затонами.

Величина заработной платы и ее динамика зачастую определялись характером эксплуатации судов и их назначением. Вместе с тем процесс монополизации речного транспорта и достаточно высокая степень сформированности рынка рабочей силы существенно нивелировали имевшиеся различия в оплате труда.

Используемый материал позволяет проследить динамику заработной платы судорабочих шести перечисленных крупнейших пароходных предприятий Сибири. Этот материал извлечен в основном из четырех архивных фондов: ЦГИА СССР, ф.1418 (Лензото), ф.54 (Богословское общество); ГАНО, ф.Д-145 (Товарпар); ГАТО, ф.134 (Томский округ ПС).

Особую ценность представляют ежегодные финансовые отчеты и сметы названных пароходств. В них фиксировалась оплата труда навигационных и годовых рабочих, учитывались все вычеты и доплаты, если таковые имелись, а также определялась сумма, выделяемая предприятием на питание судовой команды в соответствии с количеством оплачиваемых "довольствующихся подёнщин" по специальностям. Учет последних велся особенно строго, поскольку от суммы, выделяемой на питание, зависела величина вычетов из заработной платы. Детализировать общее представление о величине и динамике заработной платы рабочих плавсостава позволяют приложения к годовым отчетам и сметам указанных пароходств. В них сосредоточен богатый первичный материал по каждому судну и относительно каждого рабочего.

Серьезным источником по исследуемой теме являются "Шканечные журналы" судов частных предприятий, а также "Путевые журналы" и

Таблица I*

Динамика численности плавсостава крупных пароходных предприятий Сибири в 1895 - 1914 гг.

Годы	Число судов		Число рабочих		
	самоходных	несамоходных	навигационных	годовых	всех
1895	40	109	1902	728	2630
1900	63	166	2849	1084	3933
1905	69	233	3554	1362	4916
1910	86	244	4350	1476	5826
1914	147	310	5997	2913	8910

* ЦГИА СССР, ф.54, оп.1,д.472, л.71-81; д.486,л.2-69; д.487,л. 58,60-61; д.489, л.5; д.491,л.1,61-72; ф.173, оп.8,д.376,л.79-80; д.428,л.2-25; ф.174,оп.3,д.40,л.163-165; д.43,л.1-2; д.47,л.3,13. 50,58,62,67,69,71,77,91-92,99-100; ф.185,оп.1,д.202,л.64; ф.187, оп.1,д.18,л.12-13,16,18,20,124-134,138,140,142,144; д.21,л.40,101, 121,135,156,166,239; д.35,л.12-13; ф.193,оп.1,д.1,л.3-4,17-18,23-24; ГАИО, ф.31,оп.1,д.242,л.23-28; д.268,л.10,16-17,66-67,68;д.346, л.52-59; ГАНО, ф.Д-145,оп.1,д.38,л.4; д.48,л.5; ГАТО, ф.134,оп.1, д.137,л.1-3; д.139,л.1-2;д.140,л.1-8; д.142,л.1-11; д.144, л.1-4; д.145,л.1-2; д.146,л.1-7; д.154,л.1-11; д.156,л.1-4; д.158,л.1-8; д.166,л.1-6; д.168,л.1-5; д.170,л.1-3; д.194,л.1-4; д.196,л.1-12; д.197, л.1-6; д.253,л.1-2; д.254,л.1-6; д.256,л.1-3; д.268,л.1; д.270,л.1-4; д.287,л.1-4; д.288,л.1-7; д.290,л.1-3; д.291,л.1-4; д.293,л.1-3; д.304,л.1-3; д.305,л.1-7; д.308, л.1; д.309,л.1-3; д.311,л.1-5; д.317,л.1-9; д.319,л.1-2; д.320,л.1-3; д.322,л.1-8; д.325,л.88,124-125,145-149; д.326,л.56-57,63,66-78,90,93-94,100-102,113-114,117-118,133-134,166,207-210; д.339,л.12-53; оп.2,д.165, л.180-185,298-301; д.192,л.1; д.195,л.1; д.201,л.1;д.207,л.1; д. 208,л.1; д.211, л.1-2; д.217,л.1; д.221,л.1; д.235,л.1, 2-5; д.239, л.1; д.242, л.1-7; д.243,л.1-10; д.247,л.1-8; д.251,л.1-2; д.252, л.1-4; ТФ ГАТО, ф.185,оп.1,д.252,л.1-4; д.392,л.2-10,12-13,17-18, 33-34,35-36,56-57.

"Рабочие журналы" судов Томского округа ПС. Среди многих сведений они содержат данные о ежемесячной оплате труда рабочих.

Из деловой переписки управления Томского округа ПС с перечисленными частными предприятиями почерпнуты сведения о численности судорабочих. Здесь же обнаружены многочисленные "Сметы расходов на содержание судовых команд", являющиеся существенным дополнением к охарактеризованным выше финансовым документам.

Достоверность этих документов определяется их характером и назначением. Единая форма документов и массовый характер содержащихся в них сведений позволили провести необходимые сопоставления и сделать обобщения. Полученные выводы вполне репрезентативны.

Обработанные сведения приводятся в нижеследующих таблицах. В табл. I показана численность годовых и навигационных рабочих плавсостава указанных пароходств (без учета береговых рабочих и грузчиков). Как видно из табл. I, за двадцать лет численность плавсостава учтенной флотилии увеличилась в 3,4 раза. При этом число годовых рабочих возросло с 27,7% до 32,7%. Столь незначительный рост отражает специфику речного транспорта: невозможность занять работой весь плавсостав в междунавигационный период. Вместе с тем постоянная потребность в кадрах годовых рабочих указывает на наличие условий для определенной их стабильности. Об этом же свидетельствуют дополнительные подсчеты, показавшие, что для 55,7% навигационных рабочих в 1895 г. и для 70% их в 1914 г. занятия судоходством были традиционными. Из этого следует, что уже к 1895 г. на речном транспорте в Сибири сложились постоянные кадры судорабочих.

Сезонные колебания в оплате труда отражены в табл. 2; они были незначительны и составляли 4,4% в 1895 г. и 4,8% в 1914 г. В табл. 2 за 100% взята средняя месячная зарплата рабочих плавсостава Томского округа в 1895 г. Выбор точки отсчета определяется тем, что предприятие являлось государственным. Из подсчетов исключены командиры пароходов, их помощники, водоливы и лоцманы, которые по их функциям, положению, величине заработной платы заметно отличались от других категорий плавсостава и являлись более служащими, чем рабочими. Машинисты и их помощники включены в подсчеты, поскольку хотя и получали высокую заработную плату, но по условиям труда, а также по функциям и положению они должны быть отнесены к рабочим.

По данным табл. 2 четко прослеживается повышение номинальной

заработной платы с течением времени. Рост среднемесячной зарплаты навигационных рабочих за 20 лет составил 21,4%, у годовых, соответственно, 19,5%. В данном обстоятельстве проявились многие факторы, и прежде всего сказалась общая тенденция роста стоимости наемного труда в капиталистическом обществе, которая имеет место вследствие интенсификации труда и роста его производительности, повышения квалификации рабочих, увеличения цен на предметы первой необходимости.

На речном транспорте Сибири, как и России в целом, существовали две формы выдачи зарплаты - денежная и натуральная[7]. Практиковалась выдача денег один раз в году, по окончании навигации. Годовые рабочие получали заработную плату ежемесячно. В зимнее время годовые рабочие должны были обеспечиваться жильем с водой и отоплением; в летнее время всем рабочим предоставлялось двух-или трехразовое питание с последующим удержанием его стоимости из зарплаты. Распространенное в начале XX в. артельное харчевание к 1914 г. почти повсеместно исчезает. Первичные материалы санитарного обследования на Енисее в 1913-1914 гг. показывают, что здесь имелись свои особенности в организации питания судорабочих[8]. Они заключались в том, что сохранялось артельное харчевание, при котором на питание затрачивалось 8 р.20 к. Эта особенность объясняется, вероятно, тем, что суда, обследованные санитарным надзором на Енисее в 1913-1914 гг., принадлежали мелким и средним предприятиям, в отличие от исследуемых в данной статье, являвшихся собственностью крупных пароходных компаний. Меньшая в сравнении с бассейнами других сибирских рек величина затрат на питание рабочих плавсостава енисейской флотилии объясняется также сравнительно низкими ценами на сельскохозяйственные продукты в благоприятном по природно-климатическим условиям районе Минусинской котловины.

С 1900 г. практиковалась унификация расходов на питание; она проводилась администрацией крупных монополий на речном транспорте Сибири, а также Управлением Томского округа ПС. Начиная с 1900 г. в финансовых отчетах и сметах Томского округа ПС, Товарпара, Лензото, Богословского о-ва, Енисейской компании пароходства и торговли присутствует параграф, где оговаривается сумма затрат на питание судовых команд и последующее ее удержание из зарплаты. В 1900 г. она должна была составлять до 50 к. на каждую "довольствующуюся поденщину", в 1905 - до 55 к., в 1914 г. - до 60 к. Как следует из табл. 3, действительные затраты были несколько меньшими, составляли 31% среднемесячного заработка в 1900 г.

и 28% - в 1914 г.

Зычеты за питание из зарплаты производились без учета ее величины. Из зарплаты кочегара или матроса удерживалась такая же сумма, как из оклада командира парохода или его помощника. Общая же сумма тратилась непропорционально. Из "Ордера на содержание служащих и судовой команды"[9], имевшего силу циркуляра, выясняется, что по количеству и качеству потребляемых продуктов питания судовая команда делилась предпринимателями на три разряда.

К 1-му разряду принадлежали командиры, их помощники и машинисты. Они получали обед из трех блюд, горячий ужин из одного блюда и, кроме того, трижды чай с печеньем; 2-й разряд составляли лоцманы, помощники машинистов, водоливы, получавшие обед из двух блюд, горячий ужин и трехразовый чай с печеньем. Кроме того, относившиеся к 1-2 разрядам получали по воскресеньям и четвергам к утреннему чаю горячую выпечку (пироги, блины, оладьи).

3-му разряду (масленщикам, кочегарам, матросам, штурвальным, рулевым, черорабочим), т.е. абсолютному большинству команды, по "Ордеру" полагалось отпускать в месяц на одного человека не более: хлеба ржаного - 3 пуда; крупы ячневой или гречневой - 7,5 фунта; мяса скотского - 1 пуд 5 фунтов; масла топленого - 1 фунт; соли - 3 фунта; чаю - 0,5 кирпича. Для "приварка" разрешалось употреблять капусту, картофель, лук, приправы, не превышая при этом стоимости одной "довольствующейся поденщины". Набор продуктов питания для экипажа, относившегося к 3-му разряду, следовательно, не отличался разнообразием. Гораздо большим был он у лиц 1-2 разрядов. Здесь наряду с перечисленными выше продуктами полагались также: белые булки, мясо говяжье филейное, головы, языки, дичь, рыба свежая и соленая, яйца, сахар, зелень, специи, крупы в большем наборе (рис, манка, перловая).

Цены на основные продукты питания постоянно росли и в 1913 г. составляли (в среднем по расценкам, принятым в исследуемых пароходных предприятиях): 1 пуд мяса - 5 р., сахара - 7 р.35 к., хлеба ржаного - 1 р.60 к., булки белой - 3 р., крупы перловой - 1 р.60 к., манной - 1 р.13 к., рисовой - 1р. 11 к., вермишели - 1 р., макарон - 1 р.19 к., масла - 16 р., вилок капусты - 5 к., ведро соленой капусты - 40 к., сотня яиц - 2 р., чая кирпич 1 р.[10]

Таким образом, на питание служащего затрачивалась бо́льшая сумма, чем на питание судорабочего. Явное неравенство в потреблении приводило к протестам со стороны команды, как правило, завершавшимся увольнением недовольных[11]. Отдавая на питание 28-31% зара-

ботка, рабочий получал недостаточное количество белков и жиров, зато в избытке углеводов. То же самое наблюдалось и в структуре рациона рабочих в целом по стране, у речников Европейской России, а также большинства рабочих Сибири[12].

Для определения реального содержания заработной платы рассматриваемой категории речников необходимо учесть также затраты на промышленные товары (табл. 3). Из подсчетов исключены затраты на жилье, поскольку с 15 марта по 15 ноября рабочие плавсостава обязаны были находиться на судах: не учитывались расходы на вино, так как употребление алкогольных напитков строго преследовалось, а выходных и праздничных дней у судовых экипажей в период навигации не было. Расходы на промышленные товары состояли большей частью из затрат на одежду и обувь. Из подсчетов исключены командиры пароходов, их помощники, водоливы и лоцманы, так как они были на полном обеспечении у фирм.

Существовавшие цены на 10 видов промышленных товаров таковы: бушлат - 5 р., фуражка или шляпа - 1 р., рубаха - 1 р., руковицы - 50 к., сапоги - 4,4 р., брюки - 1 р., мыло - 8 к.за фунт, табак - 25 к. за фунт, свечи сальные - 12 к. за фунт. Средний индекс совокупных предметов потребления у рабочих Томского округа ПС в 1900 г. принят за 100% и является точкой отсчета (как и при определении динамики заработной платы).

Из табл. 3 следует, что уже к середине 90-х гг. XIX в. сложился определенный прожиточный минимум, который и в последующем оставался практически неизменным, хотя запросы и потребности рабочих возрастали. Так, затраты на промышленные товары в 1900 г. составляли в среднем 2,6 р. в месяц, или 6,6% среднемесячной заработной платы. В 1914 г. они составили 3 р. (6,4%)[13]. Из данного ряда несколько выделяются затраты судорабочих Лензото. Это естественно, поскольку в данном районе Сибири климат суровее, а потому затраты на питание, одежду и обувь в денежном выражении были выше аналогичных затрат речников Обь-Иртышского и Енисейского бассейнов.

Динамика реальной заработной платы плавсостава шести ведущих пароходных предприятий Сибири приведена в табл. 3. В ней индексы реальной заработной платы получены делением индексов номинальной заработной платы на индексы среднемесячных расходов.

Таблица показывает, что к 1914 г. реальная заработная плата повысилась у судорабочих всех предприятий. Однако темпы ее роста далеко отставали от темпов роста номинальной заработной платы.

Так, номинальная зарплата судорабочих в среднем по всем предприятиям увеличилась с 1900 по 1914 гг. на 19,9%, а реальная - на 7,8%.

Динамика номинальной и реальной заработной платы судорабочих по отдельным предприятиям отражает процесс нивелирования в оплате труда. Наибольший рост заработной платы (номинальной и реальной одновременно) происходил на тех предприятиях, где она была первоначально самой низкой (пароходства Богословского горного общества, Е.И.Мельниковой, Енисейской Ко). В этом проявлялись объективные закономерности функционирования рынка рабочей силы.

Наряду с уже отмеченными факторами, присущими капиталистической экономике, на рост заработной платы на речном транспорте Сибири влияла борьба рабочих за повышение своего жизненного уровня. В период империализма Сибирь была одним из районов активного рабочего движения в России.

---

1. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.6.С.153.

2. См.: Земеров Б.И. Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири (1900-1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С.89-122; Он же. Реальная заработная плата рабочих и служащих на железных дорогах Сибири (1895-1917 гг.) // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С.77-96; Зиновьев В.П. К расчету реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (на материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып.14. С.89-99; Бузанова В.А. К вопросу о заработной плате сельскохозяйственных рабочих Сибири // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С.46-61.

3. См.: Перечень архивных фондов и дел к табл. 1,2.

4. См.: Рабинович Г.Х. К вопросу о многоукладности экономики Сибири в конце XIX-начале XX вв. // Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма: Тезисы сообщений. Свердловск, 1968. С.170-179; Свешников Н.А. Экономика Сибири в период империализма. М.,1975. С.181-203; Гольшаков З.Н. К вопросу о формировании и численности речников

в Сибири (1895-1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С.123-143; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С.95-101.

5. См.: Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX-начала XX вв. Томск, 1975. С.195-218.

6. Число судов и рабочих шести крупнейших пароходств Сибири подсчитано по архивным делам, перечень которых помещен в сносках к табл. 1,2 нашей статьи. 100% плавсостава составляли 13,3 тыс. чел. (См.: Большаков В.Н. Указ.раб. С.141).

7. См.: Канель В.Я. Судорабочие и судохозяева. М.,1906. 35 с.; Кравченко А.И. Эксплуатация судорабочих на Волге в дореволюционный период // Труды/Горьковский ин-т инженеров водного транспорта. Горький, 1958. Вып.87. С.27-35; и др.

8. ГАКК, ф.543,оп.1,д.4,л.1-475.

9. ЦГИА СССР, ф.1418,оп.1,д.2922,л.442-445.

10. ГАИО, ф.31,оп.1,д.346,л.30-35; ГАНО, ф.Д-146,оп.1,д.422, л.14-31; ГАТО, ф.134,оп.1,д.28,л.20-45; ЦГИА СССР, ф.1418,оп.1, д.2887,д.10-23; ф.54,оп.1,д.1186,л.25; д.1192,л.40.

11. См., например: Наши корреспонденты . Сибирь. 1913. 26 июня.

12. См.: Никитин А.Ф. Машинная команда на волжских пароходах // Русское судоходство. 1905. №12. С.34-80; Кабо Е. Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926. С.182; Зиновьев В.П. Указ. соч. С.92-94; и др.

13. Данные о расходах на предметы первой необходимости взяты из "Сведения о содержании судовых команд", поступавших в МПС от судохозяев и казенных пароходств (ЦГИА СССР, ф.174,оп.3,д.47,л.1-3, 50-58, 62, 67, 77-78, 91-99; ф.187,оп.1,д.35,л.12-40, 50-101; ф.190,оп.8,д.428,л.1-35; и др.).

Т.Н.СОБОЛЕВА

УПРАВЛЕНИЕ КАБИНЕТСКИМ ЗЕМЕЛЬНО-АРЕНДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ НА АЛТАЕ В КОНЦЕ XIX в.

В социально экономических исследованиях по аграрной истории Сибири, Алтая казенному и кабинетскому земельно-арендному хозяйству уделялось пристальное внимание (работы Л.М.Горюшкина, Г.П. Гидкова, Н.В.Иванченко, И.Н.Новикова, Т.П.Прудниксвой). В ходе освещения экономических проблем историки касались управления арендными районами и оброчными статьями. Однако до сих пор эта тема не стала предметом специального изучения.

В статье характеризуется первоначальный этап оформления на Алтае учреждений по управлению кабинетским земельно-арендным хозяйством (1883-1899 гг.). В этот период осуществлялась перестройка аппарата управления Алтайским горным округом (с 1896 г. Алтайским округом) в соответствии с наметившейся еще в 60-х гг. переориентацией Кабинета с горного производства на извлечение доходов от землевладения.

По мере создания новые органы включались в общую структуру управления алтайскими заводами. Естественно, что аппарат управления округом в целом, его структурные компоненты, деятельность в силу иной, чем губернские учреждения, ведомственной подчиненности отличались своеобразием. Это придает проблеме управления земельно-арендным хозяйством Алтая в конце XIX в. самостоятельное значение и делает возможным ее специальное рассмотрение.

В отличие от губернской системы управления, учреждения округа формально являлись хозяйственными органами, из ведения которых после реформы 1861 г. было изъято управление населением[1]. Однако, сохранив владельческие права императора на Алтайский горный округ, доходы от которого шли в кассу Кабинета на содержание государственного института монархии[2], реформа 1861 г. оставила в руках Кабинета важный рычаг воздействия на томскую губернскую администрацию в вопросах управления алтайским населением. Стереотипная фраза "о нарушении прав Кабинета", указание на особое положение Алтайского горного округа как "частной собственности императора" служили наиболее распространенными поводами для вмешательства в деятельность местных органов управления Томской губернией.

Важные позиции в пореформенный период Кабинет сохранил в ор-

ганах крестьянского управления. С I января 1864 г. в Томский губернский совет, получивший права губернского по крестьянским делам присутствия, был введен постоянный член от горного ведомства под благовидным предлогом защиты интересов алтайских заводов[3].

Назначенный на эту должность горный инженер Кобылин принимал участие в обсуждении дел Томского губернского совета, касавшихся крестьянского населения округа, т.е. подавляющего большинства его[4]. Он информировал Кабинет о заседаниях совета, высказывал и записывал в журнал особое мнение, если оно не совпадало с позицией большинства присутствия, и, наконец, имел право через министерство императорского двора опротестовать в Сенате решения Томского губернского совета вызвавшие его возражение.

Правда, за весь период существования этой должности (с 1864 по 1903 гг.) горный инженер Кобылин и его преемник, надворный советник Наумов не опротестовали ни одного решения Томского губернского совета и заменившего его в 1895 г. Общего присутствия губернского управления[5]. Их пассивная роль, отсутствие тесных контактов с алтайской администрацией, видимо, до поры до времени устраивали Кабинет в связи с тем, что после 1864 г., когда была достигнута договоренность по основным мероприятиям крестьянской реформы, в Томском губернском по крестьянским делам присутствии не возникали серьезные трения между горными и гражданскими властями.

Взгляд Кабинета на роль особого члена от горного ведомства в общем присутствии губернского управления принципиально не изменился с началом осуществления на Алтае землеустроительной реформы 1899 г. Рост капитализма вширь в сибирском регионе под влиянием развития производительных сил Европейской России и усиления переселенческого движения на окраины, которое ускорило процессы расслоения крестьянства, концентрации земли в руках зажиточных крестьян, обострения социальных противоречий в деревне, заставили правительство приступить к землеустройству сельского населения Сибири. Алтай принадлежал к усиленно колонизуемым районам сибирской территории, для которого были характерны как более высокие показатели сельскохозяйственного производства, так и острота противоречий, особенно между крестьянами и крепостнической политикой Кабинета.

Не последнюю роль в поддержке Кабинетом правительственного курса сыграли его финансовые интересы. С изъятием из крестьянс-

кого пользования лесов и части земель и с организацией на них земельно-лесного хозяйства кабинетские чиновники связывали рост землевладельческих доходов. Используя возросший в результате переселений спрос на землю переселенцев и старожилов малоземельных селений, Кабинет стремился за счет повсеместного земельного утеснения крестьян навязывать им принудительную аренду на выгодных для себя условиях.

Согласно процессуальному порядку проведения землеустройства в Алтайском округе право утверждения подавляющего большинства проектов поземельно-устроительных комиссий принадлежало общему присутствию Томского губернского управления[6]. С целью более полного учета своих узковедомственных интересов Кабинет сумел добиться установления контроля над его деятельностью.

С 1899 г. общее присутствие Томского губернского управления был введен еще один представитель от Кабинета - заведующий землеустройством в Алтайском округе[7]. Постановления губернского управления по делам землеустройства считались окончательными, если заведующий землеустройством и члены общего присутствия от Кабинета при Томском губернском управлении, или хотя бы один из них, соглашались с мнением большинства[8].

В случае расхождения мнений членов губернского управления с представителями Кабинета последние имели право в трехдневный срок заявить письменный протест[9]. Протест вместе с заключением большинства общего присутствия Томского управления направлялся министру императорского двора, который мог решить спорный вопрос соглашением с министром внутренних дел. Если разногласия между министрами сохранялись, дело передавалось для окончательного разрешения в Сенат.

Итак, в течение пореформенного периода Кабинет не выпускал из-под своего контроля деятельность губернских органов крестьянского управления, так как с отменой обязательных отношений алтайских крестьян к заводам основной доход обеспечивала оброчная подать с сельского населения. По мере того, как приходило в упадок горное производство и за счет переселений создавались условия для хозяйственного использования земель и лесов, усилилось внимание Кабинета к земельно-оброчным статьям и лесным богатствам Алтая. Его планы получения в будущем высоких арендных и лесных доходов во многом зависели от того, в чьих интересах будет проведено землеустройство крестьян. Поэтому кабинетские представители в общем присутствии Томского губернского управле-

ния с 1899 г. стали активно вмешиваться в решение вопросов землеустройства.

Разрешенная в 1855 г. Алтайскому горному правлению сдача кабинетских земель в аренду до 80-х годов XIX в. не получила сколько-нибудь заметного развития. Этим обстоятельством объясняется отсутствие до 1883 г. при главном управлении Алтайского горного округа специализированного органа по управлению земельно-оброчными статьями. В условиях алтайского земельного простора потребовался длительный промежуток времени, чтобы к 80-м годам за счет переселенцев из Европейской России повысить стоимость земли. Развивавшиеся под влиянием переселений и неравномерного обеспечения землей старожилов арендные отношения Алтайского горного правления с населением привели к выделению в 1883 г. "земельной части" в особое структурное подразделение окружного аппарата управления и к учреждению должностей помощника начальника горного округа по земельной части и трех чиновников для сбора аренды[10].

Перечисленные мероприятия явились составной частью административной реформы 1883 г. Осуществленная прежде всего ради повышения производительности горнозаводской промышленности и предотвращения ее окончательного краха, реформа положила начало приспособлению Кабинета, алтайского окружного управления к нуждам развития земельно-арендного хозяйства.

Коллегиальные органы управления, начиная с Кабинета и заканчивая заводскими и рудниковыми конторами, были заменены чиновниками, сосредоточившими всю власть и лично ответственными перед вышестоящими инстанциями за ход дела[11]. Горное отделение Кабинета, в управлении которого находились алтайские и нерчинские заводы, в 1883 г. реорганизуется в земельно-заводской отдел, что само по себе уже свидетельствовало о возросшем значении доходов от землевладения[12].

Введение нового порядка управления сопровождалось сокращением административного аппарата Алтайского горного округа на 153 человека (с 392 до 239 чиновников и канцелярских служителей)[13]. Оно затронуло должностных лиц, занятых в горном производстве. В то же время намечается тенденция к увеличению численности администрации в "земельной части" главного управления округа.

Начавшийся в 1884 г. учет "земельного имущества" путем обмежевания арендных районов, разбивки их на участки, составления арендных книг заставил Кабинет в 1885 г. удовлетворить ходатайство начальника округа Н.И. Журина о добавлении к трем межевщи-

кам "земельной части" еще шести человек[14] и преобразовать Алтайскую межевую экспедицию.

Межевая экспедиция действовала на Алтае с 1885 г. В ее обязанности входили топографическая съемка территории горного округа и составление его подробной карты. По сведениям кабинетского чиновника Злахопулова, с 1855 -по октябрь 1880 г. была проведена топографическая съемка 65126,5 кв. верст земли, 17,05% от общей площади, 382 тыс. кв. верст Алтайского округа[15]. Положение 8 марта 1861 г., сохранив существовавшие до реформы землепользование алтайских крестьян, способствовало свертыванию межевых работ. В 1883 г. они окончательно были прекращены под предлогом "выработки оснований поземельного устройства округа"[16].

Поэтому еще в 70-х годах личный состав межевой экспедиции в основном занимался теми же работами, что и межевщики "земельной части" приведение в известность земель, предназначенных к сдаче в аренду, проверка крестьянского землепользования при возникающих спорах о границах земель между селениями и образование переселенческих участков[17]. Высочайшее повеление 6 июля 1885 г. "Об упразднении Алтайской межевой экспедиции" узаконило подчинение межевой экспедиции "земельной части" главного управления горного округа и отменило ее прежнее название[18]. В 1890 г. в распоряжении "земельной части" совокупно с влившейся в ее состав межевой экспедиции находилось 22 межевщика[19].

В 1893 г. в целях улучшения организации и руководства межевыми работами в окружное управление вводится новая должность заведующего межеванием, которую занял межевой инженер Г.Розанов[20].

Проведенные мероприятия не были рассчитаны на значительное расширение межевых работ. Между тем на территории округа в 80-х - начале 90-х гг. ежегодно оседали тысячи самовольных переселенцев, нуждавшихся в землеустройстве. Кабинет, поощряя до 1894 г. переселения, сознательно сдерживал межевые работы по их землеустройству. На причину данного явления указал Г.П.Жидков. По его подсчетам, самовольные переселенцы, пользуясь землей "на арендном праве" и не имея льгот на бесплатное получение лесных материалов, приносили Кабинету в расчете на ревизскую душу в 3-4 раза больший доход, чем официально причисленные переселенцы[21].

Отрицательно на развитие земельно-оброчных статей и использование лесных богатств сказалась введенная реформой 1883 г. централизация управления Алтайским горным округом. Сосредоточе-

ние власти в руках начальника округа, вполне приемлемое для управления несколькими горнозаводскими центрами, не годилось для земельно-лесного хозяйства, разбросанного по огромной территории Алтая.

Удостоверившись в тщетности попыток поправить положение в горном производстве, Кабинет в 90-х гг. встал на путь его ликвидации. В связи с этим усилилось внимание к раввитию аренды и эксплуатации лесов. В 1896 г. был одобрен представленный в Кабинет еще в 1890 г. проект начальника Алтайского округа Н.И.Журина о проведении административно-хозяйственной реформы[22].

Она должна была привести в соответствие с потребностями развития земельно-лесного хозяйства административно-хозяйственное деление округа и его управление. Основные положения новой реформы были сформулированы в именном указе "Об изменении в некоторых частях существующего устройства управления Алтайским горным округом", "Зременных штатах Алтайского округа", утвержденных царем II апреля 1896 г., а также подробно разъяснены в "Правилах по лесной части в Алтайском округе" от 22 апреля 1897 г.[23]

Главным мероприятием реформы было создание "имений", которые превращались в основную инстанцию по заведыванию лесами и земельно-оброчными статьями Алтайского округа. Цель нового порядка деления на имения Барнаульское отделение контроля министерства императорского двора сформулировало в докладе от 8 июля 1897 г.: "...поставив управляющих (имениями.- Т.С.) в близкое соприкосновение с вверенною им частью округа, доставить им возможность совершеннее изучить имение. Результатом такого близкого знакомства с имением должно быть увеличение его доходности и развитие ... хозяйственных операций, дающих возможность извлекать доход от тех богатств края, которые без того оставались бы без эксплуатации"[24].

В соответствии с приказом Кабинета от 29 марта 1897 г. вся территория округа была разделена на 12 имений. "Ближайшее управление" лесами и арендными районами вверялось управляющим имениями[25]. В их ведении находились хозяйственные дела, организация охраны лесов, наблюдение за правильной эксплуатацией земель, сданных в аренду, их учет, котроль за делопроизводством по управлению и служащими имений.

Помощники управляющих заведывали в имениях канцеляриями и

отвечали за состояние одного из участков, на которые делилась территория каждого имения[26]. Все остальные участки находились под надзором младших помощников управляющих и лесных смотрителей. Младшие помощники являлись штатными должностными лицами, в то время как лесные смотрители избирались по вольному найму. Служебное звание лесных смотрителей вводилось "Правилами по лесной части" 22 апреля 1897 г.[27] За счет них был усилен на 36 человек состав младших помощников управляющих имениями, 26 штатных единиц, которых с самого начала было явно недостаточно для заведывания отдельными участками в 12 имениях[28].

Участки делились на объезды. Объезды вверялись старшим и младшим объездчикам[29]. Они обеспечивали охрану лесов и подчинялись младшим помощникам управляющих, лесным смотрителям или помощникам управляющих, если их объезды входили в состав их участков. В 1898 г. в Алтайском округе насчитывалось 547 объездчиков[30].

Новая система хозяйственно-территориального деления округа на имения и единое управление лесами и земельно-оброчными статьями сыграли свою роль. Доходы Кабинета от имений выросли в 1899 г. по сравнению с 1896 г. в 2,2 раза (с 486095 р. до 1090993 р.)[31]. В общей сумме прибыли от Алтайского округа они составили в 1899 г. 32,2%. Наиболее выгодной отраслью становилось лесное хозяйство. Его доля в доходах от имений равнялась 69,1%[32].

Однако чистая прибыль от имений, за вычетом затраченного капитала и издержек на содержание администрации, не превысила в 1899 г. 325 тыс.р. Кабинет и главное управление Алтайского округа, оставаясь по своей сути феодальными учреждениями, медленно приспосабливались к запросам капиталистического рынка и к использованию капиталистических методов хозяйствования.

Вскоре после введения административно-хозяйственное деление округа на имения и управление ими обнаружили серьезные недостатки. Обширность имений, охвативших сотни тысяч десятин земли и леса, затруднила деятельность управляющих имениями, которые не сумели изучить вверенное им хозяйство и правильно организовать его.

Помощники управляющих имениями с увеличением хозяйственных заготовок и отпусков населению леса были вынуждены заниматься механической работой по выдаче билетов на лесные материалы и отчетностью. Управление округа возложило на них участие в лесо-

и землеустроительных работах на территории имений. В результате порученные им участки оказались без надзора.

Лесные смотрители дублировали действия помощников управляющих имениями только на меньшей территории и с меньшими правами, что увеличивало количество запросов к высшим инстанциям, способствовало процветанию канцеляризма и отвлекало их от решения чисто хозяйственных вопросов.

Недостатки управления Алтайским округом стали особенно заметны в ходе осуществления землеустройства. Усложнение функций местной администрации, растущий объем работ показали несостоятельность существовавшей здесь системы управления.

С 1899 г. значительно возросла численность кабинетских чиновников и служащих в Алтайском округе за счет землеустроителей. В штате землеустроительных партий Кабинета было 137 человек[33]. На вновь созданный орган возлагались следующие обязанности: образование новых переселенческих участков, землеустройство старожилов, а также переселенцев, которые получили приемные приговоры в старожильческих селениях или имели право на землеустройство по закону 27 апреля 1896 г.[34]

Руководство землеустроительными работами на Алтае ввиду их особой значимости Кабинет оставил за собой, непосредственно подчинив заведующего землеустройством округа своему земельно-заводскому отделу. Тем самым главное управление Алтайского округа освобождалось от руководства чисто техническими вопросами, связанными с землеустройством.

Управляющие имениями или их помощники входили в состав земельно-устроительных комиссий, где под председательством начальника землеустроительной партии с участием производителя межевых работ, крестьянского начальника, податного инспектора, исправника, рассматривались проекты земельных наделов крестьянским обществам.

Таким образом, в период землеустройства на администрацию имений были возложены важные дополнительные обязанности, которые выходили за рамки полномочий, предусмотренных реформой 1861 г. Выполнение их отрицательно сказывалось на состоянии земельно-лесного хозяйства имений. Более рациональная организация управления Алтайским округом и его "земельно-лесной частью" в целях извлечения наибольших доходов от эксплуатации земель и лесов превратилась в настоятельную потребность в начале XX в.

I. См.: 2-е ПСЗРИ. Т.37. Отд-е 2. № 39043.
2. Вопрос о владельческой принадлежности Алтайского горного округа является дискуссионным. Мы придерживаемся позиции большинства авторов коллективной монографии "Крестьянство Сибири в эпоху капитализма" (Новосибирск, 1983), считающих сибирские кабинетские округа государственной собственностью, доходы от которых использовались для содержания монархии.
3. ЦГИА СССР, ф.1265, оп.12, д.121, лл. 5-7; 2-е ПСЗРИ, т.38, отд-е 2, № 40438.
4. ЦГИА СССР, ф.468, оп.23, д.2721, л.8.
5. Там же, лл. 8-10.
6. 3-е ПСЗРИ, отд.I, № 16991, с.556, 558-559, 562.
7. Там же. С.555.
8. Там же. С.562.
9. Там же.
10. Жидков Г.П. Указ.соч. С.184; 3-е ПСЗРИ. Т.3. № 1366.
11. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747-1897 гг.). СПб., 1897. С.56-58.
12. Жидков Г.П. Указ.соч. С.55-56.
13. ЦГИА СССР, ф.468, оп.22, д.762, л.327.
14. Там же. Л.380, 385.
15. Злахопулов А. Свод законоположений и распоряжений, относящихся до поземельного устройства приписных крестьян, мастеровых и урочников Алтайского и Нерчинского округов, составляющих собственность Его Императорского Величества. 1858-1882. Б.м. и б.г. С.77.
16. ЦГИА СССР, ф.468, оп.23, д.850, л.12 об.
17. Там же, лл. 8 об.- 9.
18. Там же, лл. 12 об.-13.
19. Там же, оп.22: д.804, л. 31 об.
20. Там же, оп.23, д.100, лл.5 об., 9, 12 об. 14.
21. Жидков Г.П. Указ.соч. С.140.
22. ЦГИА СССР, ф.468, оп.22, д.804, лл.38 об-59 об.
23. См.: 3-е ПСЗРИ, т.16, отд-е I, № 12738, с.123-125, 270; ЦГИА СССР, ф.468, оп.24, д.182, лл.128-164.
24. ЦГИА СССР, ф.482, оп.7, д.342, л.1.
25. Там же, ф.468, оп.24, д.182, л.129.
26. Там же, л.129-130.

27. Там же, л.160.
28. Там же, д.183,л.78; 3-е ПСЗРИ, т.16, отд-е 2, № 12738.
29. Там же, д.182, лл. 160-161.
30. Там же, д.183, л.78.
31. Там же, д.532, л.24.
32. Подсчитано нами на основании данных таблиц земельно-лесных доходов Алтайского округа за 1896-1902 гг. Там же.
33. 3-е ПСЗРИ, Т.19. Отд-е 2. № 16599.
34. По положению от 27 апреля 1896 г. переселенные, имеющие "домообзаводство и занимающиеся хлебопашеством", подлежали причислению к старожильческим селениям без приемных приговоров, если в пользовании сельских обществ находилось не менее 15 десятин удобной земли на наличную ревизскую душу, включая и вновь принятых. См.: 3-е ПСЗРИ, Т.16. Отд-е 1, № 12837.

З.П.БОЙКО

РОЛЬ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ В ФОРМИРОВАНИИ КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Кредитная система является одним из важнейших атрибутов капиталистического способа производства. Вместе с тем она, как и торговый капитал, предшествует капиталистическому производству, становясь, таким образом, одним из условий его развития и изменяясь вместе с ним. Состояние системы кредита служит поэтому показателем развития капиталистических отношений и с этой точки зрения вызывает интерес экономистов и историков, изучающих историю буржуазии различных стран и регионов.

В статье предпринимается попытка определить роль Государственного и коммерческого банков в формировании и деятельности крупной буржуазии западносибирского региона с 1861 до середины 90-х гг. XIX в.

В дореволюционной литературе эта тема затрагивалась в работах М.И.Боголепова, отстаивавшего точку зрения либеральной буржуазии о необходимости государственного поощрения частного предпринимательства через систему кредита[1].

В советское время к теме обращались А.Шиша, А.П.Бородавкин, А.А.Говорков, Л.М.Горюшкин, Б.Г.Корягин, И.Г.Мосина, Г.Х.Рабинович[2].

В предпринимательской деятельности крупной сибирской буржуазии еще в дореформенное время сложилась практика коммерческого кредита товарами. Сибирские купцы получали в кредит необходимые товары непосредственно от фабрикантов или от крупных оптовиков на Нижегородской или Ирбитской ярмарках. Большая часть купцов брала ссуды у ростовщиков, которым платила высокие проценты. Чрезвычайно сложно определить объем такого ростовщического кредита, так как сделки держались в тайне и не документировались. Медленность товарооборота из-за отдаленности рынков сбыта и слабого развития транспорта обусловливала исключительно высокие проценты кредитования.

Начало капиталистической кредитной системы Западной Сибири положили городские общественные банки, которые учреждались при местных городских думах и имели право на "прием вкладов, учет векселей с двумя подписями на срок не более 12 месяцев и ссуды

под залог процентных бумаг, товаров, драгоценных вещей и недвижимых городских имуществ"[3]. Но на практике банки давали ссуды под поручительства; ссуды под залог распространились только в 80-е гг.

Первый такой банк был основан в Томске в 1843 г. на пожертвования умершего в 1833 г. коммерции советника А.Я.Попова. Основной капитал составлял первоначально 857I5 р. серебром[4]. Согласно завещанию прибыли этого банка должны были пойти на устройство женского образования в Томске, и в 1862 году на полученные средства были открыты Томская и Омская женские гимназии[5].

В Томской губернии до конца XIX в. томский банк оставался единственным, в то время как с соседней Тобольской их было 6 и давали они прибыли в 4 раза больше (табл. I). Такое существенное отличие в развитии городского кредита объясняется наличием в Томске в пореформенный период отделений Государственного и Сибирского торгового банков, поздним введением городского самоуправления в Алтайском горном округе, большим влиянием на социально-экономическую жизнь Тобольской губернии капиталистического уклада Европейской России.

В становлении городских банков в Западной Сибири есть много общего. Некоторые из них, как и томский банк, были основаны на пожертвования крупнейших предпринимателей. В Кургане таковыми был В.Богашев, в Таре - кяхтинский чаеторговец-миллионер, уроженец Тары Я.А.Немчинов.

Обладая незначительными основными капиталами, городские банки брали очень высокие проценты за кредит и другие финансовые операции. Величина оборотов этих банков зависела не от суммы основных капиталов, а от размеров оборотных операций, которые, в конечном счете, определялись уровнем развития экономической жизни того или иного города.

Экономический кризис 1873 г. и русско-турецкая война 1877-78 гг. не отразились на мелких местных банках, и в 1881 г. они достигли высшей точки своего развития (по всей России их оборот составил 206,2 млн.р.)[6]. Увеличился оборот сибирских банков: в Тобольской губернии[7] в 1880 г. он равнялся 895277I р., в Томском и Омском банках соответственно 3520963 и 954082 р.[8], что в сумме составляло 13427816 р., т.е., почти 7% от общероссийского оборота. Если по России прирост оборотов за пятилетие 1876-1880 гг. составлял 55,8%, то по Западной Сибири он был 62,1%. Однако в дальнейшем наблюдались резкие колебания оборота западносибирских городских банков: в 1890 г. он был ниже уровня 1875 г.[9]

Таблица I

Городские и общественные банки Западной Сибири в пореформенный период[x]

Городские банки	Год основания банка	Размер основного капитала в год основания (в р.)	Данные на I янв. 1876 г. (в р.)					
			Основной капитал	Общий оборот	Прибыль	Вклады процентные	Ссуд выдано	Векселей учтено
Тобольский	1868	10000	32000	1104744	29683	155690	23068	392894
Тюменский	1864	13000	70500	3023555	68540	448236	140861	883947
Курганский	1865	20000	104706	1696326	34511	87687	163155	614056
Ишимский	1875	10000	11864	276867	5715	48966	2150	107325
Тарский	1868	35000	56617	326185	10207	45887	6207	136712
Тюкалинский	1882	10000	-	-	-	-	-	-
Омский	1875	10000	нет св.	582082	11453	115453	36078	150191
Томский	1843	85715	331144	954349	67143	105543	80227	757163
Всего на I янв. 1876 г. по Западной Сибири:			606921	8964108	227257	1006464	456746	3042288

[x] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882, с.10,21,44,53,65,165; ЦГИА СССР, ф.1290, оп.4, д.33, л.6 (Томская губ.); ф.1284, оп.69, д.294, л.26 (Тобольская губ.).

Это объяснялось рядом причин.

Во-первых, в кредитной системе региона в то время происходило вытеснение мелких и средних городских банков крупными акционерными банками, отделения которых к концу XIX в. открылись во многих торгово-промышленных центрах Западной Сибири. Во-вторых, городские общественные банки брали за кредит чрезвычайно высокие проценты - 12% годовых за краткосрочную ссуду и 8% - за долгосрочную. В этой связи отмечалось, например: "Тобольские купцы и особенно рыботорговцы давно нуждаются в более дешевом кредите..."[10] В-третьих, вексельное обращение и банковское кредитование торгового оборота в Западной Сибири, как, впрочем, и по всей России, несли печать архаичности и отсталости самой торговли и пассивного приспособления к ним банков (господство поручительного векселя, преобладание его над товарным, переписка векселей с целью отсрочки выплаты долгов).

Остановимся на последнем моменте подробнее. Отмечено, что "у оптовых торговцев редко кто соглашается купить в кредит с выдачей векселей, боясь потерять клиента, которому, наверное, соседний торговец продает, не требуя такого документа..."[11] Очевидно, определенная часть местной буржуазии избегала банковских операций еще и в силу своей низкой коммерческой культуры, недоверия к выдаче расчета за полученные товары путем выдачи векселей, а не денег или "купеческого слова" заплатить их. В то же время наиболее дальновидные представители сибирской буржуазии начали свою коммерческую карьеру путем сделок через банк. Удалось, например, обнаружить, что Н.М.Чукмалдин, крупный тюменский, а затем и московский торговец-миллионер, получил в 1868 г. в тюменском городском банке ссуду в 1,5 тыс.р. на 12 мес. под учет векселя тюменского купца Д.Ланина[12].

Журналы городских банков пестрят именами наиболее крупных и инициативных предпринимателей. При этом банк внимательно следил за состоянием дел своих клиентов и в случае их упадка ограничивал или прекращал кредит. Из 194 лиц, изъявивших желание кредитоваться в Томском городском банке, не был открыт кредит 87 лицам. Среди оставшихся 107 кредитующихся было 13 мещан (12,1%), 1 крестьянин (0,9%), 1 чиновник, торгующий по торговому свидетельству (0,9%), и 92 купца (86,1%)[13]. Максимальные кредиты в 30 тыс.р. брали крупнейшие торговые фирмы - Петрова и Михайлова, бр. Ка-

менских, представители старинных купеческих фамилий Я.Акулов, Д. Тецков, И.Кренев, золотопромышленники З.Цибульский, Б.Хотимский, винозаводчик Е.Королев.

К концу 70-х гг., когда оборот сибирских городских банков приблизился к своему максимуму, число крупных кредитов (более 25 тыс.р.) увеличилось с 8 в 1873 г. до 21 в 1879 г., причем верхний предел кредита был поднят с 30 до 45 тыс.р.[14]

Около половины всех кредитующихся в томском городском банке было приписано к другим, преимущественно западносибирским городам. Наибольший кредит среди них брали торговцы мануфактурой, сельхозпродуктами и пароходовладельцы[15].

Крупная буржуазия стремилась выторговать для себя более выгодные условия кредита. Так, в постановлении Ишимской городской думы, состоявшей преимущественно из предпринимателей, содержались следующие требования улучшить работу городского банка:

1. Возможность брать кредит на более крупную сумму.
2. Уменьшение процента, взыскиваемого банком по ссудам и учету векселей.
3. Зведение различия между процентом по учету векселей и кредиту под недвижимость.
4. Увеличение срока действия векселя до одного года и выдачи вместо ссуды под поручительство ссуды под товары, а также под драгоценные и другие, не подлежащие порче вещи[16].

Последнее, по мнению авторов постановления, должно было служить "не только увеличению прибылей банка, но и борьбе с развитием тайного ростовщичества, которое взимает от 5 до 10% ежемесячно"[17]. Однако только в конце 80-х гг. XIX в. положение с кредитованием несколько улучшилось - стал шире практиковаться кредит под недвижимость. До конца XIX в. городские банки Западной Сибири сохраняли сословные ограничения, удовлетворяли потребности в кредите только верхушки городского купечества.

Положение с кредитом в Западной Сибири несколько улучшилось в связи с открытием в 1865 г. отделения Государственного банка в Томске. Значительно позднее такие отделения были открыты в Тюмени и Тобольске (1894 г.) и Омске (1895 г.). В деятельности этих отделений преобладали долгосрочные вексельные кредиты при значительном обеспечении. Острая нужда в кредите, меньший, чем в городских банках, процент при ссудах обеспечивали быстрый рост

оборотов Томского отделения Государственного банка: если в 1865 г они составляли за неполный год 50 тыс. р., то в 1883 г. они выросли до 32 млн.р.[18]

Деятельность отделений Госбанка в Западной Сибири во 2-й половине XIX в. могла быть значительно шире, но царское правительство постоянно ограничивало размеры и количество ссуд, и часть средств перекачивалась из региона в центр. Как отмечает И.Ф.Гиндин: "Совсем неприглядно выглядит деятельность Банка на полуколониальных окраинах Сибири, Кавказа и Закавказья: при почти 25 млн. р. местных денежных капиталов вся задолженность клиентуры по вексельным кредитам в 10 филиалах достигала только 2 млн.р., или 8%, а свыше 22 млн.р. отвлечены в центр"[19].

Отмечая количественное увеличение финансовых операций Томского отделения Банка на протяжении 60-80- х гг. XIX в., следует учитывать, что государственного кредита было лишено крестьянство, широкие слои мелкой и средней буржуазии.

Этого положения не исправил открывшийся в Екатеринбурге в 1872 г. акционерный частный "Сибирский торговый банк", который, как показывает его название, в своей деятельности был ориентирован на Сибирь. Учредителями этого банка были крупнейшие российские предприниматели, тесно связанные с сибирской экономикой - виноторговец и пароходовладелец А.Ф.Поклевский-Козелл, золотопромышленники З.И.Асташев, Н.Д.Бенардаки, Г.Гинзбург, банкир Л.М.Розенталь, представители знати И.А.Шувалов и П.П.Дурново[20]. Вскоре были открыты отделения этого банка в Томске и Тюмени, временные отделения - на Ирбитской, Крестовской и Ишимской ярмарках.

Сибирский торговый банк несколько расширил круг кредитующейся буржуазии, но, как и Государственный банк, отдавал предпочтение крупным предпринимателям. Например, в Томске ими были извозопромышленник Кухтерин, виноторговцы и ростовщики братья Королевы, хлеботорговец Горохов. В целом среди кредитующихся в этом банке наибольшие кредиты получали западносибирские золото- и извозопромышленники, виноторговцы и пароходчики, что говорит, скорее, не о развитии отдельных отраслей сибирского хозяйства, а о концентрации в них крупных капиталов, под которые охотнее давался кредит.

Ввиду недостаточного удовлетворения банковским кредитом, нужды в заемном капитале предприниматели вынуждены были обращаться

к ростовщику, влияние которого на деловую жизнь региона в пореформенное время было весьма значительным. Крупными ростовщиками являлись наиболее богатые предприниматели: в Томске - братья Королевы, в Тюмени - П.Андреев и др. Занятие ростовщичеством не выступало в чистом виде, переплетаясь с другими отраслями предпринимательства. До проведения в Сибири железной дороги значительную роль в ее экономике играли торгово-промышленные комплексы. Целый ряд предпринимателей владел одновременно несколькими предприятиями в отдельных отраслях промышленности. Центром такого комплекса, как правило, было торговое "дело".

Разделяя мысль Г.Х.Рабиновича о необходимости дальнейшего изучения торгово-промышленных комплексов[21], предварительно отметим, что большую роль в их деятельности играл ростовщический капитал. О ростовщическом характере деятельности некоторых крупных западносибирских капиталистов свидетельствует состав их наследственного имущества. Так, у томского купца В.И.Королева в долгах после смерти находилось около 300 тыс.р.[22], у умерших в 1892 г. ялуторовского купца К.З.Колмакова и тарского купца А.Д.Калинникова в долгах было соответственно 129616 р.[23] и 141926 р.[24] Тюменский чаеторговец Г.Т.Молодых ссудил только в 1880 г. до 15 тыс. р. купцам Колмогорову, Воинову и Шершавину[25].

У некоторых предпринимателей размер капиталов, розданных в долг, превышал половину всего значительного наследственного имущества, что ясно указывает на ростовщический характер их деятельности.

Кредитование под чрезвычайно высокие проценты являлось характерной чертой ростовщического кредита. О последнем много писала периодическая печать того времени. "Оставляя под залог ценные вещи, - писал корреспондент из Барнаула, - у ростовщиков можно получить ссуду в 10-15% с рубля за месяц[26]. Ростовщики в Западной Сибири брали такие проценты, о каких не смеет мечтать ни один европейский ростовщик"[27]. Как свидетельствовал В.З.Берви-Флеровский, некоторые золотопромышленники в Сибири, имевшие прииски, разработки которых приносили определенную прибыль, разорялись "от безалаберного хозяйства и от крайне высоких процентов на заемный капитал"[28].

В 80-е гг. в городах Западной Сибири наблюдался процесс перерастания ростовщического кредита в капиталистические его формы. Были открыты частные банкирские конторы, крупнейшими из которых

являлись П.Андреева-в Тюмени и Е.Ельденштейна-в Томске. Размеры оборотов таких контор определить довольно сложно. Так, в 1889 г. три томских ростовщика определили свою прибыль в следующих размерах: Ельденштейн - 4 тыс.р., Яппо - 2 тыс., Мизгер - 1,5 тыс., что явно не соответствовало действительности. "Барыши их нужно считать, конечно, в несколько раз больше - ведь ростовщичество и винное дело - самые выгодные занятия не только в Сибири, но и во всей России",- комментировались эти цифры в периодической печати того времени[29].

Официальная статистика конца XIX в., основываясь на сведениях самих ростовщиков, давала порой весьма приблизительные данные о размерах частного кредита и его прибыльности. На 1889 г. в Тобольской губернии размер прибыльности частных кредитных учреждений определен в 9,8%, а в Томской губернии - 5%[30], что было явным занижением действительных прибылей.

Более точные, на наш взгляд, данные о размерах операций частного кредита на 1892 г. выглядят следующим образом: годовой оборот банкирских контор в Тобольской губернии составил 160 тыс. р., прибыль - 31 тыс.р. (19,4% прибыльности); в Томской соответственно 106 тыс. р. (10,6% прибыльности). В сумме по Западной Сибири, кроме Омска, частный банкирский оборот исчислялся 226 тыс.р., прибыль - 42,2 тыс.р., средняя прибыльность - 15%. Включив сюда омских ростовщиков и учитывая скрытность банкирских операций, можно смело увеличить оборот банкирских контор вдвое. В периодической печати того времени подтверждается существование незарегистрированных государственными органами ростовщиков: "С введением закона о ростовщичестве и организацией надзора за деятельностью ссудных касс томские содержатели ссудных касс позакрывали свои заведения... но вместо гласных касс в Томске открылось много тайных, обычный доход которых - 100-120% годовых"[32].

Высокий процент прибыльности в ростовщичестве обеспечивал приток в него новых капиталов, что тормозило промышленное развитие края. Таким образом, отчетливо подтверждался вывод В.И.Ленина о том, что "... слабое развитие промышленного капитала означает лишь громадное развитие торгового и ростовщического капитала"[33].

Итак, анализ состояния кредитной системы Западной Сибири во второй половине XIX в. убеждает в следующем. С одной стороны, кредит не мог полностью обеспечить потребности буржуазии в заемном капитале. Кредитовались прежде всего те отрасли хозяйства,

которые могли обеспечить высокий процент прибыльности вложенного в них капитала и характеризовались высокой концентрацией капиталов. Такими отраслями являлись, в первую очередь, виноторговля, золотопромышленность, извозный и речной траспорт.

С другой стороны, кредит способствовал перераспределению капиталов и уравниванию нормы прибыли, что благоприятно сказывалось на капиталистическом накоплении, формировании в Сибири буржуазии.

---

1. Боголепов М.И. Кредит в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908, с.37-60; Он же: Банковская энциклопедия. Киев, 1914.
2. Шиша А. Кредит в Сибири в прошлом и настоящем // Северная Азия. 1928. № 2 (20), С.23-38; Бородавкин А.П., Говорков А.А. К истории торговли и торгово-ростовщического капитала в Сибири (1861-1891) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып.2. С.38-55; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX - начало XX вв. Новосибирск, 1967; Корягин Б.Г. Проведение реформы 60-х гг. XIX в. в области финансов в Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып.17. С.218-224; Рабинович Г.Х. Из истории кредита в дореволюционной Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1976. Вып.9. С.46-62.
3. См.: Гурьев А. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904. С.63.
4. ГАТО, ф.160, оп.1, д.470, л.9.
5. ЦГИА, ф.1281, оп.7, д.77, л.30.
6. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948. С.44.
7. ЦГИА СССР, ф.1284, оп.70, д.271, л.13.
8. Там же, д.361, л.48.
9. Там же, оп.223, д.153, л.25-26, ф.20, оп.6, д.764, л.1 2.
10. Восточное обозрение, 1894, 17 февр.
11. Гамбаров П. К вопросу о банках краткосрочного кредита. Стеснение на денежном рынке и наши банковские порядки. Киев, 1885. С.7.
12. ГАТюмО, ф.83, оп.1, д.20, л.20.
13. ГАТО, ф.150, оп.1, д.527, л.2-236.
14. Там же, л.2,6,7,16.
15. ГАТО, ф.150, оп.1, д.527, л.2-236.
16. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО), ф.152, оп.561, д.369, л.77-79.

17. Там же, л.79.
18. ЦГИА СССР, ф.1281, оп.7, д.77, л.32.
19. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892). М., 1960. С.347.
20. Тигранов Г.Ф., Оль В.П. Драгоценные металлы. М., 1925. С.56.
21. Рабинович Г.Х. Обрабатывающая промышленность Сибири и Дальнего Востока накануне проведения Транссибирской железнодорожной магистрали // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С.112.
22. ЦГИА СССР, ф.1002, оп.2, д.771, л.12.
23. ТФ ГАТО, ф.154, оп.26, д.616, л.12.
24. Там же, д.621, л.6.
25. ГАТомО, ф.1, оп.1, д.13, л.232.
26. Сибирская газета. 1887. 6 июня.
27. Сибирь. 1885. 20 февр.
28. Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения. М., 1958. Т.1. С.40.
29. Восточное обозрение. 1890. 8 янв.
30. См.: Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 г. СПб., 1892. С.261,263.
31. ЦГИА СССР, ф.20, оп.6, д.771, л.1-2; д.776, л.1-2.
32. Восточное обозрение. 1896. 25 янв.
33. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.439. Примеч.

Н.А.ТРОИЦКАЯ

ПРОМЫСЛЫ КАК СФЕРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КРУПНОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ БУРЖУАЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – начале XX вв.

В экономике Дальнего Востока второй половины XIX – начале XX вв. большое значение имели промыслы, возникновение которых определялось богатыми природными условиями. История становления и развития этой отрасли хозяйства постоянно была в центре внимания советских исследователей: историков, географов, экономистов[1]. Среди всей совокупности работ выделяются статьи И.П.Трофимова и И.Л.Бешты, непосредственно посвященные изучению капиталистического предпринимательства в морском и лесном промыслах. Авторы отмечали, что капиталистически наиболее развитым был китобойный промысел, менее всего – лесной, в рыбодобыче до конца XIX в. господствовал торгово-ростовщический капитал и что в условиях малоэффективных и эпизодических мероприятий правительства по охране природных богатств Дальнего Востока заметную роль в ряде промыслов играл иностранный капитал[2]. Этому в значительной степени способствовало отсутствие в течение долгого времени в данных отраслях крупного российского капиталистического предпринимательства.

Задача данной статьи показать роль промыслов как сферы деятельности крупной буржуазии на Дальнем Востоке периода домонополистического капитализма на основе привлечения новых литературных источников.

Во второй половине XIX в. внимание европейских российских капиталистов и иностранцев привлекали морские богатства Дальнего Востока, повышенным спросом на мировом рынке пользовалась продукция китобойного промысла. Учитывая, что должной охраны территориальных вод и побережья правительство обеспечить не могло, иностранные капиталисты широко практиковали незаконный хищнический промысел рыбы, китов, морского зверя и морепродуктов.

Русское предпринимательство на китобойном промысле в Тихом океане в конце 50-х гг. XIX в. было начато Российско-Американской и созданной при ее участии Российско-Финляндской компаниями, содержавшими факторию на берегу Охотского моря. Надзор за ее деятельностью осуществлял капитан-лейтенант, начальник порта

Аян А.Эльфсберг[3]. Дела компаний шли к закату, когда в крае для самостоятельного дела появился вольный шкипер, бывший служащий Российско-финляндской компании О.В.Линдгольм с товарищами. Образованная ими "Тугурская китобойная компания" занялось ловом китов и морских зверей в прибрежных водах Охотского моря и Шантарских островов, а также торговлей. Продукция сбывалась на Сандвичевы (Гавайские) острова и в Сан-Франциско. К 1873 г., т.е. примерно за десять лет, компания добыла 65 китов на сумму более 400 тыс.р., израсходовав при этом 75 тыс.р.[4] На промысле и обработке продукции в фактории было занято более 100 рабочих, в основном из числа местного населения. Трудности ведения добычи, сопряженной с риском для жизни самого предпринимателя, так как охотился на китов он часто собственноручно, способствовали тому, что Линдгольм промысел оставил и занялся торговлей. Главной же причиной было истощение китовых популяций у берегов Охотского моря, сильнейшая конкуренция иностранных китобоев, использовавших новую технологию промысла, паровые суда, новейшие гарпуны.

Ряд русских предпринимателей попытались возобновить китобойное дело на Дальнем Востоке, привилегия досталась энергичному отставному лейтенанту флота А.Г.Дыдымову. В 1887 г. с помощью правительственной субсидии в 50 т.р. он организовал капиталистическое предприятие по добыче и переработке китов. Из местных предпринимателей материальную поддержку делу Дыдымова оказал владивостокский купец I гильдии М.Г.Шевелев. Отправляясь на Дальний Восток, предприниматель приобрел в Бергене специальный пароход мощностью в 130 л.с. и водоизмещением 41 т, получивший название "Геннадий Невельской". Уже первые 4 месяца функционирования предприятия продемонстрировали успешность дела: было добыто 23 кита. Весь улов первого года был реализован в Японии и Англии, дав 20 тыс.р. чистой прибыли[5]. Дело было прекращено в связи с трагической гибелью предпринимателя и промыслового судна зимой 1890 г.

Через четыре года фактория А.Дыдымова в бухте Гайдамак Приморской области перешла в собственность китобойного товарищества графа Г.Г.Кейзерлинга, пайщиками которого были столичные капиталисты, дворяне, чиновники. "Тихоокеанское китобойное общество графа Кейзерлинга и К°" имело широкую правительственную поддержку: до 1899 года им были получены ссуды в размере 175 тыс.р. Оно располагало двумя, изготовленными по специаль-

ному заказу в Норвегии пароходами и 70 рабочими. З 1898 г. Кейзерлинг писал: "Дело оправдало мои надежды, за короткий период времени оно окрепло и развилось, и в настоящее время является необходимостью расширить его и присоединить к нему рыбный промысел[6]". На следующий год товарищество продало имущество акционерной компании под тем же названием, в число директоров которой вошли братья Кейзерлинги, дворянин Рудзянский и нидерландский подданный Ф.Грус. Наибольшее число акций принадлежало коллежскому советнику М.П.Забелло (1336 акций) и семье Кейзерлингов, из которой учредитель, Генрих, имел вместе с прежним товариществом 3519 акций, камер-юнкер двора Альфред - 51, и Гуго - 402 акции[7]. Для надзора за правильным расходованием правительственной ссуды в состав правления был введен директор от министерства финансов, первоначально капитан I ранга С.И.Кази, с 1903 г. - Азбелев. Распределение акций, из которых более 88% принадлежало русским компаньонам, свидетельствует о необходимости уточнения утверждения о подчинении данной компании иностранному капиталу[8].

Товарищество, действительно, работало на зарубежный рынок, так как в России его продукция практически не имела сбыта, но было организовано на российский капитал, и прибыли оседали в карманах отечественных капиталистов. Основной капитал компании составил 1,5 млн.р. Для расширения дел были куплены еще 2 парохода в Англии, а также выписаны мастера по засолке рыбы из Астрахани. На 665 дес. земли, принадлежавших компании, разместились жиротопенный, лесопильный, мыловаренный, жестянобаночный заводы, паровые механические чугунолитейные мастерские и док для ремонта судов. На всех предприятиях было занято до 300 рабочих[9]. В связи с сокращением китовой добычи общество сохранило свои доходы за счет рыбного промысла и транспортных работ. За первый год деятельности оно получило 28 тыс.р. чистой прибыли, а все имущество при оценке в 1904 г. составило 645 тыс.р.[10]

Черты капиталистического промысла постепенно приобретала и добыча рыбы, привлекая крупные местные капиталы. До начала 80-х гг. XIX в. ценные промысловые рыбы рек и морей Дальнего Востока использовались преимущественно местным населением для удовлетворения жизненных потребностей. Крупный промысел в условиях отсутствия каких-либо ограничений и контроля со стороны правительства России вели японские рыбопромышленники. Первое отечествен-

ное рыбопромысловое предприятие было организовано в 1880 г. предпринимателями Филиппеусом и Лемашевским. Для поощрения деятельности и защиты от конкурентов русским капиталистам была разрешена беспошлинная добыча рыбы в Охотско-Камчатском районе. Одновременно постановлением от 21 февраля 1880 г. была введена 50-копеечная попудная пошлина для иностранцев. Однако японские рыбопромышленники продолжали незаконный лов рыбы или маскировались именами русских "компаньонов", например, таких, как отставной лейтенант Г.Зотов. Несмотря на это, с начала 80-х гг. XIX в. российский капитал начинает активно действовать в рыбном промысле. На рубеже веков купцы А.Надецкий, Ш.Зейнерман, И.Галичанин, М. Штыхман, бр. Курляндские в Николаевском промысловом районе заготавливали ежегодно более тысячи бочек рыбы каждый[11]. Крупными рыбопромышленниками в Сахалинском и Зладивостокском промысловых районах были купцы Я.Семенов, А.Демби, К.Лавров, Г.Крамаренко и др. Краткосрочная аренда на участки, недостаток свободных рук и капиталов способствовали тому, что до конца XIX в. в рыбодобыче господствовала рассеянная мануфактура. Торговцы снабжали крестьян окрестных деревень всем необходимым для лова и засолки рыбы, а затем скупали готовую продукцию. Крупным капиталистам такой способ заготовки, занимая 1,5-2 месяца, давал 100-200% прибыли на затраченный капитал и практически подчинял промысел торгово-ростовщическому капиталу[12].

Правила 1901 г., разрешившие долгосрочную аренду промысловых участков, заметно оживили деятельность российских капиталистов. Появился стимул для организации крупных предприятий по переработке рыбопродуктов. Однако запрет иметь только иностранных рабочих создавал некоторые затруднения. Так, например, сахалинские и камчатские промыслы существовали в основном за счет дешевых наемных рабочих из Японии[13]. Предпринимателям понадобились дополнительные средства для найма, доставки и обучения русских рабочих. В долгосрочную аренду (4-6 лет) участки в низовьях Амура взяли Зейнерман, Лавров, Галичанин, Зинкевич и др., в Приморской области и на острове Сахалин - Семенов, Демби, Крамаренко, Галичанин, Камчатское торгово-промышленное товарищество. Причем в сахалинском районе сроки аренды были увеличены до 7-11 лет с условием иметь не менее 10-15% русских рабочих. Заводы на промыслах обязались построить И.Галичанин (2 завода, общей стоимостью 60 тыс.р.) и А.Надецкий (завод стоимостью

45 тыс.р.). Деятельность предприятия И.Галичанина была субсидирована правительством. Занятия рыбным промыслом он начал с конца 70-х гг. XIX в., имел промыслы близ Хабаровки для удовлетворения местных нужд. Трижды совершал поездки в Японию с целью изучения опыта организации промысла. Крупное предприятие начал в 1901 г., имея 200 тыс. р. собственного капитала и столько же кредита, в 1903 г. ему были предоставлена правительственная ссуда в 100 тыс р. при условии 6% годовых на 5 лет. Продукция консервного завода И.Галичанина, в том числе лососевая икра, с 1902 г. вывозилась в Сибирь, Москву и Петербург[14].

Вопросы сбыта были одними из важнейших в деятельности дальневосточных рыбопромышленников. Потребности местного рынка в продукции капиталистического рыбного промысла были невелики. В начале XX в. казна, прииски, города Дальнего Востока потребляли 300-400 тыс.пуд. рыбной продукции, а производилось ее для продажи более 1 млн.пуд.[15] Основной сбыт рыбопромышленники находили за границей - в Китае и Японии, так как использовали преимущественно японский способ засолки рыбы и приготовления тука. Кроме того, доставка этой продукции в близко расположенные страны не требовала специально оборудованных рефрижераторных судов, как например, в Европу. Предпринятые в 80-е гг. XIX в. купцом Барановым попытки отправить соленую рыбу в Одессу оказались неудачными[16].

Старейшим рыбопромышленником края, одним из первых начавшим вывозить морепродукты за рубеж, был владивостокский I гильдии купец Я.Л.Семенов. Торгуя в начале 60-х гг. XIX в. пушниной в Приморских районах, он познакомился с промыслом морской капусты. В 1864 г. начал самостоятельное дело, экспортируя продукцию в Китай. Организация промысла была характерной для торгово-ростовщического капитала. В 1878 г. он получил в бесплатную аренду западную часть Сахалина для организации морского промысла в компании с владивостокским купцом Г.Ф.Демби[17]. Полное товарищество "Семенов-Демби" занималось добычей и переработкой рыбы, морской капусты, трепангов. В 1889 г. им было вывезено за границу 141,7 тыс.пуд. морской капусты, 41,1 тыс.пуд. селедочного тука, 11,6 тыс.пуд. соленой рыбы и 397 пуд.икры[18]. Сбытом продукции в Японии занимался специальный представитель компании в Хакодате А.Г.Демби, сын участника товарищества. В конце XIX в. вместе с компанией Семенова рыбу для японских рынков заготавливало "Русское товарищество котиковых промыслов" на Камчатке, поставлявшее в начале 1900 х гг. более 150 тыс. пуд. готовой продукции[19].

Доставка на японские и китайские рынки относительно дешевой продукции - рыбного тука, перестала удовлетворять русских капиталистов в начале XX в. В 1902-1903 гг. они впервые успешно отправили рыбу морем в Европу: Лавров и Галичанин - в Петербург и Москву, Надецкий, согласно договору с берлинским рыбторговцем Линденбергом, - в Гамбург на фрахтованных иностранных судах. В то же время крупный столичный рыботорговец Язиков привез с Амура в Петербург 10 вагонов соленой кеты, которую продал по 6-8 р. за пуд[20]. Однако железнодорожный транспорт из-за недостатка рефрижераторных вагонов и высокой платы за провоз использовался слабо.

В целом для дальневосточного рыбного промысла были характерны семейно-единоличные формы организации капиталов или товарищества на вере. Инициаторами создания акционерных компаний во второй половине 90-х гг. XIX в. выступили европейские российские предприниматели. В 1896 г. акционерную компанию для лова рыбы в северных морях Дальнего Востока попытался создать контр-адмирал В.Ивашинцов с привлечением иностранного капитала. Его жена была американкой по происхождению. Однако основной капитал в 650 тыс.р. компания собрать не смогла. Дело после смерти инициатора было прекращено[21]. В 1898 г. прошение об организации акционерного общества для производства рыбного промысла в водах Восточной Азии с основным капиталом в 3 млн.р. подал член императорского российского общества рыбоводства Ф.Пелль. В просьбе было отказано, так как, по мнению местных властей, в таком предприятии не было надобности[22].

Практически к началу русско-японской войны капиталистическая отечественная рыбодобыча в северо-восточных водах проводилась единственной акционерной компанией - "Камчатским торгово-промышленным товариществом", специализировавшимся на промысле морского зверя.

В южных, приморских и сахалинском районах крупнейшим предпринимателем к этому времени стал бывший астраханский мещанин Г.А.Крамаренко. В 1893 г. он прибыл во Владивосток, два года служил надсмотрщиком за рыбными промыслами на Сахалине. Там же, в Посту Корсаковском, при покровительстве местной администрации в 1896 г. начал сельдяной промысел. Как и большинство русских рыбопромышленников, он, начав дело, побывал в Японии, где ознакомился с условиями производства и сбыта, получил кредит[23]. В

1898 г. им был заключен договор с Н.З.Верещагиным (Петербург) о создании компании для приготовления сельди, лосося и другой соленой рыбы. В обязанности столичного компаньона входили сношения с центральной администрацией, привлечение российских и иностранных капиталов. Предприятие получило участки на 10 лет на льготных основаниях: первые 6 лет бесплатное арендное пользование землей и лесом и беспошлинный вывоз готовой продукции. При этом Крамаренко обязывался нанимать пять лет 10% русских рабочих, далее - не менее 15%, для чего он по договоренности с сахалинской администрацией использовал каторжан. В случае вступления в компанию иностранных подданных предприятие лишалось всех льгот. В 1901 г. на условиях полной половины в товарищество вместо Зерищагина вошел А.Г.Демби, в обязанности которого был включен сбыт готовой продукции в Японию, наем рабочей силы и др. Основной капитал компании составил 40 тыс. иен. К началу русско-японской войны предприятие Крамаренко было главным соперником японского синдиката "Кумиай", монополизировавшего добычу рыбы японскими рыбаками в водах русского Дальнего Востока[24].

В 1901 г. был утвержден устав акционерного общества по добыче рыбы на Амуре "К.Гринвальд и Г.Соколов" с основным капиталом 500 тыс.р. Акции общества были размещены в Петербурге, в число участников вошли некоторые члены бывшего "Русского товарищества котиковых промыслов". Учредитель компании, кандидат прав К.М. Гринвальд, действовавший на Амуре с середины 90-х гг., происходил из семьи известных столичных меховщиков и имел широкие связи в торгово-промышленном мире. Доверенные компании помимо рыбозаготовок занимались скупкой пушнины в низовьях Амура. Во владение компании перешли "рыбалка" К.Гринвальда в с.Верхне-Тамбовском, на оборудование которой он затратил более 20 тыс.р., и арендованный херсонским мещанином Г.И.Соколовым рыбозасольный завод на мысе Вассе[25]. Это была единственная действовавшая акционерная компания, созданная специально для организации рыбного промысла.

Изменения в организации промыслов, введенные правилами 1901 г., способствовали усилению крупного предпринимательства в дальневосточном рыболовстве. Сложилась определенная группа капиталистов, заинтересованных в дальнейшем развитии этого промысла. На проходившем в 1903 г. IУ Хабаровском съезде губернаторов и представителей общественности она выступила против ограничений

в найме рабочей силы. Кроме того, промышленники считали необходимым введение дешевого тарифа и устройство вагонов-ледников на железной дороге, снижение наполовину фрахта на русских судах и др. Было признано важным создание постоянного бюро съезда лесопромышленников в Николаевске-на-Амуре[26].

Позднее других по капиталистическому пути стал развиваться лесной промысел. Огромные запасы древесины использовались слабо, исключительно для местных нужд. Инженер-технолог М.Бережников писал в 1897 г., что спрос на лесоматериалы в Приморской области настолько незначителен, что "не существует ни постоянных лесных складов, ни лесопромышленников в настоящем смысле этого слова"[27]. В полной мере сказанное относилось к Амурской области. В лесном промысле дольше, чем в других, господствовал торгово-ростовщический капитал. Получая подряд на поставку леса, предприниматель, как правило, скупал его у крестьян. В промышленных масштабах лесозаготовки начались в связи с сооружением железной дороги. Значительные подряды на поставку лесоматериалов в начале XX в. выполняли никольский купец II гильдии Д.С.Бородин, компания владивостокских предпринимателей М.И.Суворова и М.Н.Конде-Ренгартена, торговые дома "Стрелецкий и сын", "Н.Хрущев и К" и др.

Устремления российской буржуазии во второй половине 90-х гг. XIX в. в страны Восточной Азии затронули и дальневосточных предпринимателей. Несмотря на то, что лесные богатства русского Дальнего Востока были малоразработаны, местные капиталисты занялись заготовками леса в Корее и Манчжурии, где проще решались вопросы сбыта леса и найма рабочих рук. В 1896 г. владивостокский купец I гильдии Ю.И.Бринер заключил контракт на 24 года на промысел леса в Корее. Там же лесозаготовки начал Л.Ш.Скидельский. Вскоре дела дальневосточных купцов за границей оказались в поле зрения российской буржуазии центра. В 1901 г. ею была предпринята попытка организовать на основе контракта Бринера акционерную компанию, инициатором создания которой был А.М.Безобразов. "Восточно-Азиатская промышленная компания" должна была располагать капиталом в 2 млн.р. Однако и она, и заявленное с теми же целями в 1903 г. "Русское лесопромышленное товарищество на Дальнем Востоке" не состоялись, капитал не был собран[28].

В целом огромные природные богатства играли заметную роль в экономике Дальнего Востока. Но до конца XIX в. здесь господство-

вал торгово-ростовщический капитал, что особенно ярко проявилось в рыбодобыче. Капиталистические черты она приобрела в начале XX в., когда расширился рынок сбыта, а на основе долгосрочной аренды возникли крупные местные капиталистические предприятия со значительным использованием наемной рабочей силы и техники. Китобойный промысел возник сразу как крупное капиталистическое предприятие. Ведущие позиции в нем занял российский европейский капитал. Дольше всего проходило становление лесного капиталистического промысла, стимулом для развития которого стало железнодорожное строительство. Однако вплоть до русско-японской войны он носил подчиненный характер, подряды на лес эпизодически выполняли торговцы или промышленники.

---

1. См.: Зенкович Б.А. Киты и китобойный промысел. М., 1952. 156с.; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки. М., 1982. С.193-199 и др.

2. См.: Бешта И.Л. Капиталистическое предпринимательство в дальневосточном рыболовстве в конце XIX - начале XX вв. // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории. Владивосток, 1968. С.44-49; Трофимов И.П. Становление лесной промышленности на Дальнем Востоке в дореволюционные годы // Учен.зап. (Дальневосточный госуниверситет, сер.ист., т.28). Владивосток, 1970. С.81-88; Он же. Морской зверобойный промысел в эпоху капитализма // Учен. зап. (Дальневосточный гос.ун-т, сер. ист., т.55). Владивосток, 1971. С.20-34.

3. ЦГА РСФСР ДВ,ф.87 оп.1, д.476, л.62-63; д.477, л.1; ф.12, оп.1, д.101,л.1. В литературе существует ошибочное мнение о самостоятельной китобойной компании, принадлежащей А.Эльфсбергу. См., например: Трофимов И.П. Морской зверобойный промысел. с.23 и др.

4. ЦГА РСФСР ДВ,ф.87, оп.1, д.587, л.1,2,7; ф.701, оп.1, д.19, л.28; Известия ИРГО, т.X, № 2, 1874, с.108-109. Один мелкий кит давал доход в 1,5 тыс.р., крупный северный - в 15 тыс.р. (Унтербергер П.Ф. Приморская область. СПб., 1900. С.205.

5. Вестник рыбопромышленности. 1891. Т.IV. № 5. С.189-193.

6. ЦГИА СССР, ф.23, оп.24, д.591, л.1.

7. Там же. Л.86.

8. См.: Бянкин З.П.В дальневосточных морях. Владивосток, 1902. С.115.

9. Трофимов И.П. Морской зверобойный промысел. С.25.

10.ЦГИА СССР, ф.23, оп.24, д.591, л.120-123.
11. ЦГА РСФСР,ДЗ, ф.11, оп.1, д.251, л.124-129.
12. Бражников З.К. Очерк современного положения николаевского рыбного промысла// Вестник рыбопромышленности. 1904. Т.XIX. № 5. С.281.
13. Панов А. Современное положение и нужды рыбного промысла в низовьях Амура// Вестник рыбопромышленности. 1909. Т.XXIУ. № 4. С.230.
14. Галичанин И.Н. Записка по докладу А.Панова// Вестник рыбопромышленности. 1909. Т.XXIУ. № 7-8. С.369-374.
15. Бражников В.К. Указ.соч. С.278.
16. Зарпаховский Н.А. О рыбном промысле в Приамурском крае// Вестник рыбопромышленности. 1888. Т.Ш. № 1. С.13.
17. Сборник главнейших официальных документов по управления Восточной Сибирью. Т.8. ч.П. С.351.
18. Владивосток. 1890. 11 марта.
19. Вестник рыбопромышленности. 1901. Т.ХУI. № 7-8. С.455.
20. Там же. 1903. Т.ХУШ. № 4. С.219;1904. Т.XIX. № 5. С.289-290.
21. Там же. 1896. Т.IX. № 10. С.446-447.
22. ЦГА РСФСР ДЗ, ф.704, оп.4, д.719, л.2,23.
23. Крамаренко Г.А. О рыбном промысле на р. Амуре и острове Сахалине// Вестник рыбопромышленности. 1898. Т.ХШ. № 10. С.469-475.
24. ЦГИА СССР, ф.1102, оп.2, д.820, л.1-4,13-16,21.
25. ПСЗРИ. Изд. Ш. Т.XXI. Ч.1. № 20516; Бережников М. Обозрение фабрично-заводской промышленности Приморской области в 1896 г.// Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск,1898.Т.1У.Вып.11. С.97.
26. ЦГА РСФСР ДЗ, ф.8, оп.1, д.92, л.2; Труды 1У Хабаровского съезда губернаторов. Хабаровск, 1903. С.7-10,164-168.
27. Бережников М. Указ.соч. С.13.
28. Витте С.Ю. Пролог русско-японской войны. Пг. 1916.С.249-253.

Т.П.ПРУДНИКОВА

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ГРУППИРОВОК КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В МАТЕРИАЛАХ СТАТИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.[1]

Разработка поставленной темы будет способствовать дальнейшему раскрытию малоизученного в нашей литературе вопроса о классовом расслоении крестьянства в западносибирской деревне в период промышленного капитализма. Обращение к этой теме должно содействовать и решению таких важных задач, поставленных перед историками, как изучение важнейших источников по узловым проблемам истории и выяснение значения произведений классиков марксизма-ленинизма для их анализа. К таким источникам (массовым) следует отнести материалы статистического описания западносибирской деревни[2]. В.И.Ленин использовал аналогичные типы источников при изучении социально-экономического строя России и ряда зарубежных стран. В нашей литературе еще не раскрыто научное значение группировок крестьянских хозяйств, примененных при статистическом описании дореволюционной Сибири, хотя в работах В.Г.Тюкавкина, Э.М.Щагина, А.В.Минжуренко и особенно В.А.Степанина и высказаны важные суждения по этому вопросу.

Большим достоинством материалов статистического описания является применение различных приемов расчленения крестьянских хозяйств по классовым типам, что дает возможность разглядеть особенности социально-экономических отношений Сибири как многоземельной колонизуемой окраины и общие закономерности пореформенного развития. В.И.Ленин обращал внимание статистиков на необходимость видоизменения методов и группировок в соответствии с формами проникновения капитализма в сельское хозяйство, особенно при описании колонизуемых районов[3].

При обследовании уже существующих селений в качестве наиболее распространенного группировочного признака взяты главные типы населения, которые в своей основной массе были и социальными типами. Данная группировка соответствует высказываниям В.И. Ленина о классовом расслоении крестьянства в сибирской деревне. Он отмечал, что "переселения...переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)"[4]. В.И.Ленин также показал, что "...отношения зажиточного сибиряка к поселенцу (...)- в сущности совершенно

тождественны с отношениями наших зажиточных общинников к их безлошадным и однолошадным "собратам"[5]. В многоземельных, активно колонизуемых районах сельская верхушка выходила преимущественно из давно живущего, устроенного населения, рабочая же сила в значительной степени формировалась за пределами этих районов. Дальнейший анализ показывает, что и в самой западносибирской деревне давнее экономическое неравенство, возникшее вследствие различных исторических условий, в пореформенный период превращалось в буржуазную дифференциацию. Сопоставление главных элементов хозяйства выделенных типов населения дает возможность определить большое влияние переселенческого движения, а также и внутренней колонизации на развитие сельского хозяйства и углубление общественного разделения труда в Сибири.

При описании мест водворения переселенцев в качестве наиболее распространенного группировочного признака взята продолжительность проживания населения на новом месте, иными словами, расчленение хозяйств произведено по временным группам, которые в своей основной массе были и социальными типами. Группировка по временному фактору позволяет проследить присущую всем колонизуемым странам экстенсификацию социально-экономических отношений - громадный рост нового земледельческого населения в результате освоения пустующих угодий. Подавляющей массе переселенцев при том семейном и экономическом положении, которым они располагали при водворении, удавалось по истечении определенного времени создать в Сибири более или менее прочное по местным условиям хозяйство. Данная группировка отвечает теоретическим положениям классиков марксизма-ленинизма. В экономических колониях, пишет К.Маркс, происходит "...постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей..."[6] В.И.Ленин неоднократно отмечал, что наличие многоземельных окраин служит прикрытием процесса экспроприации мелкого производства, идущего в старых заселенных районах страны[7]. В описании активно колонизуемого Алтая учтены не только продолжительность проживания колонистов, но и процесс легализации их положения на новом месте.

Такая сводка статистических данных позволяет выяснить отрицательное влияние на экономическое положение переселенцев и на развитие производительных сил Сибири сословной неравномерности крестьянства, отсутствия свободного доступа к колонизационному

фонду. В описании мест водворения переселенцев на казенных землях эти стороны условий колонизации отражены в других разделах. источников.

Сравнительный анализ экономического положения колонистов различных временных групп дает возможность проследить динамичные процессы, происходившие в западносибирской деревне : прогрессирование классового расслоения переселенцев с удлинением периода проживания их в Сибири. Рост мелких хозяйств в процессе колонизации приводил к расширению социальной базы для развития капитализма. Обращение к избранной теме позволяет овладеть ленинской методологией критики взглядов мелкобуржуазных идеологов на последствия колонизации, которые подхвачены современными реакционными советологами.

Во время описания крестьянского быта было подмечено наличие экономической розни не только между различными временными группами и главными типами населения, но и внутри них. Это побудило статистиков произвести сводку цифровых данных по экономическим признакам. В качестве главной такая группировка применена в описании крестьянского быта относительно малоземельных западных округов Тобольской губернии, ранее всего подвергшихся заселению и влиянию общественных отношений центральной России. В дифференциации основных группировок по территории, по главным типам в многоземельных районах и по экономическим признакам в относительно малоземельных, отразился процесс сближения под влиянием колонизации социально-экономических отношений Сибири и Центра. В материалах описания мест водворения колонистов на казенных землях представлены комбинационные таблицы. В них переселенческие хозяйства распределены по времени проживания в Сибири с указанием главных показателей экономического состояния при выезде из России, в моменты прихода в Сибирь и обследования. Это отражает точно последствия колонизации: усиление в новом крае экономического неравенства переселенцев, лежавшего в самом основании колонизации, влияние на их хозяйственное обоснование и развитие производительных сил Сибири, жизненного уровня крестьянства коренной России, " ... губительные результаты крепостнических латифундий на центр и на окраины " [8]. Сопоставление хозяйственной самостоятельности колонистов одних и тех же временных и социальных групп многоземельных и относительно малоземельных районов дает основание сделать убедительный вывод, что одной из главных причин экспроприации народных масс в Сибири как в колонизуемой окраине было

увеличение притока разоренных переселенцев и сокращение благоприятных условий для экстенсивного развития.

Методика анализа группировок крестьянских хозяйств приводит к выводу, что становление новой системы в колонизуемой окраине стало, главным образом, следствием распространения вширь капитализма центральной России, но оно также было и результатом обострения внутренних противоречий.

---

1. Редакционная коллегия не может согласиться с основной идеей автора настоящей статьи, что время проживания в Сибири является главным критерием классового расслоения крестьянства в крае. Вместе с тем, помещая статью в сборник, редакторы считают, что она будет способствовать активному обсуждению проблемы классообразования в сибирской деревне.
2. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888-1894. Вып.I-XXII. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. за 15 лет (с конца 70-х - по 1893 гг.). М., 1895 1897. Т.I,II; Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895-1896. Т.I. Ч.I, II, III; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М., 1897. Т.I; Швецов С.П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 г. Барнаул, 1899. Вып.I,II; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе). Барнаул, 1898-1901. Вып.I-IУ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1898-1900. Т.I. Вып.I-2; Т.II. Вып.I-4
3. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.138-139.
4. Там же. Т.3. С.175.
5. Там же. С.115-116.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.779.
7. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.3. С.336,563; Т.27. С.211.
8. Там же. Т.17. С.68.

III. ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СИБИРИ

А.С.ЧУПРОВ

ВОЛНЕНИЯ В ВЕРХОТУРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х гг. ХУП в.

В Верхотурском уезде, в отличие от ряда других районов Сибири, центральной фигурой в антифеодальном протесте всегда был крестьянин, а не служилый человек. И это глубоко закономерно, так как Верхотурье представляло собой уже в первой половине ХУП в. один из наиболее освоенных в земледельческом отношении районов Сибири. 40-е гг. были отмечены здесь прежде всего крестьянскими выступлениями в самых различных формах: от дозволенного законом челобития до открытого "воровства". В этот период, когда по всей России прокатилась волна городских восстаний и волнений[1], не прекращались крестьянские побеги, хотя они не являлись ведущей формой борьбы. Роспись 1666 г. упоминает лишь о пяти случаях бегства крестьян за 1643-1652 гг. Однако, как убедительно показал А.А. Преображенский, в это время активизировалась борьба против феодальных повинностей и ограничений государства в экономической сфере. Крестьяне Верхотурского уезда заводили "лишние" пашни и тайно продавали хлеб на верхотурском рынке.

В 1643 г. крестьяне Ирбитской слободы выступили против невыгодных сделок навязанных им казной, заявив приказчику В.Муравьеву: "И так де мы продаем рожь дешевою ценою, от неволи". А в 1645 г. 63 невьянских крестьянина вместе со старостой Ф.Киприановым наотрез отказались платить "выдельный хлеб" с "лишних" пашен и подали о том приказчику Д.Лабутину "отказную память". Несмотря на репрессии, агитация за неплатеж "выдельного хлеба" продолжалась и в последующие годы. Тех, кто сдался перед угрозами властей, крестьяне не допускали до житниц и возвращали обратно. Экономическая борьба неизбежно вела к требованиям политического характера. Так, в эти годы невьянские крестьяне с ти добиваться упразднения должности приказчика, предлагая заменить ее выборными из своей среды "судейками" (по образцу поморских уездов)[2].

В середине 40-х гг. в Верхотурье сложилась уникальная для истории Сибири первой половины ХУП в. ситуация, которая способствовала активизации борьбы крестьянского, а также посадского и служилого населения. Приехавший сюда в 1644 г. воевода М.Стрешнев в надежде добиться от населения города и уезда челобитной на имя царя об оставлении воеводы "на вторую перемену" перестал собирать с подгородных и части уездных крестьян "выдельный хлеб"[3],

"сложил" "многую государеву десятинную пашню" и освободил крестьян от целого ряда "изделий"[4]. Служилым людям и ямским охотникам воевода выдал денежное жалование сразу на три года вперед[5]. Не выполнил он царского указа о переводе части служилых людей в пашенные крестьяне[6], проигнорировал очередное напоминание правительства о строгом соблюдении сулешовского оклада служилым людям[7]. Не считаясь с "лутчими" людьми посада, М.Стрешнев назначал на некоторые выгодные должности целовальников представителей посадской бедноты[8]. Относительно благоприятную политику вел воевода и в отношении ясачных людей Верхотурского уезда[9]. Что же касается приезжих торговых и промышленных людей, то М.Стрешнев, сам не чуждый предпринимательской деятельности[10], создал для них на Верхотурье самые неблагоприятные условия и даже устраивал за городом вместе с верхотурскими стрельцами вооруженные ограбления ехавших в Сибирь "гостинной сотни и иных торговых людей"[11]. Не жаловал воевода и местное духовенство, ссорясь с троицким попом Василием Савиным, соборным попом Клементием и никольским попом Андрианом, и даже присвоил деньги, предназначавшиеся "на храмовое строение"[12].

Деятельность М.Стрешнева не могла не вызвать сопротивление со стороны привилегированных слоев городского и уездного населения: слободских приказчиков, детей боярских, духовенства, а также приезжих торгово-промышленников. Объективный смысл политики Стрешнева, какими бы личными мотивами она не определялась, показывает, что борьба, разгоревшаяся в Верхотурье в 40-е гг., была не просто обычным для Сибири ХУП в. конфликтом в среде местной администрации, а своеобразным проявлением социально-классовых антагонизмов. Не случайно среди ближайших помощников воеводы (за исключением его сыновей, подьячего М.Анисимова и пятидесятника Б.Тумашева) в основным были пашенные крестьяне, посадская беднота и рядовые служилые люди[13]. Противоположный же лагерь составляли приказчики, дети боярские В.Муравьев, Д.Лабутин, И.Тырков, А.Буженинов, И.Коптев, братья Перхуровы, подьячий с приписью М.Лихачев и троицкий поп Василий Савин.

Столкновения между сторонниками и противниками М.Стрешнева начались уже в июне 1644 г., когда, говоря словами попа Василия, воевода "научил" служилых и иных людей бить челом на детей боярских. В мирской челобитной верхотурские крестьяне, посадские и рядовые служилые люди, а также ямские охотники доказывали, что

дети боярские насильством захватили у них пригородные пашни и сенные угодья и они, челобитчики, от того "в конец погибли"[14]. Узнав об этом челобитии, дети боярские (они же приказчики) послали в Москву встречную челобитную, в которой называли мирскую челобитную "ложной".

В ответ на обе челобитные из Москвы пришел указ, предписавший М. Стрешневу провести сыск, измерить пашни и установить, кто и по какому праву владеет теми пашнями и сенными угодьями[15]. Конечно, результаты этого сыска не могли удовлетворить детей боярских. К осени 1645 г. конфликт уже не ограничивался лишь подачей челобитных с обеих сторон. В городе и уезде начались открытые столкновения между детьми боярскими и сторонниками воеводы. Дети М.Стрешнева - Петр и Григорий - ездили с друзьями из числа молодых стрельцов, крестьян и посадских людей "на подводах с цимбалами и з домрою" по уезду и безнаказанно "побивали" приказчиков[16]. Воевода же сажал приказчиков в тюрьму якобы за их "непослушание"[17].

Обо всем этом в Москве и Тобольске узнали из многочисленных доносов троицкого попа В.Савина. В результате в июле 1646 г. тобольский воевода И.Салтыков получил из Москвы распоряжение организовать на Верхотурье сыск. 10 августа 1646 г. сюда из Тобольска прибыли "для сыскнова дела" письменный голова А.Секерин и подьячий Е.Прокофьев[18].

С прибытием сыщиков обстановка в городе и уезде не только не стабилизировалась, а, напротив, стала более напряженной. Воевода и его окружение при молчаливом согласии большинства верхотурских жителей, а то и с их помощью начали расправы со своими противниками. Местное население, в том числе ясачные люди, посылало в Тобольск и Москву челобитные, в которых сообщалось о "насильствах" А.Секерина и Е.Прокофьева[19]. Сами же сыщики были в растерянности и запрашивали власти, как им быть: "Живут на Верхотурье без дела, а в Тобольск ехать не смеют"[20]. М.Стрешнев, которому тобольский воевода по настоянию попа Василия велел на время сыска ехать в Епанчин, отказался подчиниться. Сыщики не могли выполнить и другое предписание тобольских властей - отправить в Пелым 24 чел. "пущих заводчиков". М.Стрешнев, узнав о таком распоряжении, 22 августа отправил сына Петра в Москву, а вслед за ним 3 сентября - сына Григория. С ними же воевода послал часть своих сторонников из числа "пущих заводчиков", а других разослал по слободам в "государевы службы". Однако А.Секерину все же удалось собрать 15 человек и отправить их в Пелым, но "заводчики" "учинились сильны"

и избили провожатых[21]. Одновременно стрельцы и посадские люди, ямские охотники и подгородные крестьяне отправили "мирскую" челобитную о том, что сыщики "сослали с Зерхотурья в ссылку для сыскнова дела на Пелым 24 (!) человек", и те, "живучи в Пелыме, голодной смертию помирают и з домы и з детьми своими разорены", что "письменный голова Онрей Секерин на Зерхотурье не обыскивает, а вины де они над собой не ведают"[22].

В эти же дни разгорелась острейшая борьба между сторонниками М.Стрешнева и Ф.Посниковым, который еще в конце февраля 1646 г. сменил подьячего с приписью М.Лихачева[23]. Новый подьячий с приписью, как и его предшественник, принял сторону детей боярских, приказчиков, местного духовенства и приезжих торговых людей. Этот выбор едва не стоил ему жизни. В августе 1646 г. "заговорщики" - воевода с посадскими людьми и пашенными крестьянами - насильно напоив подьячего вином, заставили сделать "рукоприкладства" на всех необходимых документах, после чего "били на смерть", а ночью "чуть жива" "тайным обычаем" привезли его к собственному двору, где он, вымазанный навозом и калом, был подобран женой и детьми"[24]. Едва поднявшись после побоев, Посников отправился к А.Секерину просить суда "в своих мучениях" и даже потребовал засвидетельствовать следы побоев на его теле[25]. Однако сыщики ничем не могли помочь подьячему с приписью. Верхотурцы, "отказав" Ф.Посникову "в государевых делах"[26], самих сыщиков "многижды бранивали и позорили и хотели убить, а...приставов тобольских и тюменских... били и хотели побить до смерти"[27].

Вот как сам Ф.Посников описывает обстановку, сложившуюся на Зерхотурье осенью 1646 г. во время так называемого "безуказного воеводства" М.Стрешнева: "И в городе при том же письменном голове (А.Секерине) и сыщиках у него, Максима Стрешнева и у детей ево, с теми ворами и заговорщики всегда беспрестанно днем и ночью были скопы и заговоры,и крики,и вопы,и волнения великие и страшные. А они, сыщики, от них и сами убойства боялись и ничево ни про что сыскивать за тою страстью за воровством и волнением и за мучением не (могли)"[28].

Видимо, тогда верхотурцы и решили послать в Москву своих челобитчиков с очередной жалобой на детей боярских. Во всяком случае,известно, что в 1647 г. такая челобитная была привезена в столицу Мелентием Фоминым[29]. В этой ситуации тобольские власти

были вынуждены отозвать А.Секерина и Е.Прокофьева и поручить сыск нарымскому воеводе А.Нарбекову. Однако и тому верхотурцы "сыскивать не дали". Правда, Нарбеков пробыл на Верхотурье недолго, так как из Москвы пришел указ о назначении воеводой Верхотурья Б.Дворянинова. Ему и было поручено вести дальнейшее расследование.

Со сменой воеводы положение на Верхотурье стало меняться. Вскоре верхотурцы - низовые слои городского и уездного населения - лишились своего покровителя. Как ни упорствовал М.Стрешнев, в марте 1647 г. ему все же пришлось покинуть Верхотурье. Причем для этого потребовался повторный приказ правительства тобольским воеводам. Есть основания полагать, что тобольские воеводы лично побывали в эти дни в Верхотурье. Этого требовала не только сложность обстановки, но и то, что верхотурцы стали выступать против тобольских властей, составлял "изветы" на И.Салтыкова[30].

Новый воевода Б.Дворянинов - шурин и сторонник М.Стрешнева - не обладал ни авторитетом своего предшественника, ни его решительностью. Поэтому он сам оказался вскоре меж двух огней: к испорченным отношениям с привилегированными слоями добавилось враждебное отношение со стороны бывших союзников - городских и уездных низов. Дело в том, что в сложившейся ситуации Б.Дворянинов не мог, да, видимо, и не хотел сохранить для крестьян, посадских и рядовых служилых людей те льготы, которые они получили во время воеводства М.Стрешнева.

На Б.Дворянинова оказывали давление и приказчики. Так, в 1647 г. воевода был вынужден заняться расследованием дела по иску о деньгах, предъявленному М.Стрешневу сыном боярским А.Бужениновым[31].

К осени 1647 г. дети боярские, приказчики, духовенство и торгово-промышленники взяли верх. Открыто выступить против большинства населения города и уезда они, очевидно, не могли, но зато сумели выместить свою злобу на бывшем стороннике и шурине М. Стрешнева - Б.Дворянинове, лишившемся к этому времени всякой поддержки низов. Этому способствовал и приезд нового подьячего с приписью И.Недовескова, который, как и оба его предшественника, присоединился к городским верхам. Долгое время борьба против Б.Дворянинова не выходила за рамки отдельных столкновений. Не обходилось и без обычных в таких случаях ситуациях известных челобитных[32]. Когда же к началу зимы 1648/49 гг. на смену Б.Дво-

рянинову приехал новый воевода Р.Р.Всеволжский, а также новый подьячий с приписью А.Марков[33], И.Недовесков, дети боярские, приезжие торгово-промышленники и некоторые стрельцы из числа бывших сторонников М.Стрешнева стали открыто преследовать Б.Дворянинова и людей его окружения. Дело дошло до того, что однажды служилые и торгово-промышленники стали "в колокола бить" и хотели идти к Дворянинову, "животы пограбить", а двор его, обложив соломой, сжечь[34].

В течение трех месяцев Б.Дворянинов, уже передавший дела новому воеводе, не мог выехать из города, так как "сидел запершись на дворе"[35]. Только вмешательство тобольских властей, которые распорядились дать охрану бывшему воеводе, помогло Б.Дворянинову в начале февраля 1649 г. покинуть Верхотурье.

Так исчерпал себя конфликт, связанный с именем М.Стрешнева. Но несмотря на это, а также на непоследовательное поведение служилых людей Верхотурья, движение здесь не прекратилось. Острые столкновения происходили в Тагильской слободе, где крестьяне в течение 1648-1649 гг. отказывались молотить хлеб с государевых десятин, выступали против приказчика П.Перхурова, оказывали сопротивление приехавшим (видимо, из Тобольска) подьячим, не пуская их на свои пашни[36]. Ирбитские крестьяне продолжали борьбу с приказчиком В.Муравьевым, протестуя против его ростовщической деятельности[37]. Невьянцы по-прежнему настаивали на отмене "выдельного" хлеба, конфликтуя по этой причине с приказчиком Д.Лагутиным[38].

Такова внешняя картина событий, происходивших во второй половине 40-х гг. в Верхотурье и его округе. Какова же социальная сущность этих событий? Объективный смысл описанных социальных конфликтов раскрывается на фоне той борьбы, которую вели в данный период народные массы в Сибири и России в целом. Участие крестьянского и посадского населения, а также рядовых служилых людей Верхотурья в столкновениях с приказчиками и детьми боярскими, местным духовенством и представителями тобольских властей определялось коренными экономическими интересами трудовых слоев. Своей борьбой они стремились добиться благоприятных условий для хозяйственной деятельности, упразднения феодальных повинностей или, по крайне мере, их облегчения, стремились отстоять свои права на землю и ликвидировать ограничения со стороны правительства в торгово-предпринимательской сфере. Протест тяглового населения и рядовых служилых людей принял здесь весьма своеобразную форму, в чем-то напоминающую конфликты, происходившие в Томске в 1648 г.[39]

В обоих случаях наружу выходило размежевание в среде местной администрации, хотя в Верхотурье соперничество между представителями воеводской власти, столь характерное для томских событий 1648 г., играло несколько меньшую роль. В значительно меньшей степени прослеживается в Верхотурье влияние таких факторов, как злоупотребления местных властей и недостаточная материальная обеспеченность рядовых служилых людей. Существенно отличались сравниваемые события и по социальному составу участников этих волнений. Если в Томске ведущая роль принадлежала служилым людям, то в Верхотурье наибольшую активность проявляли крестьяне и посадская беднота. Кроме того, борьба верхотурцев очень скоро переросла в сопротивление непосредственно тобольским властям. Однако, несмотря на различия в частностях, события, происходившие в Верхотурье, органически вписывались в картину той борьбы, которую вело в первой половине ХУП в. русское население Сибири за установление здесь более выгодной для трудовых масс вариантов феодальных отношений. Борьба верхотурцев в 40-х гг. ХУП в. явилась одной из составляющих, определивших отсутствие в Сибири ХУП в. крайностей крепостного права.

---

1. См: Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине ХУП в. (30-40-е гг.). Воронеж: Изд- во Воронеж. ун-та, 1975.
2. Характеристика крестьянских выступлений в Верхотурском уезде в 40-е гг. ХУП в. дана на основе материала, приведенного в монографии А.А.Перображенского.- См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце ХУI - начале ХУШ вв. М.: Наука, 1972. С.79, 344,345,353-354,357.
3. ЦГАДА, ф.214 (Сибирский приказ), стб.239, ч.I, л.21-23.
4. Там же. Л.52-53,59-60,169-174 и др.
5. Там же. Л.39.
6. Там же. Л.03, 210-217.
7. Там же. Стб.359, Л.I-7.
8. Там же. Стб.239, Ч.I. Л.64 и др.; Стб.419. Л.43-46.
9. Там же. Стб.239. Ч.I. Л.365-372 и др.
10. Там же. Стб.419. Л.102 и др.
11. Там же. Стб.239. Ч.I, л.56.
12. Там же. Л.58.
13. Там же. Л.46-47.
14. Там же. Стб.359. Л.10.
15. Там же. Л.I-7.
16. Там же. Стб.239. Ч.I. Л.34.

17. Там же. Л.205-207.
18. Там же. Л.113.
19. Там же. Л.116,130 и др.
20. Там же. Л.120.
21. Там же. Л.113.
22. Там же. Л.128-129.
23. Там же. Стб.419. Л.14.
24. Там же. Л.4-9, 40-46.
25. Там же. Стб. 239. Ч.1. Л.116.
26. Там же. Стб.419. Л.99-100.
27. Там же.
28. Там же. Л.100-101.
29. Чистякова Е.В. Указ.соч. С.232-233. Изложив этот факт, Е.В. Чистякова отметила, что суть жалоб челобитчиков осталась неизвестной. В свете привлеченных нами архивных источников нетрудно предположить, о чем шла речь в этой челобитной.
30. ЦГАДА, ф.214, стб.240, стб.1275.
31. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895. Ч.1. С.173.
32. ЦГАДА, ф.214, стб.317.
33. Газенвинкель К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII в. Тобольск, 1892. С.29.
34. ЦГАДА, ф.1111 (Верхотурская приказная изба), оп.2, д.57, л.1-12.
35. Там же. Л.6.
36. Чистякова Е.В. Указ.соч. С.205,233.
37. История Сибири. Л., 1968. Т.2. С.141.
38. Преображенский А.А. Указ.соч. С.357.
39. Чистякова Е.В. Томское восстание 1648 г. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М.: Наука, 1973. С.72-93.

В.П.ЗИНОВЬЕВ, А.Т.ТОПЧИЙ

"БЕРДСКИЙ БУНТ" 1869 г.

Реформа 1861 г. в Сибири, как и во всей стране, имела грабительский характер. Наиболее полно эта ее черта проявилась на землях Кабинета, где вместе с увеличением налогообложения жестко проводилась политика обезземеливания крестьян, мастеровые же были отпущены на волю почти без земли. Особенно в тяжелом положении оказались около 48 % мастеровых , насильно приписанных к сельским обществам без надела, не имевших навыков к земледельческому труду, но обложенных 6-рублевым оброком наравне с крестьянами[1]. К 1868 г. недоимки мастеровых превысили годовые оклады податей в 3-4 раза[2].

Несколько иным было положение приписных крестьян. Земельные наделы, оставленные им в пользование, личная свобода, полученная в результате отмены крепостной организации труда, казалось, давали полную возможность для развития хозяйственной инициативы. Вместе с тем Кабинет, начавший терять доходы от горного производства, резко сменил курс своей политики и, прямо нарушая положения реформы, усилил наступление на крестьянское землепользование. Одновременно активизировалась деятельность горных чинов и мировых посредников по выколачиванию "прежних заводских недоимок" и новой денежной повинности. Уже в 1861 г. генерал-губернатор вынужден был доносить царю в своем отчете: "С приписных 1/3 работ сложена, 1/2 часть мастеровых уволена. При всем при этом они до сих пор не чувствуют облегчения, потому что с них недоимки за прежние годы взыскиваются с большой строгостью..." "Многие крестьяне, - продолжал генерал-губернатор,- горько жаловались мне на жестокость, с которой земские управители взыскивают недоимки"[3].

Не стали заступниками крестьян от произвола Кабината и мировые посредники, многие из которых отличались крайней жестокостью, применяли розги, аресты, стремились выколачивать недоимки с крестьян и в засушливые 1867-1868 гг., когда резко сократилась крестьянская запашка[4]. Характер и методы политики Кабинета и губернской администрации не могли не создать единой основы для совместных выступлений мастеровых и приписных крестьян.

Непрерывная цепь волнений, поджогов, разного рода пассивных протестов сопровождала действия реформаторов в 60-х гг. XIX в.

на Алтае[5]. Положение эксплуатируемых масс резко ухудшилось во второй половине 60-х гг., потому что в отличие от российской деревни в целом своего высшего накала борьба крестьян на Алтае достигла не в 1861 г., а значительное позднее - в 1868-1869 гг. Самым заметным выступлением стал "Бердский бунт" 1869 г.

Историкам в общих чертах это событие давно известно. Несколькими строками упомянул о нем еще историк-демократ П.Голубев в 1890 г.[6], не назвав, впрочем, даты. Это упоминание долгое время было единственным свидетельством о "Бердском бунте". Отсутствие же у П.Голубева датировки привело известного алтайского краеведа Н.Савельева к ошибке. Он отнес бунт к концу 1861 г. Ошибка Савельева закрепилась в литературе и стала кочевать из одной работы в другую как бесспорный факт[7].

Наряду с этими сведениями в научный оборот со ссылками на архивные документы вошли и другие - о значительных волнениях крестьян и мастеровых в Алтайском горном округе в 1869 г.[8] А.А.Мухин, обнаружив в фонде министерства юстиции ЦГИА сведения о Берском (Бердском) бунте в 1869 г., в своей монографии уже не упоминает о "бунте" в 1861 г.[9]

Инерция историографической традиции оказалась, однако, сильнее. Разночтения в датировке привели к тому, что историки стали учитывать как реально существовавшие два выступления - и в 1861 г., и в 1869 г.[10] Исследователи, используя различные по характеру, но всегда отрывочные свеcения, не могли представить полную картину событий 1869 г. Одни видели в них преимущественно крестьянский "бунт", другие - протест мастеровых. В поле зрения Т.С.Мамсик попало главным образом столкновение крестьян и мастеровых с солдатами в с.Ирменском.

Авторы настоящей публикации поставили своей целью показать истинные масштабы и значение этого наиболее выдающегося события в антифеодальной борьбе крестьян и мастеровых Сибири в XIX в., исправив попутно ошибки, накопившиеся в историографии.

В описании рассматриваемого исторического факта и в своих суждениях авторы опирались прежде всего на новые, ранее неизвестные историкам материалы дела "О волнениях мастеровых Алтайского горного округа", обнаруженные в фонде Земского отдела МВД ЦГИА СССР, на отчет по Западно-Сибирскому военному округу за 1869 г., находящийся в фонде Канцелярии Военного министерства ЦГВИА СССР, на сообщения современников событий в печати[11].

Общая картина событий, судя по сведениям из сохранившихся документов, представляется следующей. К 1868 г. борьба бывших мастеровых казенных и кабинетских заводов против кабалы, растущие недоимки привели царские власти к осознанию того факта, что необходимы временные льготы для укрепления хозяйств бывших мастеровых. Этой цели служил циркуляр МВД за № 74 от 20 марта 1868 г. "О мерах к обеспечению быта горнозаводского населения", подготовленный на основании положения Главного комитета, утвержденный императором 12 марта 1868 г. Циркуляр давал шестилетнюю отсрочку в уплате податей и несении рекрутской повинности мастеровым казенных заводов. В пункте 2 говорилось о Кабинетских горных округах Сибири: "По Алтайским же и Нерчинским заводам ведомства Кабинета Е.И.В. освободить отдельные горнозаводские общества от платежа поземельного оброка на три года, но только за отведенные в постоянное их пользование, по уставным грамотам земли"[12]. Тем самым льготы не распространялись на мастеровых, приписанных к сельским обществам, и крестьян. Однако и эти урезанные льготы Кабинет не спешил проводить в жизнь. Попытка западносибирской администрации распространить льготы на горнозаводское население Алтая встретила противодействие Кабинета. Была снижена лишь государственная доля (1,5 р.) с оброка мастеровых, приписанных к сельским обществам .

Между тем слухи о существовании царского манифеста, о сложении податей не могли не проникнуть в крестьянскую массу, поскольку циркуляр был опубликован в официальных изданиях, в том числе и в "Томских губернских ведомостях". Слухи о льготах широко распространялись еще в июне-июле 1868 г. в связи с проездом по Томской губернии сына царя - Великого князя Владимира. Об этом событии в губернских ведомостях кн.Костров писал лицемерно и подобострастно: "Месячное путешествие по Томской губернии Его Императорского Высочества, Государя Великого князя Владимира Александровича, можно уподобить народному празднеству, которое длилось 30 дней"[13]. На самом деле путешествие это вызвало сильные волнения на Алтае, которые наиболее остро проявились в Салаирской горнозаводской волости, где мастеровые отказались платить подати. Мастеровые Егор Вяткин, Христофор Тонышев, отставной писец Михаил Кротов организовали сбор подписей под прошением, поданным ими Великому князю 9 июля 1868 г. В своей жалобе мастеровые волости просили защиты от произвола

властей и полиции. "Салаирский бунт" был подавлен, в прошении было отказано. Арестованных инициаторов подачи прошения освободили по приказу самого императора"[14].

По-иному развернулись события во П и Ш мировых участках, в волостях Ордынской, Берской, Чингинской, Легостаевской, Боровлянской и Тальменской с населением более 25 тыс.чел.[15] Быстрому распространению слухов в Барнаульском уезде способствовал курьезный, с нашей точки зрения, но весьма характерный для того времени случай. В последних числах сентября 1869 г. в Барнауле отставной писец Алтайского горного правления Ф.Токарев продал за 8 р. копеечный номер "Томских губернских ведомостей" от 14 июня 1868 г. с циркуляром МВД № 74 мастеровым Максиму Кулакову и Якову Хареву. Видимо, желая нажиться на их доверчивости, Токарев выдал газету за царский манифест об освобождении от податей и рекрутчины крестьян на 3 года, а мастеровых - на 6 лет[16].

В донесении Томского губернатора западно-сибирскому генерал-губернатору сообщается об этом так: "Кулаков и Харев неграмотные с приобретенным им номером "Губернских ведомостей" стали разъезжать по волостям Берской, Ордынской, Легостаевской, собирая вокруг себя значительные толпы крестьян от 50 до 500 человек и разглашали им заманчивую весть о помянутом Манифесте. К ним присоединился крестьянин села Берского Иван Макаров, грамотный, богатый и влиятельный старик, лет свыше 70, который вместе с помянутыми двумя мастеровыми начал еще более волновать толпы, толкуя, что № 23 "Губернских ведомостей" есть действительный манифест"[17]. Позднее к ним примкнули колыванский мещанин Леонтий Видеров, крестьяне Петр Кузнецов, Ларион Шабанов, Евстифей Плотников, которые также призывали крестьян на сходах не платить подати и обвиняли местные власти в сокрытии царского манифеста. Распространялись также слухи, что местные власти собирают без ведома царя подати на свои нужды. На сходах крестьяне требовали вернуть уже выплаченные подати. Постепенно волнение кроме Ордынской, Берской и Легостаевской волостей П участка охватило Чингинскую волость П участка, Боровлянскую, Тальменскую и, возможно, Касьминскую волость Ш участка. Согнанные для наведения порядка 150 крестьян с.Тальменка почти все присоединились к восставшим[18].

Власти недооценили масштабы начавшегося крестьянского движения. Мировой посредник П участка Васильев и волостные прав-

ления отмахнулись от просьбы крестьян растолковать им манифест[19]. Полуграмотные настоятели Ирменской и Берской церквей своими путанными пояснениями только утвердили крестьян в мысли, что № 23 Томских губернских ведомостей на самом деле высочайший манифест[20]. В губернаторском донесении далее сообщается: "...сначала движение их (крестьян) ограничивалось недоверием и неповиновением сельским и волостным начальникам, полицейским чиновникам и мировому посреднику, напрасно стремившимся убедить сборища в несуществовании манифеста и требовавших уничтожения самовольных сходов, а с другой стороны, составлением приговоров, в писании жалоб на местное, губернское и даже главное начальство здешнего края, за необъявление им манифеста. Такого рода жалобы выражалась и в послании от недовольных министру внутренних дел 21 октября из г.Колывани телеграммы..."[21]

Лишь в начале ноября губернские власти поняли серьезность событий и приступили к решительным действиям по подавлению крестьянского выступления. 8 ноября на место событий был командирован чиновник для особых поручений Костров с поручением объявить мастеровым и крестьянам, что манифеста не было, водворить порядок и арестовать главных виновников. Костров, прибыв в с.Берское, сумел арестовать двух "зачинщиков" - Макарова и Кузнецова. Однако крестьяне и мастеровые были настроены защищать свои права, якобы дарованные им манифестом. Тем более, что распространился слух о получении царской телеграммы, подтверждающей освобождение от податей и скором прибытии брата или сына императора для суда над местным начальством. Слух распространяли, вероятно, сами вожаки движения - Зидеров и Плотников[22].

В с. Берском 15-16 ноября произошло первое серьезное столкновение восставших с властями: крестьяне заставили освободить арестованных. В губернаторском донесении сообщается, что князь Костров и чиновники "были вынуждены выдерживать от нея (толпы крестьян и мастеровых.- Авт.) в числе более 500 человек в селе Берском два натиска, избавились от угрожавшего им с ея стороны насилия действием единственно лишь тем, что заарестованных Костровым двух из семи главных возмутителей крестьян Макарова и Кузнецова освободили, так сказать, по приказанию толпы, которая, увидев их на свободе, торжественно прокричала им ура, причем Кузнецов ругал ей на потеху все начальство бранью, а Макаров...размахивал...мнимой царской телеграммой", поданной

Видеровым. Волостное правление в это время находилось в осаде и было бессильно помочь чиновникам. Плотников грозил "открутить губернатору голову"[23].

Успешнее действовали власти в Ш мировом участке, где были арестованы два влиятельных крестьянских вожака Кулаков и Плотников в с. Боровлянском. При аресте Плотников кричал толпе крестьян: "Смотрите, меня вяжут перед вами, а я принес вам новую волю "и" ...сам Великий князь, бывший в Томской губернии, ничего не сделал для крестьян и мастеровых Алтая"[24]. Впоследствии это дало основание губернатору требовать для Плотникова смертной казни.

20 ноября в с.Берское прибыл губернатор Родзянко, вновь арестовал Кузнецова и Макарова, распорядился о высылке роты солдат из Барнаула и приказал собрать 23 ноября волостной сход с участием всех мастеровых и каждого десятого дворохозяина от крестьян.

Движение крестьян и мастеровых продолжало нарастать и приобретать более организованную форму. В губернаторском донесении сообщалось, что вокруг с. Берского на 25-верстном расстоянии "продолжали собираться многочисленные шумные сходки, причем главные возмутители, особенно Видеров и Харев, составляли огромные списки лиц, требовавших освобождения их от податей и других сборов на основании мнимого манифеста..."[25] На сход, объявленный губернатором, явились лишь 300 крестьян и 25 мастеровых из 500. Большинство же мастеровых (300 чел.) и немалое число крестьян собрались на свой сход в с.Ирменском в 45 в от с.Берского. Посланных для ареста Видерова чиновника и жандарма восставшие задержали сами и потребовали приезда губернатора для разъяснения манифеста, угрожая в противном случае походом на с.Берское для захвата губернатора и освобождения Макарова и Кузнецова. Губернатор, получив об этом сведения, направил в Ирменское карательную экспедицию из 150 солдат во главе с подполковником Духовецким. Прибыв в с.Ирменское к ночи 23 ноября, войска окружили и атаковали штаб восставших, разместившийся в доме мастерового Мурашкина[26].

Официальная версия дальнейших событий изложена в губернаторском донесении так: "Солдаты прибыли туда с наступлением ночи и быстро окружили дом, в коем сосредоточились коноводы, которые, когда солдаты закричали ура, сначала приняли их за своих соумышленников и отвечали им из дому тем же криком, но потом,

заметив солдат и впереди их начальствующих Стоцкого и Духовецкого, сделали по ним последним три выстрела из винтовок, но в ночной темноте не попали в них и выстрелы прошли мимо. Тогда, видя вооруженное сопротивление и в предупреждение новых выстрелов, солдаты по приказанию Стоцкого и Духовецкого дали залп в стены дома, не сделав находящимся в нем никакого вреда, требуя лишь, чтобы осажденные добровольно сдались. Последние, вооруженные ножами и дубинами, сначала хотели было защищаться и для чего погасили в доме огни: но затем, заметив наравенство сил, закричали:"Сдаемся". Далее сообщается, что были ранены двое, арестованы 38 человек, в том числе Харев, Видеров, Шабанов, выпрыгнул из окна и разбился насмерть отставной чиновник соляного ведомства Савинов (видимо, приглашенный мастеровыми для чтения "Манифеста")[27]. Крестьяне, однако, в своих показаниях на допросах отказались признать тот факт, что в доме Мурашкина была какая-либо сходка, что они имели ружья, а стало быть не могли стрелять в солдат, утверждали, что были арестованы в основном не в доме Мурашкина, а на разных квартирах и на улице[28]. Неофициальные сведения подтверждают, что солдаты дали залп по безоружным людям, а подполковник Духовецкий застрелил чиновника Савинова, протестовавшего против жестокой расправы[29].

Анализ документов позволяет судить о том, что мастеровые не имели огнестрельного оружия[30]. Жестокость карателей преследовала цель устрашения восставших. Вместе с тем власти желали скрыть от общественности факты произвола войск. Так, в донесении губернатора сначала сообщается о безвредности залпа по дому Мурашкина и лишь потом упоминается о двух раненых. Власти не допустили медицинского осмотра трупа Савинова[31]. Против чиновника Алтайского горного правления Пучеглазова, распространявшего слухи о насилиях солдат и убийстве Савинова Духовецким,было начато судебное дело[32].

Вместе с тем и официальные, и частные источники показывают, что восстания мастеровых и крестьян имели организационное ядро во главе с Харевым, Шабановым, Видеровым, готовились к активным действиям, но застигнутые внезапно не оказали серьезного сопротивления.

Разгромив ядро восставших крестьян в с.Ирменском, местные власти принимают решение устроить показательные суды над "бунтовщиками". С этой целью рота солдат прочесывала селения П и Ш

мировых участков (100 верст в длину и 200 верст в ширину) и, выполняя приказ губернатора, порола крестьян, принимавших участие в "бунте", собирая при этом сельские и волостные сходы.

Арест основных зачинщиков восстания не означал полной ликвидации движения крестьянских масс. По свидетельству того же губернатора, в "деревне появились новые "подстрекатели" из числа "разбежавшихся", которые, по-видимому, пытались подтолкнуть крестьян к продолжению борьбы, "распускали слух", что солдат, участвовавших в репрессиях, было мало - "всего 20 человек" и что они одолели восставших только потому, что застали "врасплох", случайно, проходя на службу на Амур. Крестьяне деревни Ереминой (близ Ирменского) отказали в подводах исправнику и схватили одного из посланных к ним солдат[33].

После разгрома восстания стали вноситься подати. Из арестованных 25 человек были наказаны розгами. По делу о "Бердском бунте" был учрежден военно-полевой суд, большинство "зачинщиков" сослали на каторгу и в Восточную Сибирь на поселение. Всего, по сведениям корреспондента газеты "Сибирь", подверглось репрессиям около 300 участников восстания[34].

"Бердский бунт" вызвал широкий общественный резонанс. Слухи о нем распространились по всему Алтайскому округу. Столичные газеты поместили официальные сообщения и корреспонденции о волнениях на Алтайских заводах[35].

Для царских властей стала очевидной необходимость изменений в крестьянском управлении на Алтае, введения временных льгот крестьянам и мастеровым в уплате податей. Губернатор Родзянко просил чрезвычайных полномочий, упразднения слишком либерального для Сибири института мировых посредников, увеличения численности войска[36]. Александр II одобрил действия своих сатрапов по подавлению "бунта", а Кабинет выступил против любых прогрессивных изменений и послаблений налогового гнета. Льготы мастеровым на Алтае были даны лишь в 1878 г.[37] Таким образом, Кабинет пошел по пути ужесточения административно-полицейского режима управления алтайской деревни. Подобная политика стала впоследствии причиной мощных крестьянских выступлений на Алтае в 1906-1907 гг. и 1911-1913 гг. В с.Павловском в 1911 г. крестьяне, по словам губернатора, "подняли руку на имущество государя"[38]. Восставшие крестьяне с кольями, ружьями, вилами вступили в сражение с полицией и лесной стражей, разрушили дом управляющего имением, дома лесных объездчиков, уничтожили документы

о штрафах, порвали портрет царя, наследника престола и других сановников[39].

Много хлопот местной и центральной администрации доставило с.Мормыши Барнаульского уезда в 1911-1913 гг., где крестьяне упорно боролись с грабительскими условиями землеустройства. В 1912 г. Томский губернатор получил чрезвычайные полномочия, которые безуспешно требовал его предшественник в 1869 г.[40]

Изучение подлинных документов о "Бердском бунте" позволяет, следовательно, утверждать, что это событие произошло в октябре-ноябре 1869 г., а не в 1861 г., что оно охватило большую территорию, чем считалось историками ранее. Район восстания включал, по крайней мере, 6 волостей Барнаульского округа - Ординскую, Берскую, Легостаевскую[41], Чингинскую, Боровлянскую, Тальменскую с населением около 25 тыс.чел. Это выступление по масштабу и по характеру действий мастеровых и крестьян можно, на наш взгляд, считать восстанием, как и события в с.Бездна, Черный Гай и др. "Бердскому бунту" были присуще те же основные черты крестьянских восстаний - царистские иллюзии и лозунги, толкование официальных документов в духе крестьянских чаяний, выдвижение вожаков-чтецов "Манифеста", слабая организованность. Особенностью его было активное участие бывших мастеровых Кабинета.

В целом можно сделать вывод, что Бердское восстание 1869 г.- одно из наиболее выдающихся крестьянских выступлений в 60-е гг. XIX в. в России и наиболее значительное в Сибири прошлого века. Этот факт, по мнению авторов настоящей статьи, должен найти свое место в обобщающих трудах по истории Сибири и СССР, должен быть отражен в своде исторических памятников и памятных дат Новосибирской области и Алтайского края, на территории которых развернулись события Бердского восстания.

---

1. Бородавкин А.П., Топчий А.Т. Наделы и повинности мастеровых и урочников на Алтае по реформе 1861 г. // Из истории Сибири. Томск, 1971. Вып.1. С.108-161.
2. ЦГИА СССР, ф.468, оп.23, д.2675.
3. Там же, ф.1261, оп.6,д.114,л.11.
4. ГАОО, ф.3, оп.9, д.15380, л.24.
5. См.: Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С.239-241.
6. Голубев П. Горное дело // Алтай. Томск, 1890, с.378.

7. Савельев Н. Крестьянская реформа 1861 года на Алтае. Барнаул, 1950. С.36-37; Мухин А.А. Из истории рабочего движения в Сибири (1861-1895 гг.) // Экономическое и политическое развитие Сибири в 1861-1917 гг. Новосибирск, 1965. С.135; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т.3. С.131 и др.
8. Рабочее движение в России в XIX в., М., 1950. Т.2. Ч.1. С.607; Прудникова Т.П. Крестьянское движение в Томской губернии во второй половине XIX века // Известия Новосибирского отдела географического общества СССР. Новосибирск, 1958. Вып.4. С.10; Мамсик Т.С. К вопросу о крестьянском движении на Алтае в пореформенный период (Ирменское волнение 1869 г.) // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С.34-42.
9. Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1972. С.87-88.
10. См.: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С.154; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С.168.
11. ЦГИА, ф.1291, оп.53, д.229; ЦГВИА, ф.1, оп.2, д.774; Сибирь. 1981. 17 мая, 14 июня; "Весть", 1870. 14 янв. и др. Материалы дела о "Бердском бунте", насчитывающие, по сохранившемуся описанию, около 1,5 тыс. страниц, историками пока не обнаружены.
12. Томские губернские ведомости. 1868. 14 июня.
13. Там же. 1868. 11 окт.
14. ГАТО, ф.3, оп.11, д.1129, л.10-229; ЦГИА, ф.468, оп.19, д.1012, л.3-9,38.
15. ГААК, ф.2, оп.3, д.2628, л.717.
16. ГААК, ф.2, оп.3, д.2013, л.38-39; ЦГИА, ф.1291, оп.53, д.229 л.7.
17. ЦГИА СССР, ф.1291, оп.53, д.229, л.7.
18. ЦГИА, ф.1291, оп.53, д.229, л.10,15; ф.1405, оп.67, д.1997, л.98-100.
19. ГААК, ф.2, оп.3, д.2013, л.38-39.
20. ЦГИА, ф.1291, оп.53,д.229,л.7.
21. Там же. Л.7-8.
22. Там же. Л.9.
23. Там же.

24. Там же. Л.10,15.
25. Там же. Л.10 об.
26 ЦГЗИА, ф.1, оп.2, д.774, л.73-74.
27. ЦГИА, ф.1291, оп.53, д.229, л.12; ф.1405, оп.67, д.1997, л.102-103.
28. ГААК, ф.2, оп.3, д.2013, л.40.
29. Сибирь, 1881, 14 июня; ГААК, ф.2, оп.3, д.2013, л.1.
30. ГААК, ф.2, оп.3, д.2013, л.40.
31. Там же, л.11.
32. Там же, л.1-49.
33. ЦГИА, ф.1291, оп.53, д.229, л.22.
34. Сибирь . 1881 . 14 июня. Утверждения некоторых историков о многочисленных жертвах во время подавления бунта не соответствуют истине (см.: Савельев Н. Указ.соч. С.37; Мухин А.А.Указ.соч.С. 88 и др.).
35. Весть. 1870. 14 янв.; СПб. ведомости . 1870 . 14,15 янв.; Правительственный вестник .1870 .27 янв.; Биржевые ведомости . 1870 .14 янв.
36. ЦГИА, ф.1291, оп.53, д.229, л.16-17.
37. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979 . С.119,128,129. Предполагавшееся введение мировых учреждений для государственных крестьян в Сибири не было осуществлено (ГАОО, ф.3, оп.6, д.3224, л.670).
38. ГАТО, ф.2 "а", оп.44, д.1069, л.258.
39. Крестьянство Сибири... С.248.
40. ЦГИА, ф.1291, оп.20, д.52, л.404.
41. А не Локтевской, как пишется в книге "Крестьянство Сибири в эпоху капитализма" (Указ.соч., с.168).

З.И.ПАНТЕЛЕЕВ

К ВОПРОСУ О ПАССИВНЫХ ФОРМАХ БОРЬБЫ СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX вв.)

В работах советских историков о крестьянском движении в Сибири периода империализма основное внимание уделяется открытым и активным выступлениям крестьянства[1]. Этот аспект изучения правилен, но не исчерпывает всего многообразия форм проявления протеста. Даже в период подъема крестьянского движения в годы первой русской революции, по оценке В.И.Ленина, "меньшая часть крестьянства "действительно боролась" против самодержавия. "Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала ходателей"[2]. В этой характеристике В.И.Ленина выделяются коренные недостатки в классовом сознании и психологии массы крестьянства и вместе с тем оттеняются некоторые специфические особенности проявления недовольства крестьянства. В этой связи представляется актуальным изучение скрытых и пассивных форм крестьянского протеста, к числу которых относятся жалобы, прошения и ходатайства крестьян. В настоящей статье делается попытка проанализировать эти формы протеста крестьян-старожилов Енисейской губернии, связанные с землеустройством.

К землеустройству в Енисейской губернии полностью относится характеристика В.И.Лениным аграрной политики царизма как крепостническо-бюрократической, стремившейся обеспечить условия для развития капитализма прусского типа. В.И.Ленин показал, что особенно в годы проведения столыпинской аграрной политики в Сибири ухудшилось земельное положение переселенцев и старожилов, а "земельный вопрос должен был крайне обостриться"[3].

Землеотводные работы, в ходе которых создавались земельные и лесные дачи единственного владения казны, казенно-оброчные статьи, переселенческие запасные участки, а также работы по поземельному устройству старожилов резко сократили масштабы захватного крестьянского землепользования и дали возможность царизму выделить дополнительные площади земли для переселенцев, расширить земельно-лесное хозяйство казны как один из источников эксплуатации крестьян.

Как показано исследователями, землеустройство, особенно в

годы столыпинской аграрной политики, было одной из главных причин активных и открытых выступлений крестьянства[4]. Однако наибольшее распространение в борьбе старожилов против землеустройства получили формы пассивного протеста - жалобы и ходатайства с требованиями о сохранении прежних земельных угодий и возвращении уже отрезанных. Преобладание таких форм протеста обусловливалось главным образом низкой политической сознательностью крестьянства. Но необходимо учитывать и конкретно-историческую обстановку в стране, ограничивавшую в те или иные периоды (например, столыпинской реакции) применение других средств борьбы.

Массовый протест крестьян в виде жалоб и ходатайств вызывал курс самодержавия на утверждение монопольного права казны на земли в Сибири путем образования и эксплуатации казенных лесных дач и оброчных статей. Работы по выделению казенных лесных дач начались в Енисейской губернии в 1893 г. и производились в быстрых темпах. Уже к I января 1898 г. площадь лесных дач единственного владения казны составляла 5547439 дес.[5] Чиновник губернского переселенческого управления В.Ю.Григорьев отмечал: "Заказники образовывались огромными отрубами... благодаря слишком большой наклонности к спрямлению границ, в заказники отходили пашни и покосы крестьян, а не одни только лесные насаждения"[6].

В своих прошениях крестьяне указывали на изъятие у них в результате образования лесных заказников и казенно-оброчных статей сельскохозяйственных угодий[7], на некачественное проведение лесоустроительных работ. "Доверители мои,- писал в прошении к Ачинскому окружному исправнику доверенный Мало-Улуйского сельского общества Я.И.Рябенко,-... терпят невинно кару... за самовольную будто бы порубку леса в казенной даче и вследствие этого взыскивается штраф... Между тем о месте нахождения границ они совершенно ничего не знают..."[8] Ходатайствуя о возвращении отрезанных в казну земель, крестьяне, как правило, жаловались на взяточничество и лихоимство лесной администрации[9].

По крестьянским ходатайствам на местах производились дознания, носившие в большинстве случаев формальный характер. Например, при работе в 1908 г. жалобы крестьян д.Кульчекской на отрезку земли при образовании заказника пристав I-го стана Минусинского уезда "авторитетно выразился, что если бы лесничий провел грань даже у самой деревни, то и тогда (грань казенной

дачи- В.П.) никто не отменит". Он угрожал вызвать воинскую команду[10].

Лишь в отдельных случаях власти вынуждены были идти навстречу крестьянам. В результате жалоб старожилов деревень Идлжинской и Средней Шуши Минусинского уезда был уволен со службы лесной объездчик Сягин, объездчик Губанов переведен на другой участок, а из пределов казенной дачи были исключены крестьянские угодья[11]. В неурожайном 190[illegible] г. под влиянием многочисленных ходатайств иркутский генерал-губернатор разрешил бесплатное сенокошение и пастьбу скота в пределах казенных дач Енисейской губернии[12].

Жалобами встретили старожилы и начавшиеся в 1893 г. работы по отводу переселенческих запасных участков. Старожилы д.Лопатино Красноярского уезда в своей жалобе писали, что общество "по случаю образования в 1893 г. новых переселенческих участков осталось без сенокосных лугов, т.к. владеемые им покосы, за исключением самой малой части, отошли в названные участки"[13]. Иногда из-за боязни потерять при образовании переселенческих и запасных участков земли фактического пользования старожилы возбуждали предупредительные ходатайства об отводе лесных наделов. Так поступили крестьяне 17 селений Ирбейской волости Канского уезда в 1904 г.[14]

Поток жалоб на изъятие земель при образовании переселенческих участков усилился в годы столыпинской аграрной реформы. В соответствии с секретным циркуляром главноуправляющего землеустройством и земледелием кн. Васильчикова от 23 декабря 1906 г. был сокращен объем работ по поземельному устройству старожилов, а межевые чины получили возможность отрезать "излишки" земли у неустроенных старожильческих селений . Согласно инструкции отрезка земли у старожилов разрешалась при условии согласия крестьян, выраженного в приговоре. Но на практике это положение легко обходилось. Производители работ часто заставляли крестьян составлять необходимый приговор или производили отрезки земли без согласия сельского схода[15]. Такое положение было не исключением, а нормой. Когда на производителя работ И.К.Ковригина, незаконно изымавшего земли у старожилов, поступили жалобы крестьян деревень Денисовой, Кондратьевой, Макаровой и Топольской, он не был отстранен от работ, поскольку в районном переселенческом управлении подобные жалобы были на всех производителей работ. Жалобы на незаконные действия

И.К.Ковригина поступали и в дальнейшем[16].

Лишь иногда, учитывая возможность открытых выступлений крестьян, власти шли им на уступки. Например, в 1910 г. от села Ношинского Канского уезда было отрезано с 10 переселенческих и запасных участков около 10 тыс.дес. удобной земли с 642 дес. пашни. Землеотводные работы были признаны незаконными, и весной 1912 г. началось поземельное устройство селения, в ходе которого его надел был увеличен[17].

К поземельному устройству старожильческих селений в губернии землеустроительные партии обычно приступали, когда старожильческие наделы уже были значительно сокращены землеотводными работами. Неудивительно, что 15-десятинная норма надела на душу мужского пола при поземельном устройстве не выдерживалась. Окончательное устроенные крестьяне Енисейской губернии получили в среднем земельные наделы по 13,3 дес. на душу мужского пола, в в густонаселенном Красноярском уезде - 11,7 дес.[18]

Поземельное устройство в Енисейской губернии как бы подводило итог земельному ограблению старожилов. Изучение жалоб и ходатайств старожилов с поземельным устройством во всей их совокупности позволило бы углубить изучение аграрного вопроса в Сибири, более конкретно исследовать некоторые стороны социально-политической обстановки в сибирской деревне.

По землеустроительным законам 1896-1898 гг. крестьяне могли подавать ходатайства в поземельно-устроительные комиссии и обжаловать решения этих комиссий в трехмесячный срок в общие присутствия губернских управлений (апелляционной инстанцией являлся сенат). В качестве источника нами используются журналы общего присутствия Енисейского губернского управления. Хорошая их сохранность позволяет утверждать, что проведенная статистическая обработка охватила почти все материалы о землеустройстве с жалобами и ходатайствами крестьян-старожилов за 1900-1914 гг.

Мы проанализировали дела о землеустройстве 343 селений[19] (на 96 из них были заведены дела и об отводе лесных наделов), в том числе 194 селений Минусинского уезда, 95 - Красноярского, 50 - Ачинского и 4 - Канского. Если учесть, что на 1917 г. в губернии насчитывалось 957 старожильческих селений, то совокупность числа селений, взятых для изучения в связи с землеустройством, составит более 34%. Такой представительный охват числа селений вполне может выразить основные тенденции про-

теста крестьян против землеустройства. Всего выявлено 516 ходатайств[20].

Процентное соотношение различных по характеру требований ходатайств сведено в таблицу:

Таблица I

Характер крестьянских ходатайств в Енисейской губ. в 1900 - 1914 гг.

Наименование ходатайств	Минусинский уезд	Красноярский уезд	Ачинский уезд	Губерния
I. О прирезке из:				
1) каз.-оброчных стат.	7,5	5,0	1,7	6,0
2) каз.лесных дач	11,0	17,5	11,8	13,4
3) своб.-казен.земель	6,5	16,9	1,7	9,1
4) запасных участков	1,7	0,6	5,1	1,7
5) переселен.участков	2,4	1,2	1,7	2,3
6) соседних селений	7,9	7,5	11,9	7,9
Итого	39,0	48,7	33,9	40,4
II. О сохранении излишней против нормы земли при условии допринятия переселенцев	26,7	13,1	42,9	24,8
III. О сохранении права эксплуатации рыболовных угодий, отрезанных при землеустройстве	13,7	15,6	-	12,6
IV. Об изменении условий отвода и пользования лесом	2,4	8,8	1,7	6,8
V. Прочие ходатайства	19,8	13,8	21,5	15,4
VI. Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из табл.I, самыми массовыми были ходатайства о прирезках земли, составлявшие 40,4% всех ходатайств. Среди них преобладали требования о прирезках из земель казны - 30,2%, в том числе из казенно-оброчных статей - 6,0%, казенных лесных дач - 13,4%, свободных казенных земель - 9,1%, запасных участков - 1,7. Удельный вес ходатайств о прирезках возрастает в

1908-1914 гг., достигнув по губернии в этот период 44%, а по Красноярскому уезду - 65%. Это свидетельствует об обострении земельного вопроса в Енисейской губернии в ходе проведения столыпинской аграрной политики.

По своему удельному весу и значению второе место занимали ходатайства о сохранении излишней против нормы земли при условии допринятия переселенцев - 24,8%. Возбуждая эти ходатайства, крестьяне стремились сохранить излишние против нормы земли своего фактического пользования.

Удовлетворение подобных ходатайств означало завуалированную отрезку земель у старожилов. Преобладание таких ходатайств по Ачинскому уезду свидетельствует об относительно более "благополучном" земельном положении старожилов этого уезда. Старожилы Красноярского уезда, получившие как и в Иркутском уезде, самые небольшие наделы в Сибири, почти не прибегали к подобным ходатайствам, так как их "излишние" земли были уже отобраны в ходе землеотводных работ.

Ходатайства о сохранении права эксплуатации рыболовных угодий, отрезанных при землеустройстве, свидетельствуют о нежелании крестьян переходить на надельное пользование этими угодьями. Среди ходатайств об изменении условий отвода и пользования лесом преобладали просьбы об увеличении нормы ежегодной вырубки леса в отведенных лесных наделах, определяемые управлением государственных имуществ. В годы первой русской революции крестьяне более решительно протестовали против определения ежегодной нормы вырубки леса. Так, при предъявлении 16 апреля 1906 г. крестьянам деревни Айтатской Еловской волости Красноярского уезда, предложения о размере ежегодной вырубки леса со стороны крестьян последовало заявление, что "они отказываются от установления ежегодной рубки леса до созыва Государственной думы, которая... отменит все ограничения крестьян землей и лесом, введенные поземельным устройством"[21].

Статистический анализ выявленных ходатайств свидетельствует об их направленности против феодального по классовой природе и юридическому выражению казенного землевладения. Вместе с тем источники отразили определенные особенности поземельных нужд и требований крестьян в зависимости от специфики естественно-исторических условий, степени насыщенности тех или иных районов переселенцами, масштабов развития земельно-лесного хо-

зяйства казны.

Хотя царская администрация вынуждена была удовлетворять ряд ходатайств крестьян по фискально-экономическим и политическим мотивам, общая антикрестьянская направленность землеустроительной политики царизма должна была усиливать недовольство в крестьянской массе и расширять базу для активных форм крестьянского движения. Так, показателен жесткий курс царской администрации на сохранение земельной собственности казны. Наиболее ценные казенные лесные дачи с точки зрения удобства сбыта лесных материалов находились в Красноярском и Ачинском уездах. В итоге ходатайства о прирезках из казенных дач удовлетворялись по Минусинскому уезду на 59,4%, Красноярскому - 32,1%, Ачинскому - 14,3%. Отклонялись ходатайства о ловле рыбы в пределах казенных дач. Просьбы о прирезках казенных оброчных статей удовлетворялись на 61,3%, но это были малодоходные или значительно ухудшающие конфигурацию наделов земли. Неохотно власти шли на удовлетворение просьб о прирезках из соседних селений, так как это вызывало встречные ходатайства и жалобы[22].

Попытки крестьян обжаловать неудовлетворительные ходатайства в губернское управление были частыми, но, как правило, безрезультатными. Процент обжалованных старожилами дел о землеустройстве за 1900-1914 гг. составлял около 32%, поднимаясь в 1908-1910 гг. до 41,9%. Это подтверждает вывод о том, что в годы относительного спада революционного движения возрастает удельный вес скрытых и пассивных форм крестьянского протеста.

Крестьяне Сибири, в том числе и Енисейской губернии, вели борьбу против землеустройства в различных формах, иногда выливающихся в активные и открытые выступления. Жалобы и ходатайства как легальная форма протеста против земельной политики царизма свидетельствовали не только о недостаточной осознательности крестьянской массы, но прямо или опосредованно включались в общедемократическую классовую борьбу крестьянства.

---

1. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1976. С.160; Бердникова С.А. Крестьянское движение в Восточной Сибири в революции 1905-1907 гг. Красноярск, 1981. 18 с.; Кондриков В.В. Крестьянское движение в Западной Сибири в период первой русской революции. Омск, 1976. 159 с.; Самосудов В.М. Революционное движение в Западной Сибири (1907-

1917 гг.). Омск, 1970. 254 с.; Он же. Революционное движение в Западной Сибири (1907-1917 гг.). Омск, 1971. 196 с.и др.
2. Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т.17, с.211.
3. Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.23, с.105,269.
4. См.: Когут М.Т. Землеустроительные реформы царизма на государственных землях Сибири в конце XIX - начале XX вв. Новосибирск, 1984. 18 с.; Ноздрин Г.А. Крестьянское движение в Сибири в 1907-1914 гг. Новосибирск, 1984. 18 с.; Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. М., 1962. 588 с.
5. Отчет по лесному управлению министерства земледелия и государственных имуществ за 1897 г. СПб., 1898, с.10.
6. ГАКК, ф.595, оп.53, д.92, л.202.
7. ГАЮ, ф.25, оп.10, д.2738, л.11об. Там же, оп.9, д.3003, лл. 1,4.
8. ГАКК, ф.401, оп.1, д.1739, л.13.
9. ГАЮ, ф.25, оп.9, д.123, лл.17 об, 100.
10. Там же, ф.25, оп.10, д.2738, л.11.
11. Там же, ф.25, оп.9, д.123, лл.83 об., 89 об.
12. ГАКК, ф.401, оп.1, д.2108, лл.11,15,16,23.
13. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С.160-161.
14. Комаров А.И. Правда о переселенческом деле. СПб., 1913, с.41.
15. Там же. С.58.
16. Тюкавкин В.Г. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906-1910 гг.- Учен.зап.// Иркутский пед.ин-т.Благовещенск, 1958. Вып. 16, С. 120.
17. ГАКК, ф.595, оп.53, д.571, лл.53-63.
18. Храмков А.А. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы в Сибири (1896-1916 гг.) // Из истории Алтая. Томск, 1978. С.62.
19. Некоторая часть старожильческих селений не была затронута землеустройством или землеустройство там не завершилось. Почти полностью к 1917 г. закончилось землеустройство старожилов в Минусинском и Красноярском уездах.
20. Подсчеты произведены по материалам: ГАКК, ф.595, оп.53, дд.92,125,141,166,178,196,247,365,398,457,517,540,571,617,618.
21. ГАКК, ф.595, оп.53,д.247, л.222.
22. ЦГИА СССР, ф.1344, оп.263, д.1252, л.9.

В.И.ЗИНОВЬЕВА

ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Одним из необходимых условий осуществления пролетариатом гегемонии является рост организованности его рядов. "У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации,"- писал В.И.Ленин[1]. История создания рабочим классом России своих профессиональных организаций привлекает все большее внимание советских исследователей в связи с попытками буржуазных фальсификаторов представить борьбу российских рабочих стихийной, неорганизованной, бунтарской по форме. В последнее время появился ряд работ, посвященных начальным этапам рабочего движения и зарождению первых классовых организаций[2].

Применительно к Западной Сибири эта тема еще не получила своего освещения. Автор статьи предпринимает попытку показать, что и на территории Западной Сибири, как и в стране в целом, в предреволюционный период шел процесс роста организованности рабочих.

В конце XIX в. в общественно-политической жизни России, несмотря на жесткий контроль многочисленных институтов царского самодержавия, наступил новый общественный подъем. Под его влиянием правительство вынуждено было ослабить реакционный курс своей политики, хотя в целом режим политического бесправия сохранился. Господствующие классы пытались укрепить свое влияние и положение, применяя более гибкую, чем раньше, политику в рабочем вопросе, становившемся одним из центральных по мере развития капитализма.

К проявлениям правительственного либерализма, в частности, относились разработка проектов государственного страхования, циркуляр 1898 г. министра финансов Зитте, предписывающий полицейским органам при возникновении стачек ограничиваться ролью увещевателей, записка С.В.Зубатова о создании легальных организаций под контролем полиции и т.п.

Традиционные меры борьбы с рабочим движением (аресты, ссылка, тюремное заключение, каторжные работы) стали дополняться более разнообразными и тонкими методами идейного воздействия, направленными на развращение классового сознания рабочих, подкуп наиболее высокооплачиваемых из них. Это направление в правительственной политике было вызвано растущей сознательно-

тью и организованностью рабочего движения и учитывало опыт борьбы западноевропейской буржуазии с деятельностью тредюнионов.

С 90-х гг. XIX в. до 1904 г. были разработаны и введены общие правила оформления различных самодеятельных организаций (ссудосберегательных касс, потребительских товариществ, обществ взаимопомощи) и их примерные уставы, в которых формулировались цели обществ, состав, права, обязанности участников, источники пополнения денежных средств, выдачи ссуд и др.[3]

Согласно циркуляру 1904 г. учредители общества подавали заявление, содержащее просьбу об открытии, заверенное нотариусом, 7 экземпляров отпечатанного проекта устава. Если предложенный устав соответствовал примерному, открытие общества полностью зависело от губернатора. В случае незначительных отклонений все документы отсылались в соответствующее министерство и начиналась длительная волокита, нередко заканчивающаяся отказом.

Правительство, разрешая организацию рабочими своих легальных обществ, стремилось направить растущую активность рабочих в относительно безобидное для себя экономическое русло, рассчитывало отвлечь их от более наступательных форм борьбы. В то же время понимая, что объединение рабочих даже в такого рода организации неизбежно имеет своим следствием классовую консолидацию, оно всячески ограничивало число легальных обществ, затрудняя количественный их рост и регламентируя деятельность. Легальные рабочие объединения могли существовать только при строгом контроле хозяев или администрации предприятий, при их прямом вхождении в правления создаваемых организаций. Клубы для развлечений, потребительские и ссудосберегательные товарищества формально были доступны для всех категорий рабочих. Общества взаимопомощи с более широким кругом задач, культурно-просветительских , в частности, разрешались гораздо реже, причем общественно-политическая сторона их деятельности исключалась полностью.

При общем в стране небольшом количестве рабочих общества в Сибири их насчитывалось единицы. Являясь далекой окраиной Российской империи, Сибирь отставала в экономическом и культурном отношении от центра. Реакционность и деспотизм полицейского режима проявлялся на окраинах в еще более грубой форме. Откровенно грабительская политика центральной власти и хищения местной администрации вызывали всеобщее недовольство. Сибирь, кроме того, были лишена даже тех "милостей", которые самодержавие позво-

ляло обществу: здесь отсутствовали земские учреждения, было еще более урезано ограниченное рабочее законодательство.

Тем не менее оживление общественно-политической атмосферы в стране коснулось и этой окраины. Усилились роль и политический вес буржуазии в общественной жизни края, расширилась практика ее попечительства в рабочем вопросе. Результатом этого, а также и инициативы самих рабочих, явилось создание первых легальных организаций с участием рабочих.

Еще в конце 70-х годов XIX в. были открыты первые ссудосберегательные товарищества горнозаводских рабочих. В 1876 г. возникла ссудосберегательная касса на Гурьевском заводе, объединившая 95 чел. и имевшая оборотные средства в 1887 р., выросшие за три последующих года до 6047 р.[4] Через год, в 1877 г., было учреждено ссудосберегательное общество на Салаирском руднике, в которое вступило 267 членов с первоначальным капиталом в 4 тыс.р. К 1880 г. он увеличился до значительной суммы-66932 р.[5] По своему назначению кассы должны были принимать взносы от рабочих и выдавать им ссуды. Это была начальная и простейшая форма объединения рабочих.

Несколько позднее, в 1897 и 1898 гг., возникли общества потребителей на Зыряновском руднике, объединявшие 150 чел.[6] и Гурьевском заводе[7]. Они облегчали экономическое положение рабочих, ограждая их от посреднической эксплуатации в сфере потребления, способствовали выработке элементов коллективизма и навыков хозяйственной деятельности. Однако высокий денежный пай в 25 р., недоступный для широкой массы рабочих, а также возможность иметь до 20 и более паев ограничивали состав этих кооперативов высокооплачиваемыми рабочими и служащими.

В последующие годы деятельность этих потребительских обществ протекала довольно вяло. В 1902 г. было сначала временно закрыто (в связи с закрытием предприятия) Зыряновское общество[8]. Затем, по свидетельству участников, оно "само собой распалось и прекратило свою деятельность"[9]. Возобновление его работы произошло в годы первой мировой войны[10]. Другой кооператив - Гурьевское потребительское товарищество - перестал функционировать в связи с временным закрытием предприятия в 1909 г.

Кроме горняков потребительское общество имели железнодорожники Сибирской магистрали. Отделения этого общества открывались по мере ввода станций в эксплуатацию. Накануне революции

на западносибирском участке дороги действовало семь его отделений - в Омске, Тюмени, Карачах, Каинске, Томске, Боготоле. Вместе с восточносибирским участком дороги участников кооператива в 1904 г. насчитывалось 5080 чел., а оборотный капитал составлял 16 тыс.р. Рабочие и мелкие служащие составляли основную массу членов, но в деятельности кооператива участвовали как заборщики товаров. Правление было фактически подчинено администрации дороги, которая назначала 1/3 наблюдательного совета (непосредственного органа управления делами общества), членов ревизионной комиссии, давала разрешения на устройство собраний уполномоченных.

Являясь типичной формой патерналистской политики правительства по отношению к рабочим, находившиеся практически в полной зависимости от хозяев и администрации предприятий кооперативы в дореволюционный период очень мало могли дать рабочим даже в плане развития их хозяйственной самодеятельности. Малочисленность потребительских товариществ, связанная с политическим бесправием рабочих и низким социальным уровнем их развития, в сочетании с серьезной конкуренцией хозяйских лавок понижала их значение в деле объединения рабочих.

Другой формой узкопрофессиональных объединений рабочих были общества взаимопомощи, получившие наибольшее распространение у типографских, торговых рабочих и служащих, других демократических слоев. В 1901 г. в Барнауле было создано "Общество вспомоществования личного труда", которое насчитывало 30 чел., а через год - 150 чел. В числе его руководителей были ссыльные народники В.Н.Штильке, М.Курский и др. "Общество", по агентурным данным, сосредоточивало "неблагонадежные элементы", служило "постепенному сближению приказчиков, контрощиков и мелких служащих"[11]. Но одновременно оно принимало в свой состав владельцев предприятий, жертвовавших крупные денежные суммы. Так, в числе членов состоял купец Вершинин и владелец спичечной фабрики Невлер[12]. Это общество, - писал в своих воспоминаниях В.Шемелев, - носило характер товарищеской кассы взаимопомощи"[13]. В 1904 г. оно преобразовалось в "Общество взаимопомощи приказчиков".

Две другие профессиональные организации торговых рабочих и служащих оформились в конце 90-х гг. XIX в в Томске и Омске. Томское общество взаимопомощи приказчиков было создано в 1892 г и насчитывало в момент своего создания 151 чел.[14], из которых

только 71 являлись приказчиками, остальные были управляющими, конторщиками и т.д. Свои средства - 14,5 тыс.р.-общество направляло на выдачу пособий, медицинское обслуживание своих членов, на открытие (в 1894 г.) библиотеки. К 1900 г. численность общества увеличилась до 224 чел.и оставалась приблизительно одинаковой на протяжении последующих 11 лет[15]. По-прежнему значительным в нем оставался процент высокооплачиваемых служащих. Кроме них почетными членами состояли губернатор, хозяева торговых фирм, жертвовавшие крупные денежные субсидии и имевшие влияние на ход дел в обществе. Помимо своей основной задачи - выдачи ссуд, общество занималось культурно-просветительской деятельностью. В 1902 г. при нем была открыта школа, в которой обучалось в 1907 г. 80 чел.[16]

Выдача денежных ссуд была основной функцией общества вспомоществования лиц, занимающихся ремесленным трудом в г. Томске. Оно было образовано в 1903 г. на основе упраздненной ремесленной управы и унаследовало весь ее капитал в 35 тыс.р. Это общество объединило около 70 высококвалифицированных ремесленников-одиночек и хозяев ремесленных заведений. Согласно уставу они имели право на получение возвращаемых ссуд от 20 до 800 р. и безвозмездных - в размере 15 р.[17] Общество организовывало для своих членов медицинскую, в том числе и бесплатную помощь, покупку товаров по льготным ценам, имело школу для детей.

Аналогичной деятельностью, не выходящей за рамки денежной помощи и просветительства, занималось и общество взаимопомощи приказчиков в Омске.

Существование этих обществ явилось ярким примером того, как в условиях России всякая самодеятельность заключалась в рамки "разрешенной" и противопоставлялась подлинным целям трудящихся масс. Только под влиянием рабочего движения и работы социал-демократов торговые рабочие поднимались до уровня понимания своих классовых интересов.

Примером этого может служить петиция Иркутского общества взаимопомощи приказчиков, содержащая требование 8- часового рабочего дня и права на образование профсоюзов. Эта петиция была поддержана затем приказчиками Воронежа, Казани, Одессы, Саратова и других городов[18].

Организация легальных культурно-просветительных обществ также лежала в русле официальной политики правительства. Раз-

решено было создание развлекательных клубов и общественных собраний. Последние особенно были распространены среди железнодорожников. В 1903 г. такое собрание было открыто в Томске, в марте 1904 г. - в Красноярске и Омске. О характере этих организаций можно судить по тому, что в члены Томского общественного собрания запрещался доступ прислуги и чернорабочих и поощрялось вхождение высококвалифицированных рабочих и служащих[19]. Подобные формы объединения не могли удовлетворить потребности рабочих в самообразовании и повышении общего культурного уровня. Эта цель отчасти достигалась устройством нелегальных объединений.

Представляется вполне вероятным существование среди многочисленного отряда рабочих Барнаула (пимокатов) нелегальной организации, сведения о которой содержатся в сборнике воспоминаний "Барнаульские пимокаты". Целью этой организации было "объединение рабочих на почве улучшения экономических и правовых норм"[20]. В числе ее организаторов и руководителей были лица, близкие к социал-демократии,-братья Семьяновы, братья Богословские, Ф.Гаврилов и др. На практике, судя по воспоминаниям, эта организация барнаульских пимокатов представляла собой полуоформленное общество самообразования со своей библиотекой и различными кружками. Время от времени оно устраивало концерты, спектакли, сбор с которых шел на помощь нуждающимся.

Приведенные факты свидетельствуют. что во второй половине XIX в. в Западной Сибири появились, хотя и несколько позднее, чем в центре страны, первые узкопрофессиональные объединения рабочих и демократических слоев городского населения (ссудо-сберегательные товарищества, потребительские кооперативы, общества взаимопомощи). В Центральной России подобные организации начали возникать с конца 30-х гг. XIX в. и распространялись шире[21].

В Зауралье этот процесс сдерживался помимо общих причин меньшей численностью пролетарских кадров и более слабым развитием классовых противоречий. Из-за боязни полицейских репрессий легальные организации не предпринимали никаких попыток участия в общественно-политических мероприятиях. Определенное значение в их деятельности имела материальная поддержка нуждающихся и культурно-просветительная работа. При таких скромных возможностях и общей малочисленности роль этих объединений в формировании организованности и классового сознания рабочих

была незначительна. Подлинно классовое воспитание они получали, участвуя в стачечной борьбе, социал-демократических кружках.

Превращение пролетариата в самостоятельную политическую силу могло произойти только при условии внесения в стихийное рабочее движение социал-демократического сознания и организации революционной социал-демократической рабочей партии.

Начало социал-деомкратической пропаганды в среде западносибирских рабочих и объединения наиболее сознательных из них в социал-демократическую организацию относится к концу 90-х гг. XIX в. - началу 900-х гг. В 1896 г. В.Воложаниным был создан первый рабочий с.-д. кружок в типографии Макушина в Томске. В него вошли рабочие Н.Дербышев, Н.Баранов (Урубков), Н.Колмаков и др. Деятельность этого кружка свелась к знакомству с социал-демократической теорией, печатанью и распространению прокламаций. Кроме того, участники кружка стремились легализовать профессиональное объединение типографских рабочих города. В 1898-1899 гг. они организовали нелегальную кассу взаимопомощи на случай забастовки в составе 120 чел.[22] Председателем ее являлся Н.Дербышев, казначеем-Н.Урубков. Однако вскоре ее организаторы были арестованы, касса ликвидирована. Только в 1901 г. было получено официальное разрешение на устройство "Общества книгопечатников". В следующем году оно охватывало уже 116 чел.[23] Еще через год при нем была открыта ссудосберегательная касса[24]. По агентурным данным Томского губернского жандармского управления, фактическим председателем этого "общества" был В.Калико, член Томского социал-демократического комитета[25]; другой социал-демократ, член Сибирского союза РСДРП, Н.Доброхотов имел постоянную связь с правлением[26]. Преувеличение роли легальных объединений в рабочем движении было характерно для экономизма, сводившего все его содержание к стачкам, обществам взаимопомощи и кружкам, что сужало размах социал-демократической работы и приводило к усилению буржуазного влияния на пролетариат. Экономисты находили своих сторонников и в Сибири, где были еще более неразвиты классовые противоречия и имелся слабый слой рабочих-передовиков.

Созданное "Общество книгопечатников" не могло быть чисто классовой организацией (по уставу оно должно было иметь и имело почетных членов и в их числе владельцев типографий), сот-

рудничало в области просветительства с сибирскими областниками, испытывая на себе их влияние. Являясь среди типографских рабочих единственным в это время (в Западной Сибири), это общество в целом сыграло положительную роль. Приобретенный опыт подготовил типографских рабочих города к образованию своего профсоюза, сумевшего действовать нелегально в течение ряда лет. Существование "Общества книгопечатников" давало социал-демократам легальную возможность для пропаганды и привлечения кадров для своей организации.

В Сибири так же, как и в России в целом, получили распространение легальные рабочие организации. Их было немного. И не только потому, что для них была слаба социальная опора, но и потому, что в российских условиях их деятельность была малоэффективной в деле улучшения экономического положения рабочих, а сама их организация и деятельность принимала бюрократическую окраску. Более действенной была стачечная борьба. Тем не менее социал-демократы в Сибири так же, как и в других районах страны, стремились в предреволюционный период возглавить и организовать все основные формы борьбы пролетарских масс.

---

1. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.8 с.403.
2. Ольховая Л. Рабочая кооперация как форма организации пролетариата // Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 256-270; Ушаков А.Д. Борьба за единство рабочего класса России. М., 1981.
3. В 1838 г. была основана первая вспомогательная касса для типографщиков и литографов Петербурга. (См.: Прокопович С.Н. К рабочему вопросу в России. СПб., 1905. С.8).
4. Поникаровский Д. Сельские общества Салаирской волости. Записки ЗСОИРГО. Омск, 1882. Кн.IУ. С.49.
5. Там же. С.23.
6. ГАТО, ф.3, оп.4, д.2409, л.II.
7. ГАТО, ф.3, оп.4, д.4219, л.7.
8. ГАТО, ф.3, оп.4, д.2409, л.31.
9. ГААК, ф.160, оп.4, д.884, л.137-139.
10. ГАТО, ф.3, оп.12, д.3290, л.7 (Из отчета общества потребителей на Сибирской железной дороге за 1904 г.).
11. ГАТО, ф.411, оп.1, д.97, л.326 (Из донесения помощника начальника начальнику ГЖУ г.Томска).

12. Там же. Л.238.
13. Шемелев В. Алтай // 1905 г. в Сибири: Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск, 1925. С.146.
14. ГАТО, ф.3, оп.4, д.2337, л.16. (Об учреждении в Томске общества взаимного вспоможения приказчиков).
15. Отчет общества взаимопомощи приказчиков на 1 янв. 1911 г. Томск, 1912. С.10.
16. Сибирская жизнь. 1906.16 мая.
17. ГАТО, ф.129, оп.1, д.593, л.90.
18. Иванова Н.А., Шелохаев В.В. Торговые служащие в революции 1905-1907 гг. // Исторические записки. М., 1928. Т.101. С.171-172.
19. ГАТО, ф.3, оп.3, д.5598, л.1 (Из устава общественного собрания железнодорожников ст. Томск).
20. Барнаульские пимокаты. Очерк революционного, кооперативного и профессионального движения. Барнаул, 1927. С.18-20.
21. Ушаков А.З. К вопросу о первых профессиональных объединениях рабочих в России // Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма: Сборник научных трудов. М., 1978. Вып.52. С.4-16.
22. АТОКМ, оп.4, д.52, л.1-5.
23. ГАТО, ф.411, оп.1, д.92, л.208.
24. ЦГИА, ф.1288, оп.15/5, д.31, л.3-11.
25. ГАТО, ф.411, оп.1, д.141, л.2.
26. ЦГАОР, ф.ДП-00, 1906, д.513, л.1.

Л.И.ДАВЫДЕНКО

СИБИРСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В БОРЬБЕ С ЛИБЕРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИЕЙ ЗА СОЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРМИИ РЕВОЛЮЦИИ В 1905-1907 гг.

В конце лета - начале осени 1905 г. состав и основные формы общественного движения в Сибири обозначились уже достаточно отчетливо. Революционным авангардом в нем выступали рабочие и организации РСДРП.

К осени 1905 г. определенно заявили о себе и сибирские либералы. Создание в августе 1905 г. Сибирского областного союза, судя по его составу, вполне укладывалось в рамки общей либеральной платформы.

Царские манифесты 6 августа и 17 октября активизировали деятельность буржуазных организаций. Либералы начали кампании по подготовке выборов в Думу, организацию "революционного самоуправления". В отдельных районах Сибири их поддержали меньшевики. Это обстоятельство заставило сибирские комитеты РСДРП более четко определить свои позиции по отношению к либералам, определить направление борьбы с ними.

Одним из этих направлений была широкая печатная и устная пропаганда, разоблачающая антинародную сущность политики либеральной буржуазии, разъясняющая социал-демократическую тактику по отношению к буржуазным учреждениям и партиям.

В первом же номере легальной газеты Читинского комитета РСДРП "Забайкальский рабочий", вышедшем 7 декабря 1905 г., подчеркивалась необходимость борьбы пролетариата не только с самодержавием, но и с его пособником - либеральной буржуазией. "Если, дорвавшись до власти, капиталисты и помещики дальше не пойдут, если для самых крайних из них демократическая республика - земля обетованная, то для рабочего класса с ее завоеванием борьба только начинается"[1],- писала газета.

По-большевистски четко определил Читинский комитет отношение к либеральной буржуазии в речах своих ораторов на митингах 13 и 20 ноября 1905 г., на которых присутствовало 7 тыс. рабочих. Здесь была дана критика политической платформы либералов, цель которой "путем затемнения классового сознания подчинить своим интересам борьбу пролетариата". Такую же направ-

ленность носило содержание листовок Читинского комитета: "Куда нас зовет конституционная партия" (январь 1906 г.) и "Письмо отъезжающего рабочего к товарищам" (март 1906 г.)[2]

С оценкой кадетов как предателей революции выступил Омский комитет РСДРП. В листовке "Буржуазия ликует" (апрель 1906 г.) дана убийственная характеристика тактике кадетской партии, шаг за шагом раскрывается тайная сделка либералов с правительством за спиной народа. "После победоносного всенародного восстания,- говорилось в заключении листовки,- ...пролетариат и революционное крестьянство призовет к грозному ответу всех тех, кто помимо воли народной самозванно объявил себя выразителем народных стремлений и пошел на сделку с правительством"[3].

Такие же разоблачения партии кадетов содержали листовки Омского комитета "Дума и революция" (май 1906 г.): "Граждане Государственная дума заседает четыре недели"[4].

До середины 1906 г. на большевистских позициях в этом вопросе стоял и Иркутский комитет партии, несмотря на все усиливающееся влияние меньшевиков в нем. Об этом свидетельствует характер листовок "Два пути и две цели" (ноябрь 1905 г.)[5], "Почему трудящиеся не должны поручить защиту своих интересов партии народной свободы, так называемым кадетам" (май 1906 г.). В последней дана не только критика программы партии народной свободы, ее антинародной направленности, но и убедительно разъясняется принципиальная разница интересов трудящихся, прежде всего рабочего класса, и либералов. "У рабочих,- говорилось в листовке,- нет ничего общего со старыми порядками и его защитниками, они говорят только о борьбе и вооруженном восстании"[6].

В последующий период отношение Иркутского комитета РСДРП к кадетам, так же как и Томского комитета, под влиянием меньшевиков не будет столь бескомпромиссным и отрицательным.

Факты свидетельствуют, что до середины 1906 г. подавляющее большинство сибирских социал-демократических организаций по отношению к либералам стояли на большевистских позициях, выполняя установку Таммерфорсской конференции на доведение демократической революции до конца, на подготовку вооруженного восстания. Эта позиция, составной частью которой была борьба за гегемонию пролетариата и изоляцию либеральной буржуазии от руководства революцией, была четко сформулирована В.И.Лениным в

"Тактической платформе к Объединительному съезду", а также в работе "Победа кадетов и задачи рабочей партии". Брошюра последней была известна в Сибири и была изъята полицией при аресте бюро и склада Читинского комитета РСДРП 7 декабря 1907 г.[7]

Подтверждением большевистской направленности сибирской социал-демократии в вопросе отношения к буржуазным организациям являются две резолюции I съезда профессионального союза рабочих депо Забайкальской железной дороги (сентябрь 1905 г.); "О союзе инженеров" и "О союзе железнодорожных служащих", составленные в большевистском духе, оценивавшие указанные организации как разветвления политической партии либеральной буржуазии - "Союза освобождения", а их программы-чисто буржуазными, отрицающими самостоятельную политическую борьбу рабочего класса. Съезд призвал социал-демократов разоблачать в своей агитации истинный характер названных союзов.

На митинге, состоявшемся 13 ноября 1905 г. в помещении цирка, оратор от Читинского комитета РСДРП выступал с критикой платформы вышеназванных союзов, указав на их буржуазно-либеральную сущность и цель: путем затемнения классового сознания учесть в свою пользу классовую борьбу пролетариата"[9].

С этих же позиций в указанный период определяли сибирские социал-демократы свое отношение и к буржуазным учреждениям.

Позиции эти были в полном соответствии с критической оценкой либеральных учреждений и их использования революционным пролетариатом, данной Владимиром Ильичом еще в конце 1904 г. в статье "Земская кампания и планы "Искры". Статья Ленина была ответом на письмо редакции "Искры", в котором она (меньшевистская "Искра") так формулировала задачу отношения социал-демократов с земством: предъявление к ним тех политических требований революционного пролетариата, которые они обязаны поддерживать, чтобы иметь какое-нибудь право выступать от имени народа и рассчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочих. "Такая постановка задачи,- указывал В.И.Ленин,- в основе своей ошибочна... центральным фокусом и руководящей нитью должно быть для нас воздействие именно не на земцев, а на правительство...выдвигание же в качестве фокуса воздействие на правительство естественно приводит к той несчастной мысли... искать сейчас же и немедленно базиса для каких-либо "соглашений" с либералами"[10]. Работа В.И.Ленина была широко распространена,как, впрочем, и письмо "Искры", в местных партийных

организациях, в том числе и сибирских.

Состоявшийся в конце октября 1905 г. первый съезд Сибирского союза РСДРП осудил листовку Томского комитета "В Томскую городскую думу", написанную В.А.Гутовским, в которой комитет уговаривал городскую думу обратиться к губернатору в защиту городского населения.

Съезд отметил, что в ней Томская организация РСДРП отклонилась от социал-демократической точки зрения, что такие обращения к буржуазным органам не соответствуют понятию социал-демократии как самостоятельной политической партии и неизбежно ведут к "оппортунистическому забвению пролетарской точки зрения". Резолюция съезда рекомендовала партийным организациям "пользоваться обращением к разного рода буржуазным учреждениям как особого рода приемом агитации", подчеркнув, что единственной целью такого рода обращения должно быть "наглядное вскрытие перед массой населения истинного общеполитического характера этих учреждений". Резолюция была принята 5-ю голосами при 4-х против и 1- м воздержавшемся[11].

Представители либеральных организаций, в частности, вышеупомянутых "Союза инженеров" и "Союза железнодорожных служащих", пытались публично истолковать позицию социал-демократов как натравливание рабочего класса на интеллигенцию. С этой целью, а также с целью сбора подписей под петицией "Союза Союзов" об амнистии, читинские либералы организовали 14 ноября 1905 г. в Общественном собрании лекцию "Что такое правовое государство",на которой присутствовало 400 слушателей. После лекции выступил представитель Читинского комитета РСДРП с разбором содержания лекции и критики петиции, а также с опровержением ложных обвинений в адрес социал-демократов. Собрание приняло резолюцию об амнистии, вынесенную Читинским комитетом РСДРП[12].

В процессе дальнейшего развития революции и консолидации сил сибирских либералов агитационная и пропагандистская работа социал-демократов, направленная на разъяснение массам идеи гегемонии пролетариата в революции, на разоблачение либеральной буржуазии, ее политики и тактики , была поставлена на качественно новую основу. Этому способствовало совершенствование организационной структуры комитетов РСДРП на основе решений III съезда партии и создание при комитетах агитационных и

пропагандистских групп, возглавивших эту работу.

Вопрос об отношении к буржуазным партиям выносился на занятия подпольных кружков. Так, Томский комитет РСДРП включил в план занятий подпольного кружка рабочих и приказчиков, а также других кружков вопрос об отношении к партии кадетов и их тактике в Государственной думе[13].

Сибирские социал-демократы, руководствуясь решениями Таммерфорсской конференции РСДРП об активной бойкоте I Государственной думы, широко использовали возможности активного бойкота для пропаганды политической платформы рабочей партии и для борьбы с либералами, против их влияния на массы. Материалы либеральной печати, освещающие ход предвыборной борьбы и избирательной кампании в Думу, свидетельствуют, что почти повсеместно на избирательных собраниях партии кадетов выступали ораторы от РСДРП.

Решение IУ (Объединительного) съезда партии ("всюду, где еще предстоят выборы и где РСДРП может выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу")[14], изменило тактику сибирских организаций на выборах. Решение это, в сущности, и относилось лишь к Кавказу и Сибири, где выборы еще не прошли.

Необходимость немедленной перестройки тактики и отсутствие непосредственного опыта участия в выборах привели к тому, что некоторые сибирские партийные комитеты и группы не смогли быстро и правильно оценить изменившуюся обстановку, принять нужное решение, мобилизовать массы на его выполнение. В результате кандидатуры для выборов в Думу от РСДРП смогли выставить только Омский и Иркутский комитеты партии. Остальные продолжали проводить тактику активного бойкота или же заняли выжидательную позицию.

Омский и Иркутский комитеты, несмотря на чинимые местной царской администрацией препятствия в организации своих избирательных собраний, широко развернули как устную, так и печатную агитацию, стержнем которой была борьба с конституционными иллюзиями, с партией кадетов, сеющей эти иллюзии в массах, а также идея объединения всех демократических сил вокруг пролетариата для борьбы с самодержавием.

13 мая 1906 г. на избирательном собрании кадетской партии

в Омске в помещении Западно-Сибирского географического общества публика, по свидетельству местной газеты "Степной голос" от 14 мая 1906 г., рукоплескала оратору социал-демократу, показавшему несостоятельность избирательной платформы партии "народной свободы", и освистала речь кадета Ф.Зереденко - лидера местного отделения этой партии.

С критикой кадетской партии и с разоблачением сделки ее с правительством омские социал-демократы выступали перед довольно большой аудиторией избирательных собраний кадетской партии 18 и 19 мая 1906 г. Сообщая о них, кадетско-областнический журнал "Сибирские вопросы" вынужден был признать, что "социал-демократы завладели этими собраниями"[15].

Избирательная кампания в I Государственную думу в Сибири, как и в подавляющем большинстве районов страны, принесла победу кадетам. Но, как отмечал В.И.Ленин, "кадетам победа досталась в значительной степени лишь потому, что они оказались (благодаря Дурново и К°) самой левой партией. Действительно левые партии были устранены насилием, арестами, бойнями, избирательными законами и т.д."[16]

Тем значительнее была победа кандидата от РСДРП В.Ишерского в Омске, где он прошел подавляющим большинством голосов. Этот факт наглядно продемонстрировал, во-первых, насколько был поднят авторитет социал-демократии даже в таких районах, как Акмолинская область (центром ее был город Омск), где почти отсутствовало фабрично-заводское производство; во-вторых, проявилось стремление многочисленных слоев населения бороться за демократизацию общественной жизни и передачу власти в руки народа. Выборная кампания дала организациям РСДРП первый опыт открытой парламентской борьбы, показала реальную возможность изоляции либеральной буржуазии и создания блока левых сил при гегемонии пролетариата в революции.

Разгон I Думы был использован сибирскими социал-демократами для активизации борьбы с либеральной буржуазией, усиления влияния на массы. В выпущенных по поводу разгона Думы листовках разоблачалась несостоятельность кадетской Думы в решении коренных вопросов революции. Таким было содержание листовок Омского комитета "Граждане!", Красноярского - "Товарищи солдаты Красноярска!", Иркутского - "К населению города Иркутска", изданий Томского комитета, Тюменской и Курганской групп РСДРП[17].

Организуя борьбу против царизма и буржуазии, социал-демократы Сибири, учитывая обстановку в стране и на местах, в соответствии с ленинскими указаниями готовили трудящихся к мысли о необходимости вооруженного восстания как единственного средства свержения самодержавия. Большевистский лозунг вооруженного восстания присутствовал в подавляющем большинстве листовок, изданных весной и летом 1906 г.

Вместе с тем есть основание заметить, что утвердившаяся в Сибири еще ранее тенденция к нефракционной работе наложила отпечаток на позиции комитетов и групп РСДРП относительно Думы и непролетарских партий. Проявление меньшевистских взглядов на эти вопросы, имевшее место в агитационной литературе, не получило оценки в массовых партийных изданиях, и это объективно вело к усилению этих взглядов уже осенью 1906 г.

Вопрос об отношении ко Второй Государственной думе и непролетарским партиям был одним из центральных, обсуждавшихся на конференциях организаций Сибирского союза РСДРП осенью 1906 - зимой 1907 гг. Обсуждение этих вопросов проходило в обостренной борьбе большевиков против политики, проводимой меньшевистским ЦК и местными меньшевиками. Особенно острой эта борьба была на партийных конференциях Восточной Сибири, где после поражения вооруженных выступлений и массовых правительственных репрессий заметно изменился состав организаций и явно усилилось примиренчество, а также влияние меньшевиков. В ярко меньшевистском духе были выдержаны резолюции об отношении к новой Думе Иркутской районной и II Забайкальской конференций, допускавших на выборах блоки с кадетами. Решения же Западно-Сибирской конференции РСДРП (сентябрь 1906 г.) были выдержаны в большевистском духе.

Таким образом, в решении важнейших тактических вопросов периода отступления революции в рамках Сибирского союза РСДРП не было выработано единой, четкой и последовательной линии. Единства в этих вопросах не было и в партии в целом, что не могло не сказаться на определении позиций по отношению к Думе и избирательным соглашениям на местах, с одной стороны, и на практической деятельности в период думской кампании - с другой.

Увлечение парламентаризмом стало звучать в изданиях тех же комитетов партии, которые до середины 1906 г. боролись с этой опасностью с большевистских позиций. Меньшевистский лозунг "Дума - орудие революции", например, прошел в листовках Омского

комитета РСДРП "К гражданам!" (ноябрь 1906 г.); "Зачем социал-демократы принимают участие в выборах в Государственную думу (ноябрь 1906 г.) Читинского комитета, "Ко всем рабочим" (март 1907 г.) Барнаульского комитета; в ноябрьском 1906 г. номере газеты Красноярского комитета "Хроника"; в февральском 1907 г. номере газеты Читинского комитета "Листок".

Эти проявления меньшевизма препятствовали не только политическому воспитанию рабочих, но и руководству рабочим движением вообще. Однако они не всегда были следствием перехода комитетов на открыто меньшевистские позиции. В Сибири при остром недостатке опытных руководителей и частой их сменяемости, арестах, перемещений с места на место, нелегко было сохранить стабильность в политической жизни. К руководству в эти годы зачастую приходили люди, недостаточно подготовленные или утратившие после поражения вооруженных восстаний веру в силу пролетарской революционности. Подчас кадровая текучесть в составах комитетов выливалась на какой-то период в колебания в тактических вопросах.

Включившись осенью 1906 г. в новую предвыборную кампанию, сибирские социал-демократы использовали опыт, приобретенный местными организациями в период выборов в I Думу. Разумеется, эта работа испытывала на себе сильное воздействие центра, так как предвыборная кампания и сами выборы в центральных районах России происходили значительно раньше. В Сибири выборы проходили весной и летом 1907 г., когда Дума уже работала. Сибирские партийные организации старались довести до более широких масс ход и суть предвыборной борьбы в стране, используя при этом центральную партийную печать, перепечатывая из нее в форме листовок отдельные статьи и выступления В.И.Ленина, распространяя его работы, анализирующие думскую тактику РСДРП и ее осуществление в 1907 г. Так, например, написанный В.И.Лениным "Проект обращения к избирателям", опубликованный в большевистской газете "Пролетарий" 23 ноября 1906 г., перепечатали Омский и Красноярский комитеты РСДРП; ленинскую листовку "Кого выбирать в Государственную думу" - Курганская группа РСДРП. При аресте типографии и книжного склада Читинского комитета РСДРП в январе 1907 г. полицией были изъяты работы В.И.Ленина "Победа кадетов и задачи рабочей партии", "Социал-демократия и избирательные соглашения"[18]. Во всех этих ленинских работах была дана разоблачающая критика партии кадетов, ее политики и тактики в Думе.

Большинство местных комитетов и групп проводили последовательную большевистскую тактику избирательной кампании, используя наряду с нелегальными формами борьбы легальные возможности. За этот период издано самое большое количество нелегальных прокламаций и номеров периодической партийной печати. Делались попытки использовать легальную печать. Так, при непосредственном влиянии Красноярского комитета РСДРП местный профсоюз приказчиков финансировал в начале 1907 г. издание газеты "Сибирский путь". Первый (и единственный) номер газеты от 10 февраля 1907 г. вышел с аншлагом: "Граждане! Выбирайте кандидатов рабочей партии!". В номере помещена также статья "Не голосуйте за кадетов!", в которой разоблачалась двуличная политика кадетов, их сделки с самодержавием за спиной народа. Омские социал-демократы использовали для подобной агитации легальный журнал профсоюза приказчиков "Сибирский приказчик", верхнеудинские - газету "Байкальская струя".

По-прежнему широко использовались в борьбе с либералами за массы избирателей собрания кадетской партии. Корреспондент читинской либеральной газеты правого толка "Земля" от 6 мая 1907 г. писал, что в своем выступлении на избирательном собрании конституционно-демократической партии 5 апреля социал-демократ С.И. Шергов шаг за шагом разобрал деятельность партии кадетов со дня ее возникновения и на целом ряде примеров показал, как эта партия со времени первого поражения рабочих в декабре 1905 г. неустанно двигалась вправо. Его оппонентам от партии кадетов, по свидетельству автора, не удалось отразить эти "нападки", а интерес избирателей к речи Шергова "вопреки ожиданиям" был чрезвычайно велик. Подобными сообщениями наполнены избирательные хроники либеральных газет "Красноярский дневник" и "Степное эхо" (Омск) начала 1907 г. Газеты единодушно и с плохо скрываемым раздражением отмечали плохую подготовленность местных отделов партии кадетов к избирательной кампании, несостоятельность ее ораторов на избирательных собраниях, их неспособность дать бой социал-демократам.

Параллельно с этими легальными формами агитации по-прежнему широко использовались нелегальные собрания, митинги - летучки. Так, Красноярский комитет только за октябрь 1906 провел, по сообщению комитетской газеты "Хроника" от 8 ноября 1906 г., пять таких митингов с 6-ю тыс. участников.

В использовании думской кампании сибирскими комитетами РСДРП отчетливо проявились сформулированные В.И.Лениным и закрепленные решениями У съезда РСДРП направления работы: подчиненность парламентских форм борьбы нелегальной деятельности; беспощадная борьба с черносотенными правыми партиями; разоблачение конституционных иллюзий, распространяемых либералами; противоборство попыткам кадетов повести за собой крестьянство и демократические слои мелкой буржуазии.

Однако из анализа избирательной кампании, проводимой социал-демократами Сибири, следует, что большевистская думская тактика усваивалась не всеми комитетами четко и быстро. Наметившееся еще осенью 1906 г. сползание Томского и Иркутского комитетов на меньшевистские позиции привело их к открытой попытке заключить избирательные блоки с кадетами. Вместе с тем следует отметить, что подобные попытки комитетов наталкивались на отрицательную реакцию низовых партийных работников, непосредственно осуществлявших работу по проведению избирательной кампании. Так, например, работающие в типографии Иркутского комитета РСДРП З.Печеркина и С.Беда в мае 1907 г. отказались делать набор специального обращения комитета "К избирателям", приглашавшего голосовать за общий список с кадетами, расценив это как нарушение тактической линии партии. По просьбе типографских рабочих конфликт рассматривался прибывшими представителями Союзного комитета. Прокламация с набора была снята[19].

Убедительным результатом целенаправленной деятельности сибирской социал-демократии в борьбе с либеральной буржуазией за массы и создание блока левых сил революции могут служить итоги выборов в I и II Государственные думы в Сибири, представленные в следующей таблице:

Партийность	I Дума	II Дума
Октябристы	I	-
Кадеты	8	4
Народные социалисты	-	2
Социалисты-революционеры	-	I
Трудовики	3	2
Социал-демократы	I	3
Беспартийные	-	5

Эти итоги примечательны солидным представительством левых

сил и явным падением представительства сибирской буржуазии во II Государственной думе. Социал-демократы, несмотря на полицейские репрессии и меры царской администрации, направленные на политическую изоляцию левых сил, а также отсутствие рабочей курии в Сибири, провели трех своих представителей (13,6% от всего состава сибирской депутации) во II Государственную думу.

Эта статистика в полной мере отражает результаты усилий всей сибирской социал-демократии на данном участке борьбы за создание политической армии революции.

---

1. Революционное движение в Забайкалье 1905-2907 гг.: Документы и материалы. Чита, 1955. С.153.
2. Там же. С.138-139,172,276.
3. Революционное движение в Омске в годы первой русской революции: Сборник документов. Омск, 1957. С.110.
4. Там же. С.111-114, 115-116.
5. Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции: Сборник документов. Иркутск, 1955. С.96-97.
6. ГАЮ, Коллекция листовок. Инв. № 43.
7. Революционное движение в Забайкалье. С.311.
8. Там же. С.93-94.
9. Там же. С.133.
10. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.86.
11. ЦГАОР, ф.1741, оп.14,4 (5), д.20903. Листовка Сибирского союза РСДРП о сообщением о I Общесибирском съезде.
12. Революционное движение в Забайкалье. С.138.
13. Большевики Западной Сибири в период первой русской революции: Сборник документов.Новосибирск, 1958. С.396-397.
14. КПСС в резолюциях... Ч.1. С.137-138.
15. Сибирские вопросы. 1906.№ 4. С.44.
16. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.12. С.284.
17. Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905-1907 гг.: Сборник документов. Омск, 1956. С.140-142; 1905 год в Красноярске: Сб.документов. Красноярск, 1955. С.183-188; ГАЮ, ф.249, оп.5, д.933, л.56; Революция 1905-1907 гг. в России: Второй период революции. Ч.2, Кн.2. С.430-440.
18. Революционное движение в Забайкалье. С.311.
19. Кучник Г.А. Подполье: Воспоминания рядового подпольщика: Эпоха 1905 г. М., 1931. С.75-78.

О.А.ХАРУСЬ

ГАЗЕТА "СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ" КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАДЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ В 1905-1919 гг.

Задачи исследования социальной структуры капиталистического общества в России, выявления закономерностей победы Великой Октябрьской социалистической революции, учет которых имеет практическое значение для выработки правильной стратегии и тактики рабочего движения в современную эпоху социальных революций, настоятельно диктуют необходимость всестороннего анализа лагеря контрреволюции и, в частности, изучения истории кадетской партии, являвшейся главной буржуазной контрреволюционной партией в России.

В последние годы в связи с наметившейся в советской исторической науке общей тенденцией к активизации исследований политической истории буржуазии значительное внимание уделяется разработке различных аспектов истории конституционно-демократической партии, в том числе ее местных отделов. Особо следует отметить вышедшие в 80-е годы монографии Н.Г.Думовой, В.А.Кувшинова, З.В.Челохаева[1], в которых освещаются отдельные этапы истории кадетской партии.

Однако деятельность, идеология, программные и тактические установки сибирских кадетов до сих пор не стали предметом специального исследования. Лишь некоторые аспекты истории местных отделов партии "народной свободы" нашли освещение в статьях и монографии И.Г.Мосиной, проследившей процесс политического самоопределения и развития буржуазии Сибири в 1905-1916 годах, а также в статьях Л.М.Коломцевой и Э.Г.Кудряшева[2].

Дальнейшее изучение истории сибирских кадетов требует расширения источниковой базы и специального источниковедческого ее исследования.

Ценным источником по истории отделов кадетской партии в различных районах страны являются материалы местной периодической печати. В настоящее время в научный оборот вводится все более широкий круг этих материалов, но обстоятельная их характеристика пока не предпринималась. Лишь в статье Л.М.Коломцевой "Кадетская печать в 1917 году"[3] содержатся некоторые элементы подобной характеристики. Автор, в частности, определяет состав сотрудников ряда кадетских газет, издававшихся в Сибири в 1917 г., показывает, какое отражение находили на их страницах политические позиции местных кадетов. Но и в этой статье нет действительно источ-

никоведческого всестороннего анализа периодических изданий. Большинство же авторов ограничиваются вообще самым беглым обзором этого вида источников.

Цель данной статьи-дать характеристику наиболее распространенной и популярной в Сибири кадетской газеты "Сибирская жизнь", выяснить значимость публиковавшихся в ней материалов для изучения истории местных кадетских организаций.

То, что источниковедческому анализу были подвергнуты материалы именно этой газеты, объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, "Сибирская жизнь" была единственной в крае кадетской газетой, которая издавалась практически бесперебойно в течение 14 лет[4]. Поэтому изучение ее материалов позволяет составить представление о деятельности кадетских организаций Сибири на всем протяжении их существования. Далее, эта газета широко использовалась как источник информации другими сибирскими изданиями. Наконец, "Сибирская жизнь" являлась печатным органом самой многочисленной и активной в Сибири кадетской организации Томска, материалы о деятельности которой имеют особое значение.

В ноябре 1905 г. газета "Сибирская жизнь" была куплена у издававшего ее с 1897 г. П.И.Макушина томским отделом кадетской партии[5]. Программа, которой придерживалась с этого времени редакция газеты, полностью соответствовала требованиям местных кадетов. Ее реклама гласила: "Сибирская жизнь" отстаивает и защищает начала конституционного государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, широкое самоуправление земств и городов". В духе партии "народной свободы" демагогически заявлялось также, что газета "защищает интересы трудящихся классов народа - крестьян, рабочих и вообще всех живущих личным трудом, и с этой точки зрения дает разрешение вопросов земельного устройства, рабочего законодательства, обложения налогами и пр.[5]

Многие сотрудники газеты являлись членами кадетской партии. Активное участие в ее издании принимали М.Р.Бейлин, П.В.Вологодский, А.И.Макушин, профессора томских вузов М.И.Боголепов, Е.Л. Зубашев, Н.Н.Кравченко, П.Н.Лященко, И.А.Малиновский, М.Н.Соболев, Н.В.Некрасов, В.А.Обручев, З.В.Сапожников, представители торгового капитала Н.Быховский, П.И.Макушин и др. По данным Л.М. Колмыцевой в 1917 г. из 57 сотрудников газеты "Сибирская жизнь"

25 были кадетами или же примыкали к ним по своим взглядам[6]. Во главе редакции газеты с 1905 г. стояли видные представители томского отдела кадетской партии И.А.Малиновский и М.Н.Соболев. В тех случаях, когда по каким-либо причинам они временно не могли выполнять свои обязанности редакторов, на этом посту их замещали другие члены отдела.

Так, летом 1908 г. временным редактором был М.Р.Берлин, а в сентября 1910 г. - профессор В.Г.Малеев[7]. В октябре 1910 г. И.А. Малиновский и М.Н.Соболев вынуждены были отказаться от издания и редактирования "Сибирской жизни", поскольку Министерство народного просвещения сочло это "ввиду направления" газеты несовместимым с профессорской деятельностью. Однако новая редакция во главе с Г.Б.Баитовым сохранила прежний, в основном кадетский, состав сотрудников и сразу же заявила, что "направление газеты "Сибирская жизнь" останется неизменным"[8]. В марте 1917 г. пост редактора занял кадет А.В.Адрианов. Таким образом, несмотря на имевшие место замены одних сотрудников другими, общая политическая направленность газеты, определявшаяся активным участием в ее издании кадетов и преобладанием последних в составе редакции, сохранялось на всем протяжении существования томской кадетской организации.

Четкое определение партийных позиций, с которых в газете "Сибирская жизнь" освещались события общественно-политической жизни в стране, производился отбор фактического материала для публикации, выдвигались проекты решения назревших социальных вопросов и общественного переустройства России, значительно облегчает задачу критического анализа данного источника позволяет и объяснить причины его тенденциозности.

В зависимости от характера помещавшихся в "Сибирской жизни" сведений по истории кадетских организаций Сибири все ее материалы можно подразделить на следующие основные группы:

1. Редакционные и авторские статьи, публикации интервью и изложение содержания выступлений сибирских кадетов перед местным населением.

2. Заметки (хроникальные и более обстоятельные) о событиях в Томске и по Сибири в целом,

3. Сообщения о событиях в европейской части страны,

4. Биографические данные о сибирских кадетах.

Ценность материалов первой группы определяется прежде всего тем обстоятельством, что их изучение позволяет дать общую харак-

теристику политических взглядов сибирских кадетов, оценки ими позиций руководства кадетской партии в тех случаях, когда местные кадеты одобряли позиции таких лидеров партии, как Н.А.Гредескул, Ф.Ф.Кокошкин, Л.А.Маклаков, П.Н.Милюков, П.Б.Струве, Е.Н.Трубецкой и др., статьи последних перепечатывались без каких-либо замечаний с стороны редакции; в противном случае их статьи сопровождались комментариями, в которых кадеты Сибири высказывали собственное мнение по тому или иному вопросу[9].

Материалы первой группы позволяют проследить изменение формулировок некоторых программных требований местных кадетов в связи с изменениями исторической обстановки. Так, в статьях "Сибирской жизни" по аграрному вопросу после февральской революции появились положения о принадлежности земли всему трудовому земледельческому населению, о необходимости отчуждения всех земель сверх трудовой нормы в частных владениях.

Подобные заявления носили декларативный характер и публиковались с целью привлечь симпатии демократических масс на сторону партии "народной свободы". Выявлению же реального их содержания способствует сопоставление различных материалов газеты, возможное на основе сплошного изучения данного источника. Такое изучение убеждает в том, что оговорки, делавшиеся в редакционных и авторских статьях при формулировке программных положений, сводили на нет их внешнюю демократичность и радикальность. Так, признавая в 1917 г. на словах необходимость коренных изменений в сфере аграрных отношений, кадеты в то же время со страниц газеты настаивали на предварительном "детальном и всестороннем...изучении" земельного вопроса, что позволило бы отложить проведение аграрной реформы на неопределенный срок. Что же касается заимствованного у эсеров положения о "трудовой норме", то его провозглашение в качестве одного из программных принципов не мешало местным кадетам обосновывать путем подчеркивания специфики условий Сибири нерациональность "с государственной точки зрения" наделения населения края землей по трудовой норме[10]. Таким образом, в данном случае для выяснения демагогичности программных заявлений кадетов представляется достаточным сравнительный анализ различных газетных материалов, выделенных при классификации в первую группу.

Изучение редакционных и авторских статей, а также публиковавшихся в "Сибирской жизни" основных положений лекций местных кадетов перед населением позволяет определить как общие моменты в программных установках кадетских организаций центра и Сибири,

так и определявшееся особенностями социально-экономического развития региона своеобразие требований последних. Специфика их заключалась прежде всего в областнической окраске. В статьях газеты "Сибирская жизнь" местнические тенденции прослеживаются с особой четкостью, поскольку наряду с кадетами в ее издании активное участие принимали такие видные деятели областничества, как Г.Н. Потанин, З.И.Анучин, Г.Гребенщиков, а также являвшиеся членами кадетской партии областники А.З.Адрианов, П.З.Зологодский, Зс.М. Крутовский.

Сибирские представители партии "народной свободы" широко использовали лозунги областников, что позволяло им претендовать на роль поборников интересов всего населения региона, затушевывая классовые противоречия. Говоря о "своеобразных общественных стремлениях" сибиряков, о специфике их характера и психологии, кадеты пытались "доказать", что идеи установления республики, национализации средств производства, разрушения общины и т.п. в корне противоречат интересам народных масс Сибири[11].

Следует отметить, что отношение сибирских кадетов к идеям областничества в зависимости от конкретных исторических условий претерпевало известные изменения, находившие свое отражение и на страницах печати.

На этапе буржуазно-демократических революций путем подчеркивания "общесибирских" интересов и выдвижения на первый план нужд края (требования автономии Сибири, введения земства, наделенного законодательными функциями и т.п.) кадеты пытались завуалировать классовый, буржуазный характер своих политических принципов и добиться объединения всех оппозиционных элементов под знаменем своей партии.

С началом первой мировой войны в связи с частичным и временным отказом сибирских кадетов, как и кадетов центра, от оппозиции по отношению к правительству областнические лозунги исчезают из идейного арсенала местных кадетских организаций. В программном заявлении "Сибирской жизни" были даже опущены строки, подчеркивающие, что особое внимание газета уделяет вопросам местной жизни, обстановки в Сибири[12]. Однако к концу первого года войны, с возрождением оппозиционных настроений (под влиянием поражений на фронте и других причин), в идеологии сибирских кадетов вновь усиливаются областнические тенденции, и газета "Сибирская жизнь" заявляет: "С особой тщательностью редакция будет знакомить читателей с нуждами и интересами Сибири..."[13].

Новое звучание и новый смысл приобретает областнический лозунг автономии Сибири" после Октябрьской революции: он провозглашается с целью воспрепятствовать установлению в Сибири власти Советов путем отделения края от Советской России. Лишь после контрреволюционного переворота в мае 1918 г. сибирские кадеты отбросили лозунг автономизации, объявив своей целью воссоздание единой России, свободной от "большевистского ига".

Газетные материалы позволяют составить представление не только о программных требованиях местных кадетов, но и о их тактических принципах. В статьях "Сибирской жизни" определялись как средства достижения намеченных кадетами целей, так и отношение кадетов к другим политическим партиям. Причем если предлагавшиеся пути решения назревших общественных проблем оставались в основных чертах неизменными и определялись на всем протяжении деятельности местных отделов партии" народной свободы" страхом перед революционным движением и стремлением ограничиться реформированием существовавшего в России общественного строя, то оценки кадетами политических позиций различных партий подвергались частичным изменениям в зависимости от конкретной исторической обстановки.

Показательно в этом плане нашедшее отражение прежде всего в редакционных статьях газеты "Сибирская жизнь" отношение кадетов к эсеровской партии. В целом не одобряя программные и главным образом тактические принципы эсеров, кадеты тем не менее в периоды избирательных кампаний в Государственные думы, в местные органы самоуправления, в Учредительное собрание в 1917 году, как правило, отказывались от критики политических позиций мелкобуржуазных партий, рассчитывая на их поддержку в предвыборной борьбе с большевиками, с одной стороны, и с черносотенцами - с другой.

После контрреволюционного переворота в мае 1918 г., умышленно умалчивая о своем принципиальном несогласии с рядом программных положений эсеров, кадеты со страниц "Сибирской жизни" настойчиво убеждали "социалистов" в необходимости тесного сотрудничества "во имя спасения родины и воссоздания независимой единой России"[14], поскольку нуждались в блоке с эсеровской партией для организации борьбы против Советской власти и прикрытия своих антинародных, реакционных целей. Однако после установления колчаковской диктатуры кадеты решительно отказываются от примиренчества с политическими позициями эсеров и идут на решительный разрыв

с прежними союзниками. В редакционной статье "Сибирской жизни" причины резкого изменения отношения к эсерам определялись довольно однозначно: "Они свое дело сделали, и лучше бы было им, если они могут, покоиться с миром"[15]. Таким образом, материалы газеты "Сибирская жизнь" свидетельствуют, о том, что вопрос о коалиции с "социалистами" был для кадетов вопросом тактического значения, программные же установки эсеров так же, как и энесов, меньшевиков, не устраивали членов партии "народной свободы" и вызывали со стороны последних резкую критику.

На страницах "Сибирской жизни" нашло свое отражение и отношение кадетов к октябристам и черносотенцам. Учитывая то обстоятельство, что октябристы явно не пользовались поддержкой со стороны демократических масс, местные кадеты противопоставляли свою партию "Союзу 17 октября". Они подчеркивали, что в отличие от партии "народной свободы", якобы отражающей чаяния трудящихся, октябристская партия" "защищает интересы имущих классов". При этом кадеты ссылались на то, что октябристы отстаивают "покровительство и поощрение промышленности", умалчивают о 8-часовом рабочем дне и лишь с большими оговорками в исключительных случаях допускают экспроприацию частновладельческих земель для наделения ими крестьян[16]. В период избирательной кампании в III Государственную думу томские кадеты так писали о местном отделе "Союза 17 октября": "То, что осталось в "Союзе", представляет из себя нечто бесцветное, безликое, бесформенное, безвредное, но и бесполезное... "Союз" не имеет почвы в Томске... При таких условиях предвыборное соглашение партии народной свободы с октябристами было бы, по нашему мнению, ложным шагом"[17]. Подобное отношение к "Союзу 17 октября" определялось тем, что октябристы блокированием с крайне правыми партиями и поддержкой правительства скомпрометировали себя в глазах народных масс, а потому кадеты опасались сокращения и без того незначительного влияния своей партии на трудящихся результате соглашения с октябристами. Однако в 1917 г. местных кадетов и октябристов сплотили общая для них ненависть к большевистской партии, страх перед революционными потрясениями. Бывшие члены партии октябристов вошли в состав кадетских организаций Сибири.

Резко отрицательно относились кадеты к "Союзу русского народа", обвиняя его во враждебности "самым элементарным требованиям общественного порядка"[18], в проведении "узкой "политики" с человеконенавистническими выступлениями"[19]. Кадеты опасались, что тактика черносотенцев может вызвать подъем революционного движе-

ния, а потому были ею крайне недовольны. Однако критике позиций правых на страницах кадетской печати уделялось незначительное внимание.

Основным политическим противником кадеты считали большевистскую партию. На страницах печати они пытались доказать неприемлемость программных требований большевиков для народных масс, поскольку их осуществление грозило гибелью капиталистическому строю, за сохранение которого боролась партия "народной свободы". После победы Октябрьской революции предлагавшиеся кадетами "теоретические обоснования" невозможности претворения в жизнь идеалов социализма были заменены откровенной клеветой в адрес большевиков, грубыми фальсификациями политики Советской власти. Вместе с тем кадеты считали необходимым выступать в прессе и с "опровержениями" предъявлявшихся их партии большевиками обвинений в антинародности, буржуазном, контрреволюционном характере. В связи с этим материалы газеты "Сибирская жизнь" могут служить одним из источников по истории идеологической борьбы большевистской партии с кадетами.

Значительно расширить представление о политических позициях сибирских кадетов позволяет использование материалов тех статей газеты, в которых давалась оценка важнейших общественно-политических событий в жизни страны. В частности, весьма показательны нашедшие отражение на страницах "Сибирской жизни" резкие отрицательные высказывания кадетов об Октябрьской революции и вполне закономерное для них ликование по поводу контрреволюционного переворота на территории Сибири в мае 1918 г., враждебное отношение к проводившему умеренную политику западносибирскому комиссариату, правительственная коллегия которого состояла из эсеров - членов Учредительного собрания, и поддержка курса возглавлявшегося Г.З. Зологодским Временного сибирского правительства на ликвидацию завоеваний Октябрьской революции, и, наконец, горячее одобрение колчаковского переворота 18 ноября 1918 года.

Таким образом, использование редакционных и авторских статей, публикаций интервью сибирских кадетов и их выступлений перед местным населением позволяет осветить целый ряд вопросов истории кадетских организаций Сибири, и прежде всего их идеологию и политические позиции. Однако на основании лишь этих материалов невозможно составить сколько-нибудь полное представление о практической деятельности сибирских кадетов, без чего нельзя объективно оценить их роль в классовой борьбе.

Охарактеризовать практическую деятельность местных отделов партии "народной свободы" позволяют данные заметок о событиях в регионе. Основное внимание в этих заметках уделялось различным вопросам жизни в Томске, где издавалась газета, а потому и приводящиеся в них сведения по истории кадетских организаций в Сибири имеют прежде всего отношение к организации томских кадетов. Ценность этих материалов в значительной степени определяется тем, что именно томская организация, как уже отмечалось, была самой многочисленной (по данным И.Г.Мосиной, в начале 1906 г. в ее рядах насчитывалось около 600 членов)[20] и активной в Сибири. Публиковались в "Сибирской жизни" и сообщения о деятельности кадетов в других городах края, поскольку редакция газеты имела связи с членами ряда городских отделов партии "народной свободы". Так, в числе сотрудников газеты были видные деятели красноярской кадетской организации Д.Е.Лаппо, Вс.М.Крутовский, Ф.Ф.Филимонов, а отношения с кадетами Барнаула редакция поддерживала через М.О.Курского[21]. Однако сообщения "Сибирской жизни" о событиях в других городах не отличаются ни точностью, ни достоверностью, о чем, в частности, писала редакция газеты красноярских кадетов "Голос Сибири"[22]. Для выяснения истинного хода тех или иных событий материалы газеты "Сибирская жизнь" должны быть сопоставлены с данными других источников, в том числе периодических изданий.

Сведения, которые можно почерпнуть из заметок о событиях общественно-политической жизни Сибири, весьма разнообразны. Изучение их позволяет в общих чертах охарактеризовать процесс создания кадетских организаций в годы первой русской революции и процесс их восстановления после февральской буржуазно-демократической революции (большинство местных отделов партии "народной свободы" распались в период реакции и смогли возобновить свою деятельность лишь в 1917 г.). На основании данных о межпартийных соглашениях, которые заключались в периоды избирательных кампаний в Государственные думы, органы городского самоуправления, в Учредительное собрание, можно судить о реально складывающихся отношениях между сибирскими отделами партии "народной свободы" и местными организациями других политических партий. Значительный интерес представляют также материалы о позициях кадетов в городских думах, о их деятельности в различных общественных и представительных буржуазных организациях, в частности, в обществах обывателей и избирателей, в "Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта", в биржевых и военно-промышленных комитетах, в местных отделах Всероссийского союза

городов и "Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны" и т.п.

На страницах газеты "Сибирская жизнь" встречаются и косвенные данные о численности кадетской организации Томска в виде упоминаний о количестве присутствовавших на ее общих собраниях (такие упоминания встречаются чуть ли не в каждом сообщении о ходе собраний)[23]. Однако в связи с тем, что с одной стороны, далеко не все члены партии посещали собрания, а с другой, среди присутствовавших нередко были лица, членами партии не являвшиеся, эти данные нельзя считать сколько-нибудь точными. Более достоверно судить о численности томского отдела можно на основании сведений о числе присутствовавших на тех собраниях, доступ на которые был открыт лишь членам партии "народной свободы". Однако сообщения о закрытых собраниях публиковались крайне редко, а потому и сведения подобного рода являются единичными[24].

Некоторое, хотя и весьма приблизительное, представление о социальном составе местных отделов кадетской партии дают помещавшиеся в газете "Сибирская жизнь" списки членов их комитетов, а также списки кандидатов, выдвигавшихся кадетами на выборах в городские думы и в Учредительное собрание[25].

Среди газетных материалов, объединенных нами во второй группе, особо следует отметить сообщения о ходе партийных собраний, в которых очень часто приводились высказывавшиеся отдельными кадетами мнения по обсуждавшимся вопросам, а также результаты баллотировки по важнейшим из них и принимавшиеся большинством голосов резолюции. Ценность подобного рода данных заключается в том, что они позволяют делать выводы о наличии различных течений в рамках местных кадетских организаций и о преобладании представителей того или иного из них в конкретной исторической ситуации. Например, результаты голосования по вопросу о форме государственного устройства на собрании томского отдела партии "народной свободы" 12 марта 1917 г. ярко продемонстрировали серьезные политические разногласия между членами отдела и явное преобладание среди томских кадетов сторонников демократической республики после ее фактического установления революционным народом: за монархию подали свои голоса 8 человек, за демократическую республику - 160, 25-30 присутствующих воздержались[26]. Значимость сообщений о ходе собраний кадетской организации Томска особенно возрастает в связи с тем, что протоколы собраний и принятые на них резолюции кадеты не печатали

на страницах газеты, считая возможным ограничиться изложением наиболее важных, с их точки зрения, выступлений и решений.

Интересные сведения об участии местных кадетов в работе конференций и съездов партии "народной свободы", съездов земских и городских деятелей, представителей биржевой торговли, о выступлениях членов Государственной думы перед сибирским населением, поскольку эти сведения позволяют раскрыть вопрос о связях кадетских организаций Сибири с кадетами центра.

Значительное внимание на страницах газеты "Сибирская жизнь" уделялось освещению событий в европейской части страны, полнота информации о которых в известной степени объяснялась тем, что газета имела собственного корреспондента (в Государственной думе - Н.З.Некрасова и в Государственном Совете - Е.Л.Зубашева). В "Сибирской жизни" печатались сообщения о съездах и конференциях партии "народной свободы", публиковались программные документы ее руководства, приводились сведения о деятельности представителей местных кадетских организаций в центре страны. Несомненный интерес представляют газетные материалы, содержащие данные о ходе заседаний Государственной думы, о характере выступлений на этих заседаниях депутатов, в том числе и сибирских, большинство из которых являлись членами кадетской партии. В бесплатном приложении к газете речи, произносившиеся с парламентской трибуны, порой даже цитировались. Эти материалы позволяют охарактеризовать одно из основных направлений деятельности местных кадетов - их деятельность в Государственных думах, которой они придавали чрезвычайное значение.

Интересны публиковавшиеся в "Сибирской жизни" в связи с юбилеями или избранием сибирских кадетов на ответственные посты справки биографического характера. Так, после избрания кадетов А.А.Дурова, Н.З.Некрасова, В.Н.Пепеляева депутатами IУ Государственной думы от Томской губернии на страницах газеты были помещены сведения об их жизненном пути [27]. Встречаются заметки с биографическими данными лидеров томской кадетской организации, профессоров В.А.Обручева, Е.Л.Зубашева, И.А.Малиновского, М.Н.Соболева, З.В.Сапожникова и др., в которых главным образом освещается их научная деятельность [28]. Подобного рода сведения были, как правило, отрывочными и не отличались особой точностью, а иногда и достоверностью, но тем не менее при сопоставлении с аналогичными данными других источников они позволяют значительно расширить список активных сибирских кадетов.

В целом на основании материалов газеты "Сибирская жизнь" пред-

ставляется возможным осветить довольно широкий круг вопросов, связанных с историей местных отделов партии "народной свободы" в 1905-1919 гг., проследить на их примере закономерности эволюции русского либерализма и краха кадетской партии. Однако значимость этих материалов далеко не одинакова для характеристики различных этапов и тории сибирских кадетских организаций, для разработки различных проблем. Так, крайне краткими являются содержащиеся в газете сведения о практической деятельности кадетов в 1907 - феврале 1917 гг., что было связано с полулегальным положением партии "народной свободы". Наиболее полное представление об идеологии, программных и тактических установках, практической деятельности сибирских кадетов можно составить на основании материалов "Сибирской жизни" за 1905-1907 гг. и 1917-1919 гг.

Следует отметить, что данные печати не позволяют дать четкий ответ на целый ряд вопросов, в том числе на вопросы о связях внутрипартийных группировок сибирских кадетов с различными слоями буржуазии, о реакции местного населения на выступления кадетов с программными положениями своей партии и т.д. Вместе с тем использование материалов периодических изданий предполагает критический подход к их анализу с учетом партийных позиций сотрудников этих изданий и авторов, публиковавших в них свои статьи и заметки. Все эти обстоятельства, которые ни в коем случае не должны приводить к недооценке значения газеты "Сибирская жизнь" как источника по истории кадетских организаций Сибири с момента их создания и до полного краха, диктуют необходимость использования ее материалов в комплексе с другими видами источников в соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии.

---

1. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.: Наука, 1982; Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов. М.: Изд-во МГУ, 1982; Белохаев В.В. Кадеты - главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1983.
2. Мосина И.Г. Некоторые вопросы рабочей политики буржуазии Сибири в годы первой мировой войны // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири (конецXIX века - 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976; Она же. ЗЛК Сибири и вопросы об участии в них рабочих // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976; Она же. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976; Она же. Буржуазия и буржуазная интеллигенция весною-летом 1905 г. в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1979. Вып.10; Коломыцева Л.М. Кадеты Сибири и армия в 1917 году // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. Вып.4. Она же. Кадеты и сибирская деревня в 1917 году // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып.6. Она же. Кадетская печать Сибири в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил...; Кудряшев Э.Г. Организационное оформление либеральной буржуазии в Сибири в 1905 г. // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. Вып.6.

3. Коломыцева Л.М. Кадетская печать Сибири в 1917 году...

4. Большинство сибирских газет кадетского направления издавались в течение 2-3 лет.

5. См.: Мосина И.Г. Формирование буржуазии... С.19.

6. См.: Коломыцева Л.М. Кадетская печать... С.196.

7. См.: Сибирская жизнь. 1908. 2 авг.; 1910. 25 сент.

8. См.: Сибирская жизнь. 1910. 1 окт.

9. См.: Сибирская жизнь. 1 февр.; 1906. 7 февр.; 1906. 5 авг.; 1906. 4 ноября; 1909. 25 окт.; 1914. 25 марта и т.д.

10. См.: Сибирская жизнь. 1917. 17 мая.

11. См.: Сибирская жизнь. 1907. 18 июля.

12. См.: Сибирская жизнь. 1915. 18 янв.

13. См.: Сибирская жизнь. 1916. 3 янв.

14. См.: Сибирская жизнь. 1918. 7 июня; 1918 15 июня.

15. Сибирская жизнь. 1919. 5 июня.

16. См.: Сибирская жизнь. 1905. 23 дек.

17. Сибирская жизнь. 1907. 4 июля.

18. См.: Сибирская жизнь. 1907. 8 сент.

19. См.: Сибирская жизнь. 1909. 10 марта.

20. См.: Мосина И.Г. Формирование буржуазии... С.75.

21. См.: Коломыцева Л.М. Кадетская печать... С.196; Сибирская жизнь. 1910. 1 окт.

22. См.: Голос Сибири (Красноярск). 1906. 24 февр.

23. См.: Сибирская жизнь. 1905. 13 дек.; 1905. 29 дек.; 1906. 16 апр.

24. См.: Сибирская жизнь. 1917. 19 марта.

25. См.: Сибирская жизнь. 1905. 27 ноября; 1905. 3 дек.; 1917. 19 марта; 1917. 21 марта; 1917. 28 сент.; 1917. 2[illegible] окт.

26. См.: Сибирская жизнь. 1917. 14 марта.
27. См.: Сибирская жизнь. 1912. 21 окт.
28. См.: Сибирская жизнь. 1910. 21 марта; 1910. 9 окт.; 1913. 29 марта; 1913. 21 мая; 1914. 29 янв.; 1916. 10 февр. и т.д.

М.В.МАКСИМОВА , А.Т.ТОПЧИЙ

М.Д.ХМЫРОВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ

В последнее время усилилось внимание историков-сибиреведов к вопросам источниковой базы по различным разделам знаний истории Сибири.

Это диктуется логикой развития исторической науки, потребностями научного поиска, стремлением переосмысления различных периодов истории страны в целом и ее отдельных регионов.

Незнание многих уникальных фондов часто ведет к непроизводительным затратам в поисках разрозненных материалов, хранящихся в рукописных, газетных, архивных фондах. Одним из таких уникальных фондов, хранящихся в Государственной публичной исторической библиотеке, является собрание русских и иностранных журнальных и газетных публикаций, собранных М.Д.Хмыровым. Исследователи уже давно обратили внимание историков на ценность этой коллекции[1]. По словам одного из исследователей коллекции К.Шубинского, собирая по крупицам материалы русской периодической печати ХУШ-XIX вв., М.Д. Хмыров стремился раскрыть ее содержание и, главное, обобщить исторические сведения о России того периода, собрать вместе фактический материал, расположить его удобно для исследования и дать возможность каждому, кто бы он ни был, легко, быстро найти его предмет[2].

Самим автором коллекция была задумана как справочное собрание в целом по 59 губерниям России, в том числе и сибирским. Многие высказывания его современников в печати, копии деловых бумаг и другие документы, прошедшие через редкие издания, отсутствуют в архивах. Это усиливает значение коллекции.

Небезынтересна и история создания коллекции, которая в память заслуг ее автора названа "хмыровской". Автор на личные до-

вольно скудные средства на протяжении двух десятилетий скупил около 12 тыс. единиц периодической печати, вобравших в себя сведения по истории России, в том числе и Сибири, с 1755 по 1865 гг., составил коллекцию материалов, получивших высокую оценку его современников как уникального в то время справочно-библиографического материала.

Воспитанник Московского кадетского корпуса, участник Крымской войны, М.Д.Хмыров начал свои опыты с истории Измайловского полка, в котором служил. Впоследствии он стал одним из крупных библиографов историков, из-под пера которого вышло свыше ста работ, посвященных различным сюжетам, включая биографические очерки исторических деятелей.

М.Д.Хмыров - один из авторов энциклопедического словаря, издававшегося Монстером, и календарей Генкеля, где им написаны тексты портретной галереи замечательных русских деятелей. Ценность его работ состоит в том, что они создавались на основе архивных источников.

Малоизвестны факты о связи М.Д.Хмырова с революционно-демократическим движением России. По сведениям исследователя В.А.Дьякова, М.Д.Хмыров, будучи в отставке, поддерживал тесные связи с П.А.Лавровым[3], и не исключено, что тема работы М.Д.Хмырова "Артиллерия и артиллеристы в Руси допетровской", опубликованной в "Артиллерийском журнале" за 1866-1867 гг., была навеяна именно этим жеством. Есть сведения, что М.Д.Хмыров был членом Петербургского областного комитета "Земля и воля", и после разгрома организации он после обыска на квартире находился под негласным надзором III отделения.

Для исследователей Сибири определенную ценность составляют материалы о Сибири, занимающие в коллекции М.Д.Хмырова 13 томов. Они представлены еженедельными и ежемесячными журналами различных направлений. Здесь ведомственные нормативно-распорядительные документы, правительственные узаконения, научные статьи и исследования, путевые очерки, отчеты путешественников.

Особый интерес представляют публикации представителей революционно-демократической интеллигенции, оказавшихся в ссылке в Сибири: М.В.Буташевич-Петрашевского, И.А.Спешнева, М.А.Бакунина и др.

Первая половина XIX в. характерна появлением целого ряда краеведческих трудов о Сибири, печатавшихся в Петербурге, Москве, Казани и других городах. Только за 1816-1817 гг. известный историк и просветитель Г.А.Словцов поместил в "Казанских известиях" ряд крупнейших публикаций: "Несколько слов о г.Нерчинске" (1816, №72), "О состоянии Нерчинского уезда вообще" (1816, № 75,76),"Из записок по Якутской области (1816 № 86,87), "Общий взгляд на Якутскую губернию" (1817 № 11,12) и др.

Все они сосредоточены в т.9 коллекции по Сибири.

Особый интерес представляют и материалы 1856-1868 гг., попавшие в коллекцию М.Д.Хмырова. Это было время, когда крестьянский вопрос стоял в центре внимания правительства и органов печати. Официальная информация по вопросам правительственной политики,общественные оценки того или иного правительственного акта, выходившие из-под пера представителей различных социальных групп и политических направлений, безусловно требующих критического подхода, ценны с точки зрения реконструкции общественного сознания данного периода.

Материалы коллекции дают представление и по отдельным проблемам истории Сибири: переселенческий вопрос, статистика и политика переселений, культурные и бытовые контакты различных групп аборигенного населения с переселенцами. Здесь можно найти сведения о сословиях и профессиональных группах - казаках, государственных крестьянах, ссыльных, ямщиках, чиновниках, купцах, промышленниках и т.п.

Значительная часть материалов "сибирской" коллекции М.Д.Хмырова может представлять интерес для этнографов. Это вырезки из "Санкт-Петербургского журнала", из "Современника", посвященные обрядам, поверьям и быту северных народов, национальных меньшинств, переселившихся в Сибирь, описание их материальной культуры, жилищ, способов охоты, рыбной ловли, хозяйства и т.п.

Материалы коллекции дают представление по вопросам управления Сибирью, начиная с XVII столетия. Здесь широко представлены известные правительственные акты времени Екатерины II и Александра I: "Учреждение для управления губерний Российской империи", материалы ревизии М.М.Сперанского, закон о перестройке управления Сибирью 1822 г. и т.п.

"Русские ведомости","Журнал Министерства внутренних дел", "Библиограф" и другие периодические издания тридцатых-шестидеся-

тых годов XIX в. публиковали обширный материал о правительственной системе сбора повинностей с населения, вскрывали злоупотребления администрации. Эти материалы отложились в 7 и 13 томах коллекции.

М.Д.Хмыровым собраны богатые материалы о становлении и развитии промышленности и торговли в Сибири. В экономическом развитии края основную роль сыграла земледельческая колонизация. Промышленность заметно отставала. В конце XVIII-начале XIX вв. бурное развитие переживала золотопромышленность. Это явление нашло отражение в печати. В коллекции есть материалы о первых металлургических предприятиях Сибири (том 5,9,11, вырезки 49,24,8). Здесь же свидетельство о развитии торговли в Сибири.

В ежемесячных сочинениях "О пользе и увеселениях служащих за 1755 г." № 9 сообщалось: "Сибирские торги из давних лет в России в славе были, сие свидетельствует, между прочим, обретающийся в Москве особливий сибирский гостиный двор, построение которого не положено было бы, ежели того не требовало привозимое из Сибири великое множество товаров, которое знатно, что в общем Московском гостином дворе не умещались. Да и ныне еще сибирские торги составляют немалую часть Российской коммерции"[4].

В коллекции есть сведения о внутренней торговле, базарах и ярмарках, где и обменивают меха, гагарий и гусиный пух, мамонтовую кость на хлеб табак, порох, свинец, железные и медные изделия, сукно, холст и т.п.). Материалы раскрывают состояние торговли на сибирских казачьих линиях, среди коренных народов.

Кроме 13 томов материалов по Сибири, в коллекции собраны сведения тематического краеведческого характера по губерниям. Енисейской губернии посвящены два тома, Томской - один, содержащий 70 вырезок из центральных и местных органов периодической печати. Материалы можно сгруппировать по следующим разделам: демографические, этнографические, отражающие деятельность правительственных органов и т.п.

Любопытны материалы, иллюстрирующие обряды и быт коренного населения. Характерным примером являются публикации о "Енисейских тунгусах". Так, в статье И.Абрамова "Енисейские тунгусы", опубликованной в "Журнале мин-ства внутренних дел" за 1859 г. № 7, сообщалось: "Каждый род (тунгусов) брал свое название или от места своего пребывания, или от знаменитых сородичей. Одевались они

зимой и летом почти одинаково. Летняя одежда тунгусов состояла из оленьих кож, выкраиваемых наподобие фрака, длинных салог. На голове - сшитые беличьи хвосты наподобие венка. Основным украшением у женщин были "вышитые на лице бисером узоры", когда их наводили раскаленною иглою"[5].

Здесь же описывалось своеобразие похоронного обряда этой этнической группы. Умершего обыкновенной смертью зашивают в оленью шкуру с принадлежащими ему вещами - винтовкой без замка, луком без тетивы, топором, трубкой с табаком, котлом и сковородкой, дно которых просверливают, вешают на дерево или кладут на лабаз - высокий помост, устраиваемый на сажень и более от земли между четырьмя близлежащими деревьями. Деревья обмазывают кровью жертвенного оленя, мясо которого съедают. Тунгусов, принявших христианство, с теми же обрядами зарывают в землю[6].

Здесь же описаны обряды "калмыцких" племен, камасинцев, шраков и др. Материалы о Сибири занимают лишь незначительную часть коллекции М.Д.Хмырова, они являются ценным источником для историков, этнографов и краеведов.

Автор коллекции оказал неоценимую услугу России и исследователям ее исторического прошлого.

---

1. Хотимская Н.З., Мухин Л.А. Коллекция М.Д.Хмырова (уникальное собрание русских и иностранных журнальных и газетных статей)// Советское востоковедение. 1958. № 39; Казаков А.А. "Хмыровская библиотека" в фонде книгохранения ГПИБ. Записки ГПИБ. 1850. Вып.2.

2. Щубинский К.М. Хмыров. Некролог - русская старина. 1873. Т.7, январь. С.110.

3. Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856-1865 гг. М.1967. С.179.

4. Очерки о Сибири в историческом и экономическом отношении// Библиограф. 1862. № 10.

5. Абрамов И. Енисейские тунгусы ...С.204.

6. Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае//Вестник Всероссийского географического общества. Май, 1860. С.36.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СИБИРИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

КОТЛЯРОВ А.Н. Развитие взглядов Г.-Ф.Миллера по "варяжскому вопросу"..... 6

БЕЛКОВЕЦ Л.П. Г.-Ф. Миллер и В.Н.Татищев 21

ЖЕРАВИНА А.Г. К вопросу о крестьянских переселениях внутри заводского ведомства Западной Сибири 32

БОРЛИК Е.М. Участие сибирской администрации в управлении ведомством Колывано-Воскресенских заводов в 1747 - 1779 гг. ..43

МАЛЫХ А.А. Скотоводство государственных крестьян Западной Сибири в предреформенные годы..... 54

II. ПРОБЛЕМЫ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

БОЛЬШАКОВ В.Н. Техническое перевооружение на речном транспорте Сибири в XIX в. 70

КОНОВАЛОВ П.С. Строительная промышленность Сибири второй половины XIX - начала XX вв. 83

ПРОНИН В.И. Торговля Сибири с Европейской Россией в период домонополистического капитализма 94

ДМИТРИЕНКО Н.М. Демографическая структура сибирского города эпохи капитализма 1861 - 1917 гг.(на материалах Томска).....113

АНДРЮЩЕНКО Б.К. Формирование в Сибири кадров постоянных промышленных рабочих 60 - 90-х гг. XIX в. 125

ЦЕПЕННИКОВА Е.П., БОЛЬШАКОВ В.Н. Динамика заработной платы рабочих плавсостава на речном транспорте Сибири 1895-1914 гг. 133

СОБОЛЕВА Т.Н. Управление кабинетским земельно-арендным хозяйством на Алтае в конце XIX в. 146

БОЙКО В.П. Роль кредитной системы в формировании крупной буржуазии Западной Сибири второй половины XIX века 156

ТРОИЦКАЯ Н.А. Промыслы как сфера предпринимательства крупной дальневосточной буржуазии во 2-й половине XIXв.-начале XXв....166

ПРУДНИКОВА Т.П. Методика анализа группировок крестьянских хозяйств в материалах статистического описания Западной Сибири в последней четверти XIX века 176

III. ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СИБИРИ

ЧУПРОВ А.С. Волнения в г. Верхотурье во второй половине 40-х гг. XVII в. 180

ЗИНОВЬЕВ В.П., ТОПЧИЙ А.Т. "Бердский бунт" 1869 г. 188
ПАНТЕЛЕЕВ В.И. К вопросу о пассивных формах борьбы сибирского старожилого крестьянства против землеустройства (по материалам Енисейской губернии конца XIX - начала XX вв.) 199
ЗИНОВЬЕВА В.И. Первые рабочие организации в Западной Сибири 207
ДАВЫДЕНКО Л.И. Сибирские социал-демократы в борьбе с либеральной буржуазией за создание политической армии революции в 1905 - 1907 гг. 216
ХАРУСЬ О.А. Газета "Сибирская жизнь" как источник по истории кадетских организаций Сибири в 1905 - 1919 гг. ... 227
МАКСИМОВА М.В., ТОПЧИЙ А.Т. М.Д.Хмыров и его коллекция по истории Сибири 241

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Редактор Н.М.Шпагина

ИБ 1632

Подписано к печати 17.05.89 КЗ 06073 Формат 60×80 1/16. Бумага типографская № 3. Печать офсетная. Печ.л. 15,375, усл. печ. л. 14,29, уч.-изд. л.13. Тираж 500 экз. Заказ 375 Цена 2

Издательство ТГУ , 634029, Томск, ул.Никитина , 4
Ротапринт ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина , 4

издательство
томского
университета